

ПРОШЛОЕ НАСТИГНЕТ ТЕБЯ...

**В петле
времени**

18+

ЛОРА КЕЙЛИ

Annotation

Убийство, которого на следующий день не было.

Детектив Бенджамин Морис приезжает на очередной вызов. В одном из особняков убита молодая женщина. В саду он находит заколку с вырванной прядью волос. Вернувшись в особняк, Морис обнаруживает, что дом пуст, нет ни трупа, ни коллег. Решив, что все уже ушли, он забирает находку с собой и утром привозит ее в участок.

Но там детектива поднимают на смех, не понимая, о каком убийстве идет речь. Морис уже решает, что сходит с ума, но неожиданно в участок приходит та самая девушка, которую он вчера видел мертвой. Таинственная Саманта Стюарт просит о помощи: всю неделю ей поступают звонки с угрозами, и она боится за свою жизнь.

Киллер Чарли Беккер просыпается и понимает, что заказ не выполнен. Он вынужден идти на убийство снова... Что скрывается за всеми этими загадками? И сможет ли детектив Морис распутать узел, в котором прошлое и настоящее оказываются слишком связаны?

Серия «Время новых детективов» – это серия, включающая в себя новые имена остросюжетной прозы. Молодые авторы с необычными сюжетами и закрученными интригами впервые предстают перед читателем.

«Дебютный роман Лоры Кейли – удачный пример развития детективного жанра. Роман успешно объединил динамичный сюжет с неожиданными поворотами, хороший стиль и интеллектуальные вопросы. «В петле времени» не только увлекает, но и побуждает задуматься о самых актуальных темах». – *Екатерина Храменкова, литературный критик*

«Начав читать этот необычный роман, понимаешь, что с каждой страницей события закручиваются со всех сторон все быстрее и быстрее, и ты уже бежишь, несешься за мыслью автора, погружаясь все глубже и глубже в эту историю... Мне понравилось!» – *Олеся @lesenka1806, книжный блогер*

-
- [Лора Кейли](#)

- [1 глава](#)
 - [2 глава](#)
 - [3 глава](#)
 - [4 глава](#)
 - [5 глава](#)
 - [6 глава](#)
 - [7 глава](#)
 - [8 глава](#)
 - [9 глава](#)
 - [10 глава](#)
 - [11 глава](#)
 - [12 глава](#)
 - [13 глава](#)
 - [14 глава](#)
 - [15 глава](#)
 - [16 глава](#)
 - [17 глава](#)
 - [18 глава](#)
 - [19 глава](#)
 - [20 глава](#)
 - [21 глава](#)
 - [22 глава](#)
 - [23 глава](#)
 - [24 глава](#)
 - [25 глава](#)
 - [26 глава](#)
 - [27 глава](#)
 - [28 глава](#)
 - [29 глава](#)
 - [30 глава](#)
 - [31 глава](#)
 - [32 глава](#)
 - [33 глава](#)
 - [34 глава](#)
 - [35 глава](#)
 - [36 глава](#)
-

Лора Кейли

В петле времени

1 глава

К дому Саманты Стюарт инспектор Морис прибыл через десять минут. Всю последнюю неделю он проклинал бумажную волокиту, считая, что детектив должен заниматься настоящим делом, а не перекладыванием страниц из папки в папку, из кабинета в кабинет. Не то чтобы он был рад этому вызову, но и не то чтобы не был. И не видел в том никакого кощунства.

Дом Саманты Стюарт, двухэтажный каменный с коричнево-красной крышей и арочными окнами, поддерживался высокими колоннами и ежегодной побелкой. Свет огромной люстры играл меж гранёными каплями, отражаясь множеством лучей на мраморном полу. Комнатные пальмы стояли у высокой лестницы, ведомой бронзовыми перилами на второй этаж. По этой же лестнице поднимался офицер со служебной овчаркой, предлагая ей взять исчезнувший след.

Инспектор Морис прошёл на кухню. Саманта Стюарт сидела за столом, в компании двух следователей, одного криминалиста и хрустальной вазы с апельсинами, что стояла в центре стола. По округлым бёдрам хозяйки дома струился шёлковый халат. Грудь была слегка оголена, а длинные светлые волосы небрежно спадали на лицо. «Красивая женщина», – подумал инспектор. Всё в ней было красиво, всё, кроме зияющего багрового пятна под грудью.

– Огнестрел, – сказал один из следователей, – гильзу не нашли, пуля разорвалась внутри.

– Огнестрел, – повторил Бенджамин Морис и обошёл сотрудников, не мешая им работать с телом.

Работа же инспектора заключалась в другом – восстановить цепочку последних событий.

– Предположительное время смерти? – спросил он.

– Около полудня, – ответил следователь.

«Около пяти часов назад», – прикинул инспектор.

Он поднялся на второй этаж. Дверь в спальню была открыта. Морис вошёл. Кровать аккуратно заправлена, стулья на местах, один у стены, другой возле зеркала, никаких следов взлома или борьбы. На туалетном столике стояли разного вида шкатулки: из лакированного

дерева, из холодного зелёного камня и просто обшитые кожей. Весь столик был в них.

Морис открыл одну, вторую, третью, их было шесть, и все они были набиты украшениями: жемчугами, золотыми кулонами, красивыми кольцами. В одной из шкатулок была свёрнутая пачка денег, они отпружинили крышку, когда Морис только дотронулся до неё. Инспектор взял одно из колец и присмотрелся к оборотной стороне – тысяча восемьсот какой-то год, цифры были стёрты. Так и есть, подумал детектив, все украшения походили на семейные реликвии и стоили немислимых денег, и все они были нетронуты. Если бы преступник искал что-то конкретное, одно кольцо из множества, но нет, следов поиска тоже не было. Морис хорошо чувял былую суетность. Когда кто-то спешил или заметал следы, это всегда ощущалось в воздухе, будто само пространство было спутано.

Впервые инспектор почуял подобное лет десять назад, в спальне своего дома, когда вернулся раньше времени. Эта скомканная нервозность витала в воздухе, пряталась во взгляде жены, в ворохе наспех заправленной постели. Тогда он никого не нашёл, он и не пытался искать, но и не отрицал очевидного. Так и сейчас очевидно было, что убийца – не вор.

Часто Морису приходилось реанимировать прошлое, расставлять предметы по местам, поступки по мотивам, прослушивать телефонные разговоры, проходить по следам будущей жертвы, до последней её минуты. Он должен был думать как преступник, хотеть того же, понять, почему он того хотел. Инспектор спустился вниз.

– Мы осмотрели сад, – услышал он знакомый голос сержанта, это был Ронни из его отдела, – в саду всё чисто. Скорее всего, убийца вошёл через центральный вход, а жертва сама впустила его.

– Так в саду совсем ничего? – переспросил детектив.

– Проверь сам, Морис.

Ронни не любил таких, как детектив. Слишком педантичен, слишком въедлив и не к месту упрям. Бенджамин всегда был не к месту. Для Ронни всё казалось очевидным, для Мориса же ничего очевидного быть не могло.

Двери во внутренний двор были распахнуты настежь, через кухню виднелся просторный сад с небольшим водоёмом, милым фонтанчиком, ротанговой мебелью и садовыми гномами, засевшими в

кустах. Бенджамин Морис пошёл на свет играющего в малиновых клёнах солнца, оно то подсвечивало огневидные листья, то оттеняло их. В саду пахло лилиями и розмарином. Морис и сам был не прочь жить в таком доме, но жил лишь в серой квартире, под такими же серыми соседями, которым, как и ему, никогда не светили ни такой дом, ни фонтан со скульптурами, ни солнце в канадских клёнах.

Инспектор медленно обходил сад. Подошвы его чёрных ботинок осторожно приминали идеальный газон, ступали по мозаичным дорожкам из камня, проходили вдоль полукруглых кустарников и осиротевших белых фигур. Зелёное, белое, зелёное, белое, стеклянное... стеклянное. Морис не сразу заметил стекло, лежавшее в траве, присмотревшись, детектив поднял его. Оказалось, что это заколка (имитация хрусталя с металлической застёжкой), с прядью светлых волос на ней. «Прядь Саманты Стюарт, – подумал Морис, – внушительная прядь. Таковую можно только выдрать силой». Морис попытался восстановить происшедшее. «Сначала он схватил её за волосы, – рассуждал детектив, – она вырывалась, он дёрнул и выдрал заколку вместе с волосами. Преступник выбросил её, а после сам же не смог найти, нелегко найти стекло на траве. Получается, убийца не выстрелил в мирно сидящую женщину, он убил её здесь и приволок на кухню, усадив за стол, придал ей красивую позу, но зачем? На обуви убитой нет травы или земли, её каблуки должны были впитаться в землю, должны были принести с собой что-то из сада. Он помыл её обувь, – догадался Морис, – помыл и усадил за стол. Но почему он не оставил её здесь? Труп на траве в саду, чем плохое убийство? Почему не в саду? – Детектив расхаживал из стороны в сторону. – Никто не должен был знать, что убийца зашёл через сад. Через сад можно зайти? Инспектор пробежал по периметру. Невысокий каменный забор огораживал участок. Зайти через сад... У него не было ключей от дома, и ему не открыли бы, а подстроил он всё так, чтобы сузить круг подозреваемых до близких знакомых».

Морис ещё долго ходил по участку. При желании можно было легко перемахнуть через забор, поставить лестницу и перелезть. Да что там лестницу, инспектор встал на цыпочки, будь преступник выше Мориса (что вполне естественно, все знакомые были выше Мориса, даже женщины), то с лёгкостью бы мог перелезть через забор. Инспектор осмотрел заколку, пружина выскочила, прядь убитой

Саманты развевалась по ветру. Он накрутил её на пластиковое стекло и стал ощупывать карманы своего плаща. Пакеты для вещдоков Бенджамин всегда носил с собой. Всегда, только не сейчас. Ничего, у Ронни должен быть пакет.

Морис забежал в дом. В доме никого не было. Ни тела, ни следователей, ни Ронни. Только пустота. Дорогая, холодная пустота.

– Ронни, ты здесь? – крикнул Морис.

Из сада повеяло холодом, Морис закрыл витражные двери.

«Как долго я пробыл в саду», – подумал он и посмотрел на часы. Стрелки остановились. Он побил по стеклу, оно треснуло.

– Китайская дешёвка, – буркнул детектив. Он стал рыться по кухонным ящикам и, найдя наконец рулон из пакетов, положил заколку в один из них. Завтра он отдаст вещдок на экспертизу.

2 глава

Морис жил в небольшой квартирке: прихожая, через шаг холодильник и мойка, можно сказать, кухня в прихожей или наоборот. Окно освещало полкомнаты, кухня и была половиной комнаты, в неё буквально врезалась кровать. За окном находилась пожарная лестница. Мимо Мориса часто ходили по лестнице: непонятные люди в широких штанах, понятные женщины в длинных блузках, или то были короткие платья... Морис давно не смотрел на девиц. Ничего хорошего от них он не ждал.

Всё, что он когда-либо имел, отошло его жене и её любовнику. Тот прохиндей работал юристом, они оказались в стоворе. А Бенджи остался в этой квартире, на третьем этаже четырёхэтажного дома времён Великой депрессии, или каких-либо других времён, но застал он немало депрессий. Депрессию несчастного художника, что жил на втором, тот писал картины и разрывал их, писал и разрывал. Морису даже казалось, он писал, чтобы разрывать. Депрессию мадам Аннет, все знали, что она мадам, но никто не видел почему. Скорее всего, она была вдовой, скорее всего, вдова была безутешна, ведь кто бы её ни утешал, больше пары дней не задерживался. Дом застал депрессию великого фотографа. Сеньор Альваро жил над Морисом и всем говорил, что великий, а его фотографии крали, бесстыдно крали и побеждали с ними на выставках. Никто и не спорил с несчастным фотографом, все соглашались с его величием, всем было не до него. Было ещё много других депрессий, они заселялись и выселялись из дома, парочку вынесли ногами вперёд.

Морис позавтракал холодной пиццей и принял чуть тёплый душ. Когда-то у него была своя ванная, в том доме было две ваннные комнаты, сейчас же не было ничего. Морис надел старый костюм, а поверх измятый плащ, нащупал в кармане вчерашний вещдок и вышел на улицу.

Захлопнув дверь престарелого «форда», в котором через раз закрывались замки, Морис поехал в участок. Такие машины перестали выпускать ещё в 98-м, но Морис не переставал в неё верить, да и зарабатывать больше не начинал.

В участке работа кипела. По отделу бегали сотрудники, трезвонили телефоны без устали, сбрасывая и принимая звонки. Секретарша Глория, что всегда опаздывала с поводом и без, распечатывала уже не первый бланк для капитана. «Позвони ещё раз в правовой отдел», – кричал ей вслед капитан.

«Значит, не раз уже звонила, – подумал Морис, – что за ерунда», – оглядывался он. Офицеры стояли у кофемашины и громко смеялись, травя анекдоты. Двери соседних кабинетов впускали и выпускали людей.

– Эй, Морис, – крикнул из-за стола Ронни, – чего опоздал?

Детектив понял, что проспал. Утром он вроде бы встал в шесть, но и часы его тоже встали, ещё вчера в шесть вечера, в доме убитой Саманты Стюарт. Морис посмотрел на большие настенные, было без четверти десять.

– Чего застыл? – рассмеялся Ронни.

Морис посмотрел на Ронни, на всех вокруг, вспомнил про вещдок в кармане и пошёл на второй этаж. Что-то странное творилось с инспектором, как-то не так было вокруг.

За стеклянной дверью человек в белом (эксперт лаборатории, высокий, нервный, худой) уже десять минут объяснял что-то Морису:

– Я тебе ещё раз говорю, – настаивал криминалист, тряся пакетиком с заколкой возле носа Мориса, – что никакого дела, никакой Саманты Стюарт у нас нет!

– А я тебе ещё раз говорю, что вчера после шести привезли её тело, – настаивал детектив.

– Вот куда привезли, туда и иди!

Морис забрал заколку и вышел за дверь. Она гроыхнула так, будто дала ему по носу. Его будто выставили, нагло выставили.

«Эти медики вечно сидят на чём-то», – бормотал Морис, спускаясь вниз, как вчера он спускался по мраморной лестнице, в доме убитой Саманты Стюарт. Морис расстегнул пиджак и верхнюю пуговицу, вытер со лба испарину и вернулся в отдел.

– Эй, Ронни, – подошёл он к сержанту, – мне нужно приобщить заколку к делу.

Ронни посмотрел на заколку в пакете.

– Ну так приобщи.

– Её не принимают в лаборатории. Им нужно дело Саманты Стюарт.

– Кого?

– Саманты Стюарт. Вчера в саду я нашёл заколку с её волосами, убийца зашёл через сад.

– Какой убийца, Бенджи? В каком саду?

– Ты издеваешься, что ли, Ронни? Ты вчера осматривал тело. Саманта Стюарт, двадцать шесть лет, огнестрел.

– Какой огнестрел, какое тело? Вчера мы весь день просидели здесь.

– А чьи это, по-твоему, волосы? – Морис указал на пакет.

– Откуда мне знать, чьи это волосы. Ты совсем уже тронулся?

Ронни смотрел на Мориса как на сумасшедшего. Морис и сам решил, что сходит с ума.

– Дом, двухэтажный с колоннами у поворота на Филдстон-стрит, – не моргая смотрел он на Ронни.

– Так, – протянул сержант. – Я всё понял...

– Да?

– Конечно! Вчера после работы ты пошёл в бар и в дупель напился, а после подцепил какую-то девку, вот с этой самой заколкой, провёл с ней ночь, проспал, а наутро принял её волосы за вещдок. И сегодня в белой горячке припёрся в отдел.

– Там был сад, Ронни, – чуть не плача говорил Морис, – в саду были гномы.

– Гномы?

– Да.

– В саду?

– Да!

– Живые?

– Ты что, издеваешься надо мной? – Морис облокотился на стол.

– Что случилось? – спросил офицер, что потягивал кофе у стойки секретарши.

– У Мориса появилась любовница, – крикнул Ронни. – Сегодня ночью он выдрал ей волосы и сейчас пришёл похвастаться этим.

– Поздравляю, лейтенант! – сказал офицер, приподнимая кофе, как бокал. – Сколько можно оплакивать неудавшийся брак.

– Я не оплакивал...

– И правильно.
– Нашёл чем хвастаться, – покосилась на Мориса секретарша.
– Не завидуй, Глория, – подмигнул ей Ронни.
– Да не было никакой любовницы! – завопил Морис.
– Есть вещи, которых не стоит стыдиться, лейтенант, тем более в вашем-то возрасте...

– Мне сорок пять!
– Серьёзно? А с виду дашь все сорок шесть...
– Всё, с меня хватит! – Морис послал всех к чёртовой матери и пошёл за свой стол.

«Может, и правда ничего не было, – думал он, смотря на заколку, – ни дома, ни убийства, ни сада с гномами».

Он взглянул на часы, они были с трещиной. «Может, приснилось, но откуда вещдок?»

Морис видел всё, и себя, и Ронни, и офис, весь, каким он его помнил, и людей всех, что помнили его. Чьи-то пальцы отбивали разрешение на обыск, всаживая в столешницу клавиши с буквами, чьи-то губы повторяли услышанное в трубке, завершали разговор. Этот день был таким же реальным, как реальным было вчера. Вдруг это всё перед ним закружилось – и отдел, и люди, и их голоса, закружилось и встало, и Морис встал, встал и пошёл к выходу. Как идут с похмелья, нехотя, чуть пошатываясь, с больной головой и шумом в ушах.

– Простите, – донёсся незнакомый голос.

Морис видел пришедшую девушку, Морис слышал незнакомый голос, Морис сходил с ума.

– К кому я могу обратиться за помощью?

Помощь сейчас не помешала бы Морису. Он огляделся по сторонам.

«Интересно, они её тоже видят или её вижу только я...»

– Вы меня слышите? – спросила женщина.

– Я вас слышу, – прошептал инспектор, он будто сейчас проглотил все гласные. Он будто забыл, как дышать. Вдох, вдох, где выдох? А, вот же выдох, ладонью с размаху по потной спине. Ронни треснул ему меж лопаток: «Морис, дай пройти», – и прошёл мимо него, мимо неё, как будто так легко это было – ходить мимо воскресших людей.

Морис взял женщину под локоть, никогда он не брал трупы под локоть, никогда не приглашал присесть.

Он сел за свой стол, она села напротив.

– Глория, принеси, пожалуйста, кофе, – попросил Морис.

– Я не твой личный секретарь, – чуть не ответила Глория, но тут же метнулась за кофе, увидев бумажную бледность его лица.

Морис отпил сладкий кофе, искоса смотря на ту, что смотрела на него.

– Как вас зовут? – еле выговорил он.

– Саманта Стюарт.

Всё опять закружилось, но быстро встало на места.

– Чем я могу вам помочь?

– Уже неделю мне поступают звонки с угрозами. Я не сразу поняла, что это угрозы, – она быстро перебирала ремешок своей сумочки.

– Не поняли?

– Нет, сначала в трубке молчали, а потом заговорили, но голос был будто записан на плёнку или наложен какой-то эффект.

– Что сказали?

– Время пришло.

– Время пришло?

– Да, – губы её задрожали. – Меня могут убить?

– Возможно, – протянул Морис.

Он совершенно не думал о жертве, чего о ней думать, если она уже мертва, он не думал и о поступивших звонках, раньше бы он зацепился за это, раньше, но не сейчас. Сейчас он думал о психологической помощи и о том, как нелепо завершилась его сознательная жизнь. По долгу службы он пару раз говорил с сумасшедшими. Но, к сожалению, не спросил их тогда, поняли ли они, в какой момент спятили. А стоило бы спросить. Если они ни о чём не догадывались и не знали никогда, что разум покидает их, а он знает и вполне себе догадывается, значит, у него не всё так плохо. Может, он и не совсем псих...

Детектив взглянул на Саманту. Ему захотелось ещё раз дотронуться до неё. «Может, она ненастоящая, может, всё ненастоящее», – подумал Морис, но всё же постарался прийти в себя.

Глаза Саманты наполнились страхом, лицо задрожало, волосы то и дело спадали на лоб, мешали, лезли в глаза. Она поправляла их и поправляла, пытаясь собрать, но они всё падали и падали. Саманта

открыла объемную сумочку и ушла в неё с головой, долго рылась и что-то искала.

– Что вы ищете? – спросил Морис.

– Я вчера потеряла заколку, – сказала она, – и где я могла её потерять...

«В саду», – чуть не выпалил Морис, но, нащупав заколку в кармане, смолчал.

– Последнюю неделю я никому не открываю дверь, – продолжала покойная, – только доставщикам еды. Я почти не выхожу на улицу, только если во двор, у меня есть свой сад, всё время я провожу там.

«Отличный сад, – хотел было сказать Морис, – и гномы отличные, и клён».

– Вы мне поможете? – взмолилась Саманта.

В глазах её было столько надежды... «Разве могут быть глаза покойника полны надежды, – рассуждал молча Морис, – не могут. Скорее всего, она не мертва. Скорее всего, это даже не её заколка. Может, Ронни был прав...»

– Я сделаю запрос в телефонную компанию, – сказал детектив, постепенно приходя в себя, – мы постараемся вычислить, откуда поступали звонки. Но, скорее всего, не получится.

– Не получится?

– А если и получится, это нам ничего не даст.

– Почему?

– Подобного рода угрозы поступают либо с телефонных уличных будок, либо с заграничных «мёртвых» номеров. Их хозяева не те, кто звонят.

– А узнать, откуда звонили, вы можете?

– Можем, но только в процессе звонка.

Морис и сам не заметил, как быстро он вошёл в колею своей обычной жизни, обычного лейтенанта отдела убийств. Он говорил так чётко и сдержанно, как говорил всегда, как говорил ещё день назад. Его волновала жизнь этой Саманты. Его волновало, кто же преступник. А заколка, да что заколка, пусть она будет как есть, в пакете, в кармане, в непонятном прошлом, когда-нибудь всё непонятное обретает чёткий след. Морис всегда это знал, он и сейчас в это верил.

– Я в дом больше не вернусь, – сказала Саманта.

– Но что прикажете делать?

– Не знаю...

– Вы можете поселиться в гостинице, но охрану я вам дать не смогу.

– А если он выследит меня? Вы можете пожить со мной?

– В гостинице? Нет, мэм, боюсь, это невозможно.

– А я с вами?

– Вы серьёзно? Хотите пожить у меня? Я боюсь, в моей квартире не так много места.

– Мне всё равно, пожалуйста, не бросайте меня.

– Хорошо, до выяснения всех обстоятельств вы можете пожить у меня.

– Правда?

– Правда, – ответил Морис и вышел из-за стола.

Саманта тоже встала.

– Подождите меня у дверей, мне нужно найти ключи.

Морис искал ключи от машины.

– Что потерял? – вернулся Ронни.

– Ключи от машины, – он рылся в столе.

– Ключи?

– Ключи.

– Те, что в руке?

– Те, что... – Морис взглянул на свою руку. – Спасибо, Ронни.

– Ты куда это, Морис?

– Мне нужно проводить девушку, она поживёт у меня.

– Вторая за сутки? Даже я так не могу, – Ронни заржал. Морис сделал вид, что не слышал.

– Только у меня очень маленькая квартира, – подошёл он к Саманте, – и в ней лишь одна кровать.

– Ничего, я буду спать на полу.

Почему-то подумалось Морису, что на полу будет спать именно он.

3 глава

Днём ранее

Чарли Беккер снял дом напротив, напротив дома Саманты Стюарт, он любил Саманту Стюарт, как и каждый порядочный человек обязан любить свою работу. Люби своё дело, сынок, говорил ему отец, и тебе никогда не придётся работать. О да, как он был прав. Отец Чарли держал свиноферму в Техасе. Он разводил свиней, он любил свиней. «Они как люди, – говорил он, умны и прозорливы. Вот только они предчувствуют смерть». Отец по глазам это видел, он закалывал свиней двадцать пять лет.

«Они предчувствовали смерть, – думал Чарли, стоя за занавеской в спальне, наблюдая за домом Саманты Стюарт. – Они предчувствовали смерть, в отличие от людей».

Чарли Беккер сглотнул. «Сейчас бы на ферму», – думал он, глядя в бинокль в окно спальни Саманты Стюарт. Она только встала, она рано встаёт. Запахнула шёлковый халат и завязала его на поясе, она наклонила голову набок и начала расчёсывать волосы, сверху вниз, сверху вниз. Она была его работой уже несколько дней. За всю жизнь у него было много такой работы, он имел дело с людьми, он наблюдал за ними, он убивал их. Чарли любил пистолеты с глушителем, так он не слышал, как убивал, щёлк – и всё, щёлк – и готово.

«Это не грех, – думал Чарли, – ну какой это грех? Это просто работа – делать за других, что они не сумели бы сами, получать хорошие деньги, брать новые заказы и заметать следы». Чарли Беккер любил заметать следы, всё в его работе было чисто, он любил чистоту. Однажды он помыл посуду за убитым, он-то уже не помоеет, а оно завоняет всё. Когда Чарли уходил, всё блестело, после него даже покойники выглядели лучше, чем при жизни. Они же такие суетные, думал Чарли, кто кричит, кто вырывается, кому галстук потом поправь, кому причёску. Причёска же самого Чарли была идеальна, с пробором набок и ровными баками, он и сам был идеальный.

На работу Беккер ходил в костюме, тёмно-синем костюме и белой рубашке. В шкафу его было много таких рубашек, к сожалению не всегда они оставались белыми, но только он сам мог застирывать их, а

как не смочь, десять лет практики. Он стирал лучше всякой химчистки. Он не любил химчистки, там задают неловкие вопросы, «от чего это пятно» спрашивают они, а Беккер совсем не любил оправдываться, нужно было что-то придумать, легче постирать самому.

Беккер занавесил окно. Заказчик попросил выждать неделю, подготовить Саманту Стюарт, устроить. Чарли не впервой было устрашать, слово заказчика – закон. Но что больше всего его удивляло, так то, что жертвы не двигались с места. Звонишь им в офис, они запираются в офисе, звонишь домой, они закрывают все двери. Будто когда для него были препятствием двери. Даже свинья выбежит из стойла, если есть куда бежать. Люди тупее свиней. Чарли и сам любил предупреждать своих жертв, всё же воспитанным людям следует предупреждать о приходе заранее, он же не гангстер какой, он серьёзный человек.

Чарли Беккер настолько серьёзный, что его пару раз перекупали гангстеры. Однажды он пришёл на встречу с заказчиком. Его пригласили в офис (высокое здание в центре Манхэттена), на двадцать восьмой этаж. Его пригласили на встречу с заказчиком, в здание, напичканное камерами и охраной, отслеживающей те камеры. Он прошёл осмотр, они не нашли ничего. Конечно, не нашли. Ничего и не было, пока он проходил узкие коридоры, ничего не было, пока он открывал распашные двери, никакого оружия в его руках, пока он пожимал руку заказчику. Оружие было под кожей его руки. Перед убийством ты не чувствуешь боли, да и Чарли Беккер вообще мало что чувствовал, он вытащил спицу из-под кожи запястья, он всадил её в шею стоящего перед ним. Его перекупили за час до переговоров. Ему заплатили больше. Чарли всегда платили больше, больше, чем кому бы то ни было. Да и хорошо, разве на дело берут «кого бы то ни было»? Кто бы то ни был не может стать хорошим киллером, а Беккер стал хорошим, отличным, он был лучше всех.

Месяц назад ему позвонили. Его вызвали в один из офисов, в один из тех, что теряются в небоскрёбах-муравейниках, который потом и не найдёшь. Часто для встречи с ним снимали офисы, никто не хотел светить дома. Его встретили на пороге охранники, они провели его через металлоискатель, тогда он был чист до самых костей. Человек в костюме поздоровался с ним, развернувшись на кресле. Он был

подтянут и загорел, его руки были ухоженнее женских, а зубы блестели, как новый фаянс.

Чарли получил много денег, карту местности, фото жертвы в профиль и анфас. Он вышел из кабинета с высокими окнами и заселился в дом напротив. Напротив дома Саманты Стюарт.

Чарли посмотрел на часы, стрелки показали семь утра, он застегнул верхние пуговицы белой рубашки и вышел подышать. Он любил дышать, он любил то, чего лишал других.

Сонные улицы не спешили просыпаться, они ещё потягивались под ночным покровом, открывая то один, то другой глаз. То одно, то второе окно соседних домов открывало и закрывало жалюзи, то одна, то другая рука высовывалась из дверей, забирая газеты. Нехотя поднимался Филдстон, нехотя впускал в богатые стены новый день. Солнце вошло над домами, сад напротив звенел красным клёном.

Чарли поднял с порога газету и вернулся в дом.

«Новости Филдстона. 26 августа», – прочитал он.

Сегодня был важный день, он бросил газету на стол. Любой рабочий день важный. Беккер засыпал кофе в турку, раз, два, налил воды, поставил на плиту, дождался первых пузырьков, снял. Беккер знал, что Саманта никому не открывала, никому, кроме доставщиков еды.

Чарли прослушивал её телефон на протяжении недели, он слышал её взволнованный голос каждый день. Сегодня он также ждал её звонка. Чарли включил модуль и надел наушники, отпил горячий кофе, снял языком тонкую плёнку кожицы с нёба, и только так понял, что обжёг. Он не почувствовал боли, он ничего не чувствовал, когда был так сосредоточен. Прошло три часа. В наушниках Беккера раздался знакомый голос.

– Ресторан «Джордано», здравствуйте.

– Здравствуйтесь, я бы хотела заказать фирменный завтрак, ланч и кофе, без сахара, – сказала Саманта Стюарт.

– Назовите адрес, мисс.

– Филдстон-стрит, 82.

– Заказ доставим в течение часа. Всего доброго.

Вчера Беккер заказал ланч в том же ресторане, и сейчас он доставит его сам. Чарли допил кофе до горечи и вышел из-за стола. Он открыл высокий створчатый шкаф и стал перебирать одинаковые

пиджаки: первый, второй и неприятно жёлтый. Неприятно жёлтый комбинезон доставщика ресторана «Джордано» выбивался из общей картины, портя всё. Он надел неприятно жёлтый на белоснежную рубашку и посмотрел в напольное зеркало. Чарли любил высокие напольные зеркала, в них был весь он, весь целиком, с головы до пят, а не по частям, по частям можно выносить только трупы, а в зеркало нужно видеть себя во весь рост. Он отряхнул комбинезон от невидимой пыли и подошёл к прикроватной тумбе. На ней лежал рабочий инструмент, он купил его за большие деньги. Нельзя экономить на инструменте, как скрипач не экономит на скрипке, так и он не пожалел денег на оружие. Оно должно быть идеальным, оно должно идеально выполнить свою работу. Чарли взял пистолет и прикрутил к нему глушитель. Он смотрел на оружие, как мать на дитя, любуясь им и поглаживая, он заткнул пистолет за пояс, взял у порога пакет с едой и пошёл на работу.

Дом Саманты Стюарт находился напротив, Чарли Беккер перешёл дорогу, его твёрдый шаг ступал по мозаичным камням, ведущим прямо к двери. Скоро здесь будет полиция, подумал Беккер, в своей работе ему нравилось всё, особенно переполох после неё, и то, что он был его причиной. Мечущиеся медики, осматривающие территорию полицейские, собаки, ищущие след (они никогда его не найдут), телевизионщики с репортёрами: «Преступник не оставил никаких следов», – скажут они. Беккер ухмыльнётся от слова «преступник» и потешит себя «отсутствием следов». Сейчас он дойдёт до двери и позвонит в неё, он войдёт за порог, закроет дверь и... И вот уже звонок раздался раздражающим резким писком по дому. Шаги приближались к двери, женские каблуки цокали по кафелю. У Беккера был отличный слух. Женская рука открывала верхний замок, нижний замок, дверная цепочка влево-вправо. Вот она.

«Ну, здравствуй, – подумал Беккер, – скоро ты умрёшь».

– Доброе утро, – сказал он.

– Здравствуйте, – сказала она и взяла пакет, – проходите, я дам вам чаевые.

Саманта пошла на кухню за сумочкой. Беккер зашёл и закрыл дверь, на один замок, на второй... Саманта обернулась, Беккер шёл на неё. Ноги её подкосились, она попятилась назад, к дверям сада. Беккер шёл на неё. Она выбежала в сад. Беккер шёл на неё.

– Не волнуйтесь, мисс Стюарт.

Он достал пистолет и прицелился. Саманта бежала по саду, он выстрелил. Осечка. Чарли ошалело посмотрел на пистолет, выстрелил ещё раз – промах. Саманта бежала к забору. Чарли побежал за ней. Ещё немного, и она добежит, ещё немного, и Чарли достанет её, допрыгнет, как рысь до добычи. Беккер добежал, схватил Саманту, она вскрикнула, он закрыл ей рот, она вонзила ему каблук в ногу, он вцепился ей в волосы. Саманта вырывалась в истерике, Чарли не любил женские истерики, он не любил рукопашную, он ненавидел промахиваться. Саманта резко запрокинула голову, ударив его затылком по носу, он дёрнул её сильно за волосы, выдрав клочок волос. Что-то треснуло и упало на землю, Беккер не понял что, сейчас не до этого, сейчас бы затащить эту стерву в дом. Он потащил её, она впивалась туфлями в землю. Беккер выстрелил ещё раз, Саманта обмякла и повисла на его руках.

Чарли выдохнул. Он ненавидел, когда идёт не по плану, он ненавидел такую возню. Сегодня же он выкинет этот чёртов пистолет, а завтра свернёт шею тому, кто продал его. «Самая лучшая женщина – мёртвая женщина», – подумал он и, взгромоздив Саманту на плечи, занёс в дом.

Чарли посадил уставшую Саманту Стюарт за белый кухонный стол. «Какая она растрёпанная, – подумал он, – и эти грязные туфли, этот грязный пол, повсюду грязь».

4 глава

Впервые за десять лет Бенджамин Морис спал с женщиной. То есть рядом с женщиной, точнее, около кровати, на которой спала она. А он был рядом, на полу, рядом с её рукой, которая то и дело спадала ему на лицо. Как-то ночью рука нащупала его нос и забралась обратно, а потом опять сползла. Бенджамин мог бы убрать руку, но как-то смущался, всё же рука, всё же женская, всё же временно, подумал он. Ничего он так не боялся, как живых женщин, ему было бы спокойнее спать среди мёртвых, где-нибудь в морге или на кладбище, где он только не спал, но никогда ему не было так некомфортно, как сейчас.

Ещё неудобнее было Саманте. Она ворочалась до полуночи. Таких матрасов она сроду не видела, на таких кроватях она никогда не спала. Что-то под нею скрипело и проваливалось. После нескольких часов возни Саманте почудилось, что скрипела уже она сама. Наутро каждый из них проснулся разбитым. Морис посмотрел на разбитые часы, вспомнил, что они не идут, потянулся за пультом и снова посмотрел на циферблат, стрелки показывали семь двадцать, часы шли. Он ещё с минуту смотрел, как секундная обгоняет все остальные, переступая с чёрточки на чёрточку, с цифры на цифру, увеличивая счёт.

Саманта вышла из ванной комнаты.

– Мне нужно заехать домой, забрать кое-какие вещи, – сказала она.

– Который сейчас час? – спросил он.

– Семь двадцать.

– Семь двадцать, – повторил Морис.

– Что-то не так?

– Часы пошли.

– Это плохо?

– Нет, но вчера они остановились...

– У меня здесь даже зубной щётки нет.

– Может, они и не останавливались...

– И пижаму нужно забрать, я привезу сюда пару чемоданов?

– Конечно.

– А кто здесь готовит? – она посмотрела на кухню.

– Я.

– Вы умеете?

– Нет.

– И я не умею.

Они замолчали. Саманта привыкала к мысли, что ей нужно будет жить здесь, а Моррис, что здесь нужно будет жить с ней, и с её чемоданами. «Хорошо, что не с кошками, – подумал Морис, – хорошо, что не с детьми». Он не любил ни кошек, ни детей. Он даже думать не хотел, что в тех чемоданах. А в них, наверное, женские вещи с приторными ароматами, побрякушки, заколочки... Заколочки, вспомнил он. Ах да, успокоился Морис, он же встал этой ночью и спрятал заколку в верхний ящик стола.

– Значит так, вы готовы? – засобирался он.

– К чему?

– Едем к вам за вещами. Точнее, вы за вещами, а я осмотрю дом.

Когда-то, когда Саманта была совсем юной и жила не здесь, за ней ухаживал парнишка с соседней улицы. Каждый вечер он заезжал за Самантой. Они смотрели кино в машине, и целовались в машине, вот в такой вот машине, в которой она сидела сейчас.

– Я и не знала, что их ещё выпускают, – осмотрела она неброскую панель.

– А их и не выпускают, – смутился Морис.

А дальше они и не знали о чём говорить. До дома Саманты доехали за пятнадцать минут. «Хорошо, что быстро, – подумал Морис, – ничего нет хуже тягучей молчаливой неловкости». Она как жвачка, которую тянешь, тянешь, а потом запикиваешь всю эту тягомотину в рот, надеясь выдуть хоть какой-то пузырь. Нужно хоть что-то выдавить из слов, беспорядочных, случайных; пузырь из бессмысленных предложений. Морис не любил пузырей, он не жевал жвачки, он привык говорить чётко по делу, иначе никак.

Дом был всё тот же, белый с колоннами. Морис медленно к нему подходил. Никак он не мог заставить себя зайти за порог. Вот зайдёт он, а там опять она – мёртвая, на белом стуле, в халате из шёлка... Она стояла посреди холла, живая, звала его.

– Вы так и будете стоять на пороге, детектив? – улыбалась Саманта.

Морис переступил.

Однозначно он был здесь тогда, однозначно это не было сном. И он не знал, что бы это всё значило. Его раздражало это незнание, как любое незнание, потому он докапывался до истины быстрее других. Ему нужна была правда, голая, истерзанная, грязная, но правда, и не было ничего важнее неё.

Всё тот же светлый холл, всё те же узоры от спутанных клёнов рисовало солнце на белом полу. Кудрявые, волнистые, они плясали на кафеле, живым театром игривых теней. Саманта открыла витражные двери, запустила запахи летнего сада: сладкие лилии, хвойный розмарин. Плавно, размеренно наполняли они своей душистостью дом, проникая призрачно в стены, в мебель, в каждого, кто был здесь. Разморило и Мориса, ударило в голову, он пошатнулся, но устоял. «Стол, гарнитур, два белых стула. Чего-то здесь не хватает, но чего?»

– Вы хотели осмотреть дом, – напомнила Саманта.

– Я его уже осмотрел, – глядел он на розовые кроны, меж зелёных округлых кустов.

– Осмотрели? Когда?

– Сейчас, я осмотрел сейчас.

– Вам нехорошо?

Вид и без того хилого инспектора Саманте показался ненормально болезненным. Он был так бледен, что, поставь с ним рядом восковую куклу, и та была бы живей. Этот невысокий сутулый человек совсем не походил на детектива. Он походил скорее на учителя рисования или истории, помятого, неуклюжего в этих самых брюках, на таких же подтяжках; он ходил бы по классу, отмеряя шаги, думая и присматриваясь, наблюдая за каждым предметом как за школьным учеником. Каждый предмет мог что-то да значить, каждый мог заговорить. И Морис вроде как прислушивался к ним. Он подошёл к телефонному аппарату, снял трубку и нажал на кнопку последнего вызова. Аппарат испускал гудки, совершая соединение.

«Ресторан «Джордано», служба доставки», – раздалось на том конце провода.

«Извините», – сказал Морис и повесил трубку.

– Последним местом, куда вы звонили, был ресторан?

– Да, я заказала еду на дом.

– А потом пошли в полицию?

– Да.

- А почему не позвонили?
- Я боялась, что он узнает, что я позвонила в полицию.
- У вас есть какие-нибудь предположения, мисс? Вы кому-нибудь перешли дорогу, сейчас или когда-то? Подставили, подсыпали стекла в туфли на каком-нибудь из конкурсов красоты?
- Я никогда не участвовала в конкурсах красоты, – Саманта рассмеялась. Красная помада её пухлых губ придавала красивой улыбке ещё больше света.
- Почему вы смеётесь?
- Вы очень забавный, мистер Морис.
- Я забавный? – он покосился на неё с таким прищуром, что она рассмеялась ещё заливистой.
- Простите, я не хотела вас обидеть, я так давно не смеялась, уже год как.
- Я не обижаюсь, мисс, вам идёт смех, я вот не умею смеяться.
- Нет?
- Нет.
- Такого не бывает.
- Бывает, серьёзно вам говорю, я только улыбаюсь, вот так, – инспектор оголил свои редкие коротковатые зубы, Саманта не выдержала и, смеясь, села на лестницу.
- Что? Что такое? – присел он рядом.
- Ничего, – отходила она от смеха – ничего, мистер Морис. Вы так непохожи на всех других.
- На каких других, мисс Стюарт?
- На всех других, на тех, кто был, – она замолчала и продолжила: – Кому-то нужны были мои деньги, вы знаете, я богата.
- Я догадался, мисс.
- Да, это заметно, – она оглядела хрустальные люстры на потолке.
- Кому-то нужна была моя внешность.
- Вы очень красивы, мисс, не стоит осуждать тех, кто заметил это.
- Но никто не замечал ничего другого.
- Я понимаю. Людей привлекает красота, это нормально, моя жена изменила мне с красавцем.
- О господи...
- И это нормально.
- Как вы можете так говорить?

– У меня есть зеркало, мисс, – инспектор скривил лицо в натужной ухмылке, встал со ступеней и пошёл на второй этаж.

– Неправда, – догнала его Саманта. – Вы очень милый.

– Спасибо, мисс, – смутился Морис. – Так вы говорили, что не смеялись уже давно.

– Моего отца не стало год назад, сэр, – сказала она, чуть помолчав.

– Сочувствую. Что-то криминальное?

– Нет, сердечный приступ.

– Мне очень жаль, – Морис замедлил шаг.

– Но я не верю в это, – повернулась она к нему.

– В приступ? Сейчас такое время, мисс. В моём доме за последний год было два сердечных приступа.

– Я понимаю, но мне не дали даже результатов вскрытия, я и не знаю, было ли оно.

– Кто не дал? – остановился инспектор у входа в спальню.

– Его друзья.

– Друзья?

– Да.

– У вашего отца было много друзей?

– Он называл их партнёрами, потом они перестали приходить.

– Они приходили сюда?

– Нет, мы жили в Висконсине, – она запнулась и продолжила: – Папа прервал общение с ними, и мы переехали сюда, а через три года он умер.

– Они поссорились, мисс?

– Я не знаю.

– Вы говорили с отцом о его друзьях?

– Нет, он не разрешал говорить.

– Не разрешал? – не понял Морис.

– Да, он всякий раз прерывал разговор.

– Кто-нибудь осматривал его вещи после смерти?

– Я пыталась что-то найти, но ничего в его кабинете не было.

– Где его кабинет?

– Здесь.

– В доме? – удивился детектив.

– Да. Пройдёмте, это на третьем этаже.

- Здесь есть третий этаж?
- Он дополнительный, только с левого крыла. В одну комнату.
- Что сказал человек, который угрожал вам, мисс, что он сказал вам по телефону?

Саманта остановилась и посмотрела на Мориса.

- Время пришло.
- «Время пришло», это не насторожило вас?
- Я была так испугана, что...
- Я понимаю-понимаю, но воры не говорят «время пришло».
- Да, вы правы.

Она остановилась возле не приметной двери, вдавленной в стену.

- Это здесь, – Саманта открыла дверь и указала на узкую лестницу, ведущую наверх.

«Как я раньше не заметил этой лестницы», – подумал Морис.

Небольшие деревянные ступени осторожно вели за собой. Морис шёл за высокими каблуками лакированных чёрных туфель, они сверкали переливистым глянцем, вознося на себе, как на троне, белые тонкие щиколотки, стройные игривые икры, до середины прикрытые юбкой, будто волной. Справа налево приливалась волна, шаг за шагом вниз уходили ступени.

- Вот и кабинет, – сказала Саманта, открывая дверь на третьем этаже, запуская в неё инспектора.

«Вот и кабинет», – осмотрел помещение Морис.

Высокие потолки подпирали массивные балки, они будто держали мансардную крышу, не давая ей упасть. Небольшое окно освещало комнату, письменный стол стоял у окна, над ним нависали книжные полки, книжные шкафы подпирали стены, нагруженные, словно портовые грузчики, книгами до самых верхов. Возле дивана был спрятан камин, скромный камин для такого нескромного дома, он, казалось, был лишним, он, похоже, был тумбой и не более чем.

- Папа не разжигал его, – сказала Саманта, поймав взгляд Мориса, – что-то с дымоходом.

На камине-тумбе стояли: подсвечник в виде трёх слонов, пепельница в виде черепахи, фото Саманты в красивой рамке и стеклянная статуэтка в виде женской фигуры на небольшом постаменте. Морис взял статуэтку и вытер пыль с позолоченного шильда.

– За лучшую женскую роль второго плана, – прочитал он. – Ваш отец тоже был актёром? – вернул он статуэтку на место.

– Нет, что вы, – улыбнулась Саманта, – он юрист, отец занимался какими-то финансовыми делами, бумагами, договорами...

– А награды здесь при чём?

– Папа вёл дела многих известных людей, он защищал их.

Саманта взяла стройную фигурку и стряхнула с неё пыль.

– Когда-то я тоже хотела стать актрисой, – она вытянула статуэтку перед собой и посмотрела ей в лицо, словно бросая вызов, приглашая на бой, будто заранее зная, что проиграет его, – но любое упоминание об актёрстве приводило его в ужас.

Она поставила статуэтку на место.

– Я думаю, вы справились бы, вы очень красивы, мисс.

– Спасибо, но об этом не могло идти и речи. Всех актёров он называл шутами, а актрис беспринципными, – она замялась и покраснела, – беспринципными легкомысленными женщинами. Если можно так сказать.

– Он говорил чуть жёстче? – Морис попытался поймать смущённый взгляд Саманты.

– Да, намного жёстче.

– Понятно. Значит, ваш отец принимал актрис, вёл их дела, но ненавидел их?

– Скорее презирал.

– А они? Как они разговаривали с вашим отцом?

– Уважительно.

– Уважительно? – переспросил Морис.

– Да, – кивнула она.

– Они могли выбрать любого юриста, но выбрали того, кто презирал их, и разговаривали с ним уважительно?

– Может, они не знали, как отец относился к ним?

– Может, и не знали, мисс, вы правы. А что было с личной жизнью вашего отца, как его, простите, мистер... – Морис взял выгоревшую визитку со стола, – Кларк Стюарт.

– Мама не стало, когда мне не было и двух лет.

– Сочувствую, мисс.

– Мне было хорошо с отцом, он делал всё для меня.

– А, простите, женщины у него были?

– Наверное, были, – задумалась Саманта. – Отец был красив, но я не видела ни одной.

– За всю жизнь? – удивился Морис.

– Да, мы жили только вдвоём.

– А как же актрисы, у него не было связи с кем-то из них?

– Я не знаю, он был очень скрытен в этом плане.

– Дела каких актрис он вёл? – Морис посмотрел на ящик стола, потом на Саманту. – Можно?

– Да, конечно.

Морис открыл его. В ящике было несколько тонких папок с бумагами. Он бегло просматривал всё.

– Так чьи дела он вёл?

– Я не знаю, я сама бы хотела знать... Он никогда не называл имён и пресекал любые разговоры о них.

– Они были у вас дома?

– Нет, ни разу.

– Отец часто не был дома? Где он работал? – Морис перебирал бумаги в папках.

– В основном дома, в Висконсине, но, когда мы переехали сюда, в этот дом, он, как бы вам сказать, вышел на пенсию. И избавился от всех дел.

– Вышел на пенсию? – Морис закрыл очередную папку. – Сколько ему было лет, когда он перестал работать?

– Пятьдесят два.

– Разве это возраст?

– Я знаю... Последние годы он был напряжён...

– Ничего, – он грохнул папки на стол, – здесь одни шаблоны договоров, никаких имён.

– Да, отец ничего не оставил. Он отошёл от дел, избавился от всех документов, а через три года...

– Вы жили здесь с отцом три года?

– Да, сэр.

– А через три года его не стало, и теперь хотят убрать и вас. Кем были его друзья?

– Он называл их компаньонами, – сказала она.

– Они были юристами?

– Не думаю.

– Они были знакомы с актрисами, с которыми он работал? – Морис чувствовал, что здесь что-то не так.

– Да, думаю, да.

– Хорошо, мисс, я разберусь. Вы разрешите, я осмотрю кабинет?

– Конечно.

– У вашего отца не осталось каких-то очень личных вещей? – детектив ещё раз осмотрелся по сторонам.

– Всё, что есть, всё здесь.

– Как его похоронили?

– Его кремировали.

– Так хотел ваш отец?

– Его друзья так сказали, что он так хотел. – Она вздохнула так глубоко, что, казалось, ей не хватало воздуха.

– Вы видели раньше этих друзей?

– Нет, сэр. Они были так вежливы, организовали всё. А я была не в том состоянии...

– Я понимаю, мисс, понимаю.

Морис ещё раз посмотрел на статуэтку.

– Погодите-ка, – он взял её в руки и осмотрел со всех сторон, – а кому была вручена эта статуэтка?

– На ней нет имени, – сказала Саманта, – я уже смотрела. Только год, вот здесь.

– Две тысячи второй, – прочитал Морис, – вы не против, если я возьму её с собой?

– Конечно, сэр. Я хотела собрать свои вещи.

– Да-да, а я ещё раз осмотрю кабинет.

Они вернулись домой только к вечеру, с пятью чемоданами и ворохом ненужных вещей.

5 глава

- Я даже не знаю с чего начать.
- Начните с начала, расскажите о себе.
- О себе, мадам...
- Не волнуйтесь. Мы придём к тем событиям постепенно, – она улыбнулась глубокими морщинками, поправила седую копну пышных волос и удобнее расположилась в кресле.

Я родился в небольшом пригороде. Это ничем не приметное место. Ничем, кроме чистого воздуха, кукурузных полей и заброшенных мельниц. Я не понимал, почему они заброшенные, две из них разобрали по частям, и, кроме основания в пять кирпичей в высоту, уже ничего не осталось. Папа сказал, что их время пришло. У всего своё время, говорил он. Когда-то человек придумал их, чтобы накормить больше людей, потом пришли фабрики, хлебозаводы, и мельницы стали разбирать по кирпичам. Мы часто играли в них, представляя себя в крепости. Мы держали оборону, отстреливались, терпели поражение, были ранены или погибали, каждый раз играли по-разному. Кидали монетку, кто должен погибнуть. Никто не хотел умирать. Каждый мечтал воздвигнуть флаг победы. Мы вырезали его из бумаги, рисовали свой герб, прикрепляли к палке.

После «войны» мы катались на велосипедах. Улицы у нас были почти безлюдные, утром все уезжали на работу, а возвращались только к вечеру. За это время по улице могло проехать пара автомобилей и один фургон с мороженым. Поэтому все дороги были наши. Как и все деревья в лесу. Лес был большой, но мы знали почти каждое дерево. Мы – это я, Конни и Лесли. Нам было по тринадцать. Да, многие наши ровесники уже курили травку и зажимались в углах, а мы играли в войнушку, рисовали карты сокровищ, бежали сквозь лес до бурлящей неровной реки. Может, потому мы и держались вместе, что были такими недорослями. Или другие были переростками. Не знаю. Я так и не понял, когда взрослеет человек. Но тогда, в то лето, мы точно были детьми. Пока добирались до места, обедались лесными орехами, это те, что похожи на грецкие, но чуть уродливее; они зарывались в самую почву, будто прятались, были влажные и тёмные, в

их прожилки забивалась земля, после них руки такие же чёрные. Орехи долбили камнями или половинками кирпича, что под руку попадётся, и выковыривали ядро спичками. Само оно в руку не падало, как у покупных, нужно было потрудиться, чтобы достать его, оттого оно казалось ещё вкуснее, будто пропитанное сладкой водой. Местами в лесах из невысоких кустарников выглядывали рыжие лилии, они пахли мёдом и ванилью. Тропинок в лесу было много, и все они вели к реке. Двести лет назад там стояла деревянная водяная мельница, она добывала электричество. Энергия этой реки подавала электричество на ближайшие фабрики и дома. Но потом, с появлением водяных турбин, снесли и её, построив на том месте мост на другую сторону леса.

У самой реки повесили пару тарзанок, они крепились морским узлом на кривом суку старого дуба. Размотав верёвку, Конни усадил Лесли на доску, привязанную к концу. Пока он делал это, она улыбалась и будто специально отворачивалась, смущённо пряча лицо. И когда у неё появилась эта смущённость? Вчера ещё она была пацанкой, можно сказать, бесполом существом, а сейчас уже кокетничала. Я догадывался, что Лесли нравится Конни, что они вообще нравились друг другу, и потому никогда не лез вперёд. Не выпячивался.

Один раз мы катались на велосипедах, и Лесли упала, не сильно, но до крови кожу на ноге ободрала. Я чуть замедлился, не кинулся сразу, хотя мог. Конни всегда плёлся позади всех, у него были слабые ноги. Я намеренно пропустил его вперёд, он побежал к ней, промыл рану, наклеил пластырь. В тот момент я почувствовал себя священником, ведущим церемонию: а теперь объявляю вас...

Теперь он раскачивал Лесли на длинной плетёной тарзанке. Говорят, её привязал какой-то моряк. Она раскачивалась и скрипела морским узлом по коре векового дуба. Лесли была счастлива. Никто из нас не ждал своей очереди. Я боялся высоты, а Конни... не знаю, чего он боялся, может, выглядеть нелепо. Потом было самое весёлое, Лесли нужно было поймать на берегу. Сама она спрыгнуть боялась, тогда я придерживал верёвку, она была жёсткая и больно обдирала мои неокрепшие ладони, а Конни ловил свою Лесли, он снимал её с этой доски, а она нарочно висла у него на шее. Я точно был третий лишний. Тут она сказала, что не накаталась. «Посади меня ещё раз, я прокачусь, – потребовала Лесли, – один раз, и всё». Конни опять её

посадил, у Лесли задиралось розовое платье, на нём были красные вишни, ветер поднимал его, оголяя её длинные тощие ноги и белые трусы. Я старался не глядеть, после того как на меня недвусмысленно посмотрел Конни.

«Всё, лови», – крикнула она. Я опять придержал верёвку, а Конни опять спускал её, но в этот раз она не сразу спустилась на землю, а задержалась на Конни. Лесли обхватила его ногами, он придерживал её за талию, так они и стояли в лесу, сплетясь ногами, руками, как дубы корнями. Я не знал куда себя деть. Домой вприпрыжку возвращался я один. Они шли медленно, не торопясь. Лесли уже не падала, спотыкаясь об корни деревьев, как было ещё вчера, а Конни раздвигал перед ней ветки, с чем до сегодняшнего дня она и сама хорошо справлялась. Когда мы вышли к дороге, я сразу побежал к себе, а Конни пошёл провожать Лесли.

Я жил в обычном доме, он ничем не отличался от других обычных домов этого сонного городишки. Все они были как один, для единого слоя общества. Я тогда ещё не знал, что у общества есть слои, но мы были вроде как средним, все мы, все, кто жил в этих домах, одноэтажных с мансардными крышами (что иногда текли), с тонкими дверьми и картонными стенами, которые прошибались ногой.

Я жил в обычной семье. Конни говорил, что у меня добрые предки. Не знаю, как по мне, так чужие родители всегда кажутся лучше своих. Отец Конни иногда наказывал его, не то чтобы сильно, не то чтобы он мог разойтись, когда сам был полицейским; лёгкие затрещины, унижительные подзатыльники, домашний арест, и всё. Это было незаконно, бить детей, а мистер Реймонд соблюдал закон.

Мои родители не давали затрещин, иногда я завидовал Конни, мне тоже хотелось услышать – иди в свою комнату и подумай над своим поведением. Но никто мне такого не говорил.

В нашем доме была только одна важная комната, где часто пропадала мать, она запиралась в ней и не слышала, как я приходил. Мать сидела в комнате, пока не возвращался отец. Он не любил, когда она была там, они часто ругались по этому поводу. Отец упрекал, мать плакала. Он осторожно упрекал, он вообще был осторожен на любые слова. Как любой хирург. Кому-то осторожно скажешь сдать кровь, кому-то сделать рентген непонятого нароста. Кому-то, что жить осталось не больше года.

Отец сутками пропадал на дежурствах, а если приезжал домой, то засыпал. В местной больнице было мало хирургов, интерны после практики уезжали в город, а мой отец впахивал за двоих. Был ещё один дядька – старик Фил, но он не брал на себя слишком много. На себя всё взвалил мой отец. Я мог не делать уроки, списывать контрольные, я всё это мог, но боялся, потому и учился хорошо. Отец хотел, чтобы я стал врачом. «Нет важнее профессии, – говорил он, – даже в войну ты будешь тем, на кого учился. Когда у других отнимут всё и дадут в руки винтовку, у тебя никто не отнимет скальпель, это единственное оружие, спасающее людей». И он спасал, я сам видел. Иногда, когда мать была совсем плоха, когда она спала целыми днями и не замечала никого, отец брал меня с собой на работу, чтобы я был хоть под каким-то контролем. Он думал, что это контроль. Я делал уроки в его кабинете, он заполнял больничные листы, а я решал задачки. Потом он уходил в операционную. И говорил: побудь здесь пару часов. Однажды я просидел все шесть. Случилось что-то внеплановое. Пару раз он показывал мне операционную и инструменты, это было куда лучше его кабинета с папками.

Всё было чисто, всё блестело. Чётко лежало на своих местах. «Здесь спасают жизни, сынок, и ты будешь их спасать». Потом мы возвращались домой, а мать всё спала. Отец говорил, у неё хроническая усталость.

Четыре года назад маму увезли в роддом, раньше времени. Живот был не такой большой, а её увезли. Вернулась она вот такой, какой и была сейчас, без живота и без ребёнка. Эту комнату она готовила для него. Всё уже было куплено, мебель расставлена, стены покрашены. Отец предлагал перекрасить стены, сделать кабинет или гостевую комнату, он объяснял, что, выживи младенец, он стал бы инвалидом, и, может, лучше, что так. Но мать не хотела его слушать, она запиралась в той комнате и просиживала там часы. Глаза у неё были вечно заплаканные, других я и не помнил. Люди, не знающие её, могли подумать, что она аллергик. Больше всего меня раздражали расспросы и вечно сочувствующие взгляды со стороны вечно интересующихся людей. – Как мама? – спрашивала продавец в супермаркете. – Как мама? – спрашивал директор школы. – Как жена, док? – интересовались на заправке у моего отца. – Всё в порядке, – отвечали мы, – всё хорошо, спасибо, – кивал я, – уже лучше, значительно

лучше, – говорил отец. Значительно ничего не поменялось, ни через год, ни через три.

Тогда мне казалось, умри я вместо этого младенца, она бы и не заметила. Тогда я был суровым ребёнком, подростки все суровы. Эта мысль «умри я, и что тогда» толкает детей на многое, на дальние походы и проезжающие поезда, в тамбуры кораблей, и на долгие автостопы, чтобы думать, как тебя ищут, чтобы радоваться родительским слезам. Но я им не радовался, я их ненавидел; пару раз я подлавливал мать за углом, пытаюсь напугать гуделкой, бил посуду, пытаюсь разбудить гнев, я долго хотел разбудить её, пока не понял, что она не спит, она тоже там умерла, вместе с тем ребёнком. Поэтому и не замечала меня. Однажды она засмеялась, я подбежал к комнате и стоял под дверью, потом она снова заплакала, это был истеричный смех. По утрам, когда отец собирался на работу, а я торопился на школьный автобус, в углу гудело радио. Новости на сегодня – говорило оно. Сегодняшние новости были такие же, как и вчера, а вчерашние такие же, как во вторник. Всё было таким же. Иногда по сетчатому рупору передавали поздравления: «Нэнси Дэвис поздравляет своего любимого мужа Стива с днём рождения и желает ему...» всё то же самое. Отец дожёвывал тост, проглатывал кофе, говорил «пора», и мы выходили. Иногда мама выходила проводить нас. Иногда она была почти здорова. Стояла в своём длинном, до пола, платье и смотрела, как мы жуём. Она могла сказать «учись хорошо» и проводить нас до дверей. Это было редко, но было, и каждый раз мы надеялись, что кошмар закончился.

6 глава

В квартире Мориса стало «живенько». Да, именно «живенько», так сказала мадам Аннет, соседка со второго этажа, когда зашла к нему за банкой горошка, в надежде, что у Мориса он был. У Мориса не было горошка, что стало полнейшим разочарованием для мадам.

– Странно, я думала, вы канадец, – сказала она.

Странно, почему она так подумала, удивился детектив.

– Мой муж был канадец, – не уходила мадам, – вы так похожи, – поправила она лямку бюстгальтера. – Но я уже давно как вдова.

– И я уже давно это понял, – зачем-то сказал Морис, получив от соседки по носу своей же дверь.

В квартире Мориса и правда стало «живенько», её оживляли небольшие подушечки с бахромой. На больших деревянных стульях они смотрелись крайне нелепо. Не лучше эта бахрома смотрелась и на кровати, бахромой накрыли кровать. Большое шёлковое покрывало принесла с собой Саманта. И ещё вазочки, пара нелепых вазочек стояли на подоконнике, в них нельзя было поставить и цветка, но они были для красоты. Вазочки для красоты, без цветов. Морис не понимал этого, как и помпезно-стеклянных стаканов, для зубных щёток, как и набора махровых полотенец с инициалами, вышитыми золотыми нитками, как и многое из того, что привезла с собой Саманта Стюарт в пяти чемоданах, под которыми вчера прогнулся престарелый «Форд».

Морис отправился в участок, оставив Саманту дома, как она сказала, «наводить уют». Куда ещё уютнее, с ужасом представлял себе Морис, что ещё она покроет своей бахромой. Всё это уместно смотрелось в её доме, но не в его халупе.

В её доме он пробыл ещё час, пока она собирала чемоданы. Он перерыл весь кабинет и не нашёл ничего. Морис имел лишь безымянную статуэтку, визитку Кларка Стюарта и его фотографию, он нашёл её на полке между книг. У отца Саманты было много книг, он был грамотным человеком, а грамотных людей убивают только грамотные люди, Морис давно это знал. Правда, был единожды случай, когда верховного судью соседнего штата пристрелили с багетом в руках в небольшой пекарне, шпана пятнадцати лет. Было бы логичней и правильней, если бы судью пристрелили в каком-нибудь

парке из проезжающей мимо чёрной машины, какой-нибудь седой наркодилер, но его убила мелюзга. Но это было единожды, привычнее же, когда непростых людей убивали непростые люди. Морис любил всё привычное, многие дела походили на другие, и потому детективы выходили на заказчиков по одной и той же схеме. Но это дело не походило ни на какое из дел, и от этого у Мориса щекотало где-то в животе. Его всегда щекотало волнение, ещё со школьных времён, давно он его не испытывал, давно он не мог гарантировать ничего.

С утра он успел заехать в отдел, он плохо разобрался в актёрских делах, потому приехал к той, кто разбиралась хорошо. Глория встретила его как обычно, как обычно она встречала всех у своей стойки с недовольным выражением лица.

Покажи мне того, кто доволен, говорила она, и я скажу тебе, кто толкает ему дурь. Обычное утро Глории начиналось в двенадцать, а если оно начиналось в девять, как сейчас, то не жди ничего хорошего. Но Морис знал, что она поможет ему. На заставке её компьютера пять голливудских звёзд сменяли друг друга, он как-то спросил, кто это, и получил такой взгляд презрения, будто не узнал не актёра, а Иисуса Христа. Ему приходилось держать в голове столько нераскрытых дел, уйму фото разыскиваемых преступников, что места на каких-то выдуманных людей просто не оставалось.

Глория пила кофе, когда Морис поставил перед ней статуэтку за лучшую женскую роль второго плана. «Покажи, покажи, покажи», – завопила Глория и уставилась на трофей, как прихожанин на святыню. Она забыла, что пила кофе, подавилась и закашлялась. После того как напиток, что застрял где-то в горле, вошёл-таки в нужное русло, Глория выхватила статуэтку из рук Мориса и стала рассматривать её со всех сторон.

– Ты не знаешь, кому могли вручить такую? – спросил Морис.

– Актрисе, кому же ещё, – посмотрела на него Глория поднятой из-под очков бровью.

«Вот уж помогла», – подумал Морис.

– Но важно узнать какой, – протянула она, переворачивая статуэтку. Внезапно её недовольно-писклявый голос приобрёл тон ни много ни мало сериальной Джессики Флетчер, той седой неугомонной тётки с лицом совы. Да, последний раз Морис смотрел сериалы в восьмидесятих.

– Я знаю, куда тебе нужно, – сказала Глория, ударив ногтями по столу.

Морис выехал из участка, и, к сожалению, не один. Он взял с собой Глорию для своей же безопасности, она обещала подсыпать ему в кофе цианистый калий, если он не возьмёт её. Да и помощь ему бы не помешала. Они покинули Филдстон, проехали под мостом Вашингтона и свернули на Риверсайд-драйв в сторону Манхэттена. Глория держала в руках статуэтку с таким видом, будто она только что сошла со сцены после пламенной речи благодарности родным и близким. Морис не стал нарушать её радости. Он не любил нарушать чьей-либо радости, ведь чаще ему приходилось приносить соболезнования и лезть с допросами к тем, кому он их приносил. А сейчас было что-то вроде мини-отпуска, душевной поездки к самому оживлённому месту на земле.

«Это какой-то муравейник из домов», – подумал Морис, когда впервые приехал сюда, ему казалось, что люди в таких местах не успевали даже за своими мыслями, не говоря уже о жизни и насущных делах. Они строили одни планы, другие до тех пор, пока одни не разрушали другие, и так всю жизнь, пока не выбирались отсюда за город.

– Ты знаешь точный адрес, Глория?

– Нам нужно на Бродвей, к зданию Линкольн Плаза, вон там заворачивай. Морис завернул, как оказалось, не там, но со второй попытки он всё же выехал с кольца на Бродвей. Жёлтые такси сменялись сине-белыми автобусами, высокие дома сменялись низкими, а после ещё более высокими, строительные леса загораживали все первые этажи зданий.

– Мы приехали, – сказала Глория, – тормози.

Хорошо, что он взял её с собой. Морис оставил машину возле здания. Из-за строительных лесов они еле нашли вход. Профсоюз находился на пятом этаже.

Морис не был уверен, что им здесь помогут, но Глория убедила его, что здесь знают всё о кино, наградах, как кого и, главное, кто награждал. «Это же гильдия киноактёров, – сказала она, – здесь все актёры: президенты и бывшие президенты, и замы, и люди, вот те, что ходят по коридорам, тоже играют в кино». Указала она на неизвестных Морису людей, когда они вышли из лифта на пятом этаже. Морис не

знал этих людей, Глория тоже не знала, они были начинающими актёрами, и, может, уже завтра, может, завтра мы увидим их по телевизору, сказала она с придыханием. У Мориса не было никакого придыхания, он вообще не понимал, за что так любят актёров, и кому нужны эти игры, хочешь быть детективом будь им, но играть в него и получать за это деньги...

– Боже, как тут красиво, – запищала Глория, разглядывая вполне себе обычные белые стены с плакатами. Да, всё дело было в плакатах и актёрах на них. Потолок разрывало геометрическими фигурами, ломаными линиями, подсвеченными изнутри, пол также был раскрашен геометрией, как и стойка секретаря. Морис сказал что-то про странный дизайн, Глория сказала, что это постмодерн, а он вообще ничего не понимает.

– Детектив Бенджамин Морис, отдел убийств, полиция Бронкса, – представился он секретарше. Улыбка её быстро съёжилась, а глаза расширились. – Могу я поговорить с вашим директором?

– Конечно-конечно, – сказала она, – сейчас позову, – и убежала звать.

Через пять минут Морис и Глория уже сидели в просторном кабинете директора филиала гильдии. Высокий мужчина уже немалых лет с седыми чуть рыжеватыми волосами рассматривал статуэтку.

– Я думал, подобные награды именные, – прервал длительное молчание Морис.

– Именные, – сказал директор, – и эта тоже была именной.

Морис вскочил со стула.

– Видите, в этом самом месте, – директор стучал по шильдику, – после номинации было вписано имя. Гравировка на таких вещах неглубокая, её затёрли.

Мориса словно током ударило, и как он сразу не заметил этого.

– Такие награды, если я не ошибаюсь, вручали в начале двухтысячных.

– Да, здесь есть год, – указал Морис, – две тысячи второй.

– Значит, я был прав, – улыбнулся директор.

– Это престижная награда?

– Нет, таких безделушек очень много.

– Безделушек, сэр? – переспросил Морис.

– Ну, знаете ли, для нас всё, что не «Оскар» – безделушка, – директор хотел было засмеяться, но понял, что не к месту.

– Любое киносообщество может выдвинуть свои награды.

– Разве? – удивилась Глория.

– Вы думаете, это так сложно? Организовываете экспертный совет из бывших актёров и одного-двух режиссёров прошлого века. Регистрируете организацию, находите спонсоров, создаёте свою премию, вручаете её. Вы знаете, сколько таких премий только в США? Даже журналы присуждают их.

– А эта чья? – Морис прищурился. – Здесь есть какая-то аббревиатура... RSI – что это может значить?

– Если я не ошибаюсь... Подождите-ка, вы позволите, у меня был журнал...

Директор подошёл к высокому шкафу и открыл его, весь он был наполнен доверху: книги, пластинки, награды, фотографии наград, фотографии тех, кто получил награды, в радостном рукопожатии с этим самым директором. Глория уже ёрзала на стуле. Кажется, она узнала всех, кто был на тех фото, но не могла себе позволить потерять лицо детектива, да, она тоже считала себя детективом в данный момент. Она и забыла, что была секретарём, она была напарником Мориса, именно так, или нет, это он был её напарником, ведь кто, как не она, привёл его сюда.

– Вот, – сказал директор, – в этом журнале должен быть список всех премий, от самых значимых до смехотворных. – Он раскрыл его и стал перелистывать одну страницу за другой. – Сейчас поищем.

– Вы знаете, – продолжил директор, – мы поддерживаем не только именитых актёров, но и начинающих, кто знает, кто из них выстрелит. А начинающим можно быть долго, очень долго, и год и два, и двадцать лет. Да-да, актёра могут не замечать двадцать лет, а он может быть не хуже других. Дело везения. И когда ему вручают хоть какую-то премию, это очень окрыляет, не даёт ему упасть духом, понимаете?

– Кто заботится об этом?

– Да тот же агент. Премии такого рода легко можно купить, всё продаётся, – он замолчал на секунду, – всё, кроме нашей гильдии, у нашей гильдии тоже есть своя премия, вы знаете?

– Нет, я ...

– Да, мы знаем, – прервала его Глория, – у вас самая престижная кинопремия, сэр.

– Ну, не престижнее «Оскара», конечно, но... вот же! – он указал на одну из страниц журнала: – Я так и думал, это премия канала RSI.

– Что за канал?

– Он кабельный, их все не упомнишь. Одно время там крутили только сериалы, сериалы и рекламу, сериалы и рекламу, и вот несколько лет назад они создали свою премию, она просуществовала четыре года, с две тысячи первого по четвёртый год. Потом права на канал продали другим акционерам.

– И премию больше не вручали?

– Нет, сэр.

– А как мне узнать, кто получил эту премию в две тысячи втором году?

– У меня есть только список номинантов того года, детектив. Я могу написать вам его.

– Среди них должна быть и эта актриса, – Морис указал на статуэтку.

– Да, думаю, вы с лёгкостью найдёте её.

– Вы знаете каких-нибудь актёров из списка?

Директор качал головой.

– Нет, нет, это совершенно неизвестные мне люди, скорее всего, они так и не... – он остановил свой взгляд, – погодите-ка...

– Что такое, сэр?

– Мэри Гринвич!

– Вы её знаете?

– Да, она часто снимается, она сериальная актриса...

– Где мы можем найти её?

– На киноплощадке? – подпрыгнула Глория.

– Глория, подожди, пожалуйста...

– Да, именно, на киноплощадке. Она сейчас на съёмках. За десять лет Мэри очень выросла как актриса, думаю, она и не вспомнит об этой премии.

– Может, это её награда?

– Вполне возможно, мисс.

– Вы могли бы дать адрес этой площадки?

– Конечно, – директор написал адрес на стикере и протянул его Морису.

– Спасибо, сэр, и ещё одно, – детектив залез в карман плаща, – вы не знаете этого человека, он юрист, и вроде как вёл дела актёров.

– Нет, сэр, первый раз вижу.

Морис пожал директору руку, Глория зачем-то сделала книксен, предвкушая встречу с актёрами, камерами, прожекторами и прочей киношной атрибутикой, она и сама почувствовала себя актрисой, но быстро вспомнила, что она детектив.

Через четверть часа Морис и Глория уже стояли в зрительном зале перед сценой «живого» ситкома. Всю жизнь Морис думал, что за кадром смеются не настоящие голоса, то есть настоящие, но записанные, но с тех пор, как он так думал, прошло немало времени, немало изменений претерпела киноиндустрия. Декорации состояли из нескольких комнат, они крутились на механизме, сменяя друг друга, «вставая» лицом к зрителю. Зрителей было не так много, точнее, мест было не так много, а заполнены они были полностью. Морис не знал, где покупают билеты на такие представления, где покупают билеты в театр, он помнил, но вот на такие сериальные съёмки... «Может, они по знакомству здесь сидят», – подумал он. У Мориса не было таких знакомых, как и тех, кто когда-либо был на таких съёмках.

– Я была на таких съёмках, – сказала Глория.

Тут Морису представилось, что, если бы он сожалел об отсутствии знакомых, бывших на Луне, Глория бы сказала, что была на Луне, что она регулярно там бывает, по субботам. И он навряд ли бы удивился этому. Он вообще уже мало чему удивлялся. С того момента, как увидел труп Саманты Стюарт, точнее, живой труп Саманты Стюарт, точнее, её живую перед собой. С тех пор он был будто в бреду, в логику которого он не хотел вмешиваться, логику которого он решил разгадать потом, позже, когда к тому приведёт время. Когда они найдут убийцу Саманты Стюарт, тогда и правда найдёт его.

– Есть два типа съёмок, – сказала Глория, – с живыми зрителями и без.

– Куда лучше без, – как-то робея, сказал Морис, – без, оно как-то надёжнее, смонтировать можно, наверное.

– Со зрителями лучше, – сказала Глория, и так убедительно, будто была не секретарём в отделе убийств, а секретарём в актёрском

отделе. – На зрителях они шутки проверяют, смешно – не смешно, сразу понятно.

– Понятно, – сказал Морис.

– Ничего тебе не понятно, Бенджи, ты как бревно.

– Бревно?

– Ага, вот от чего ты удовольствие получаешь?

– От работы.

– А от женщин, от искусства?

– У меня нет дома искусства. И женщин тоже нет.

– А когда были, получал?

– Не получал.

– Вот я и говорю – бревно. Я бы тоже с тобой развелась. О!

Смотри, они будут переснимать.

– Что переснимать?

– Дубль.

– А кто, интересно, из них Мэри Гринвич? Ты не знаешь?

– Я не могу всех знать, – сказала Глория, и как бы сама на него обиделась, что не может всех знать.

– Я вообще никого не знаю, – попытался успокоить её Морис...

– Да ты вообще, – махнула она на него, как на дело гиблое и безнадежное. – Смотри, скоро последняя сцена.

Актёры отыграли последний дубль. Мужчина с громкоговорителем и листами в руках прокричал «снято». Операторы отъехали от сцены, прожекторы повернулись к зрителям, осветив весь зал. Аплодисменты быстрой волной разошлись по площадке, актёры тоже аплодировали, аплодировали и кланялись тем, кто аплодировал им. Глория была в восторге, Морис был возле охраны, о чём-то договариваясь с мужчинами в чёрной форме. Мужчины посмотрели на значок, показали на одну из актрис и открыли ограждения, Морис жестом подозвал к себе Глорию. Актёры ушли за сцену. Морис с Глорией направились в сторону гримёрок.

– Ты узнал, кто такая эта Мэри Гринвич?

– Да, блондинка в джинсах и зелёном топике.

– О, она мне больше всех понравилась.

– Почему я не удивлён?

Блондинка в зелёном топике стояла возле двери в гримёрную, она говорила о чём-то с другим актёром, с тем, с которым обнималась в

последней сцене. «Позвони мне», – крикнул он. Она ответила согласием и открыла дверь.

– Подождите, – догнал её Морис, – нужно поговорить.

– Я не даю сегодня автографов, – сказала она.

– А я и не фанат, – сказал Морис, показав значок. – Детектив Бенджамин Морис, отдел убийств.

– Глория Гарсиа, тоже детектив, – подбежала Глория.

Они зашли в гримёрную, Мэри закрыла дверь.

– Ну, и что вам нужно, – спросила она, снимая топ, не стесняясь никого, – опять нашли кого-то с передозировкой? И при чём тут я?

– Простите, мисс?

– К нам постоянно кто-то приходит, кто-то из вас.

– Из нас, мисс?

– Конечно, узнают, с кем мы снимались сто лет назад, а потом приходят, – она надела свитер, – и допрашивают. А я знаю, где кто был? Я сама по себе.

– Я понимаю, мисс, но, боюсь, нам не обойтись без вашей помощи.

– Естественно, – сказала Мэри.

«Вот ведь стерва», – подумала Глория.

– У нас есть награда, – начала Глория, – лейтенант, покажите актрисе награду. Вот эта статуэтка. Мы знаем, что в две тысячи втором вы могли получить такую, мы знаем, что вы были номинированы. Это вы получили эту награду?

– Я? За роль второго плана? Нет, это не моя награда. – Мэри рассмотрела статуэтку и вернула её обратно Морису. – Я получила статуэтку за главную роль.

– Тогда вы должны знать, кто получил эту статуэтку?

– А сами вы узнать не можете?

– Мы этим и занимаемся, мисс.

– Эту награду получила Эмма Клетчер.

– Эмма Клетчер? Вы общаетесь, вы знаете, где она?

– Не общаемся. Уже восемь лет как.

– А где она живёт или работает?

Мэри Гринвич порылась на туалетном столике, нашла салфетку с отпечатком собственных губ, написала на ней адрес Эммы и отдала Морису.

- Она сейчас дома, мисс?
- Она всегда дома, она всегда на одном месте.
- Спасибо, мисс. А имя Кларк Стюарт вам ни о чём не говорит?
- Ни о чём. Разве я недостаточно помогла вам, детектив?
- Достаточно, мисс.

«Вот ведь тварь высокомерная», – хотела было сказать Глория, но её вовремя увели.

7 глава

Чарли Беккер слишком долго смотрел в потолок, в белый потолок с жёлтыми разводами. Эти следы были как круги на воде, каждый круг исходил из одной точки, один разрыв водной глади, одно её колебание давало несколько подобных друг другу рисунков.

Слишком долго Чарли всматривался в люстру, стеклянные плафоны, потолочные карнизы, в серые крашенные стены, врезающиеся в них. Он боялся повернуть голову, боялся увидеть комнату, ту же комнату, в которой он был вчера. Вчера, в десять утра он вышел от Саманты Стюарт, вернулся в дом, снял комбинезон, натянул брюки, заправил в них рубашку, надел пиджак, другие пиджаки и рубашки, а также комбинезон сложил в чемодан и уехал на своём «Мерседесе» из города, по Филдстон-роуд. Мимо парков и зелёных аллей, мимо школ и домов, мимо церквей и синагог, по Хенри Хадсон парквей. Пистолет он выбросил в реку у красного маяка. Пересёк мост Вашингтон, добрался до центрального аэропорта, купил билет, прождал два часа и улетел в Сиэтл. В самолёте он принял снотворное и стакан воды из рук молодого стюарда азиатской наружности, он ещё успел услышать: «Приятного полёта, сэр» – и заснул, а после проснулся... Вот здесь. Почему он здесь? Чарли повернул голову: те же стены, то же окно, из которого он вчера наблюдал за домом Саманты Стюарт, и пистолет, чёртов пистолет лежал на тумбе! Он же выбросил его в реку, он избавился от него вчера...

Если оно было – вчера.

Чарли сел на кровать и обхватил больную голову, нещадно стучало в висках. Давило в голове, боль отдавала в затылок.

«Всё понятно, всё приснилось, – подумал он, – никакого убийства не было, ещё не было». Чарли поспешно встал и направился к двери в трусах, никогда раньше он не выходил на улицу в трусах. Надо бы одеться, думал он, стоя у входной двери. Чарли вернулся в спальню, натянул брюки и наспех застегнул рубашку. Он перепутал пуговицы, никогда он ещё не путал пуговицы. Сначала пуговицы, а потом что? Жертвы? Беккер испугался собственной растерянности. Он расстегнул все пуговицы и застегнул их снова, и снова одна осталась не у дел. Чарли скрипнул челюстью или зубами, он и сам не понял, что такое

отчаянное скрипело у него во рту, его лицо невольно перекосило, его перекосило недовольство собой, своей несобранностью, истеричностью, суетливостью. До этого дня он всегда был собран.

«Соберись, Чарли, – сказал он себе, – ты просто плохо спал, это сон, – повторял он, – это сон», – убеждал он себя.

Чарли Беккер никогда не видел снов, даже в детстве, даже в пубертате, когда прыщавым мальчикам снятся девочки, когда они просыпаются утром от боли в паху. Чарли никогда не просыпался от такой боли, ему никогда не снились девочки, ему вообще ничего не снилось.

Беккер вышел на улицу. Да, он всё ещё здесь. Это всё та же улица, тот же дом напротив, белый двухэтажный с колоннами, дом, в котором он был вчера, дом Саманты Стюарт. Он поднял газету с лужайки.

«Новости Филдстона. 26 августа», – прочитал Чарли.

– Новости Филдстона. 26 августа, – повторил он.

– Правильно, правильно, – бормотал Чарли, – сегодня двадцать шестое августа, сегодня день смерти Саманты Стюарт...

Он убьёт её снова. То есть он просто убьёт её, как и должен был.

«Это сон, – повторял Беккер, – просто сон, как люди с ума не сходят, видя сны?»

Беккер зашёл в дом.

Хорошо, что он никогда раньше не видел снов, может, потому он так сосредоточен, может, потому все так рассеянны. «Всё дело в снах, они рассеивают всё вокруг», – думал он. Чарли Беккер взял турку, открыл кофе, насыпал его в турку. Раз, два, три ложки, четыре, да, лучше четыре. Налил воды. Поставил на плиту, кофе закипел. Передержал. Чарли налил почти чёрную жижу в белую фарфоровую кружку, ту самую кружку, из которой пил вчера. Он отпил кофе и обжёг нёбо. Сильно обжёг. Чарли наглотался воды из-под крана, стало легче. Никогда раньше ему не было больно, ему не было больно, даже когда его ранили в перестрелке на границе с Мексикой, тогда он перевозил тело одного мафиози через границу. Братья убитого должны были получить наследство, им нужен был труп для оформления смерти у адвоката. Впервые он перевозил того, кого убил. Но это лучше, чем перевозить живых, трупы в багажнике ведут себя спокойнее, живые же очень отвлекают, они зачем-то стучат, как будто кого-то выпускали, когда он стучал. Тупые людишки. «Ничего, – думал

он, – ничего, я убью её быстро, без особой возни». Он подошёл к окну и посмотрел в бинокль. Саманта Стюарт уже встала, так же встала, как и вчера, так же наклонила голову и расчёсывала волосы, сверху вниз, сверху вниз. Тот же халат тонкий, шёлковый. «Тот же день», – подумал Чарли. Всё то же. Он надел наушники и сел у аппарата.

– Ресторан «Джордано», здравствуйте, – раздалось через три часа. Через три, как и вчера, через три, как и во сне, – путался ворох мыслей.

– Здравствуйте, я бы хотела заказать фирменный завтрак, ланч и кофе без сахара, – опять сказала Саманта Стюарт.

«Она жива, жива!» – думал он.

– Конечно, жива, – повторил он вслух, – ты же только сегодня прикончишь её.

– Назовите адрес, мисс.

– Филдстон-стрит, 82

– Заказ доставим в течение часа. Всего доброго.

«Всего доброго», – повторил Беккер и подошёл к шкафу, к тому самому шкафу, из которого вчера ровно в 10.10 доставал всю одежду и складывал её в чемодан, вот этот самый чемодан с выдвижной ручкой. Он открыл шкаф. Два чёрных пиджака, три белые рубашки и жёлтый комбинезон с логотипом «Джордано» всё так же висели на вешалках. Он сорвал комбинезон и стал натягивать его на узкие брюки и белую рубашку. «Ничего, – бормотал он под нос, – убил один раз, убью и второй». Беккер защёлкнул лямки на замки и подошёл к пистолету, чёртова пушка, вчера чуть не подвела его, ну ничего, сегодня он пойдёт не с ней.

Беккер взял другой пистолет, проверил обойму, спусковой механизм и заткнул за пояс. Ладони его стали влажными и какими-то красными, они покрылись пятнами, так было, когда он сильно нервничал. Сейчас он возьмёт заказ Саманты Стюарт, тот самый, что стоит у двери, и прикончит её. Он не будет больше возиться с ней, он всадит ей пулю сразу же.

Чарли вышел из дома с пакетом ресторана «Джордано». Перешёл через дорогу и вот уже стоял у дома Саманты Стюарт. Тот же писклявый звонок, те же шаги. «Она будет в шёлковом халате, – подумал он, – и тапочках на каблуке, с дурацким меховым помпоном».

Вот таким помпоном, который он видел сейчас, эти ноги, колени, бедра, грудь, это лицо, это она.

– Здравствуйте, – сказала Саманта.

– Ваш заказ, – вошёл Чарли, оттолкнув её, захлопнув дверь.

Саманта попятилась. Беккер достал пистолет и выстрелил.

Она плавно рухнула на пол. Чарли наклонился над ней. Он потрогал её волнистые волосы, они пахли цветочным мёдом, поднял её бледную руку и не нащупал пульс. Он провёл рукой по её халату, бедрам... Она существует. Убитая, лежит перед ним. Значит, всё сделано, успокоился Беккер. Всё сделано. Я убил её.

Он поднял обмякшее тело Саманты, и усадил за стол. Пригладил волосы, поправил халат, тот сполз с груди, когда Саманта упала. Чарли осторожно прикрыл ей грудь. Он осмотрел кухню, всё та же кухня, те же стулья, те же стеклянные двери в сад, та же ваза с апельсинами в центре стола.

Чарли взял один апельсин и вышел из дома.

Он судорожно собирал чемодан. Пиджак, ещё один, рубашки... Он чуть не ушёл в комбинезоне, сорвав его с себя и запихнув в чемодан, Беккер вспомнил, что не положил аппаратуру, открыл чемодан, положил модуль устройства и наушники, закрыл чемодан. Всё готово. Чарли вдруг понял, что забыл, где ключи. Ключи от «Мерседеса», сейчас он уедет на нём в аэропорт, выбросит пистолет в реку, сядет в самолёт и улетит из этого города, из этого дня. Где же ключи? Вот они, за апельсином, на подоконнике. Он взял ключи и понюхал апельсин, тот пах как обычно.

«Интересно, во сне пахнут апельсины?» – подумал Чарли. Он не знал, что бывает во сне, он никогда их не видел, и лучше б не увидел больше. Он вернётся в Вашингтон и пойдёт к психиатру. Он ненавидел докторишек, но теперь решил, что не мешало бы. Беккер поставил апельсин на окно и увидел открытую дверь. Открытую дверь в доме напротив, открытую дверь в доме Саманты Стюарт, как он мог не закрыть её? Звук сирен приближался к дому. Из дверей дома Саманты Стюарт выбежал доставщик «Джордано» встречать полицейские сирены.

Слишком рано обнаружили труп, слишком опасно выходить из дома, но они сейчас осмотрят все дома. Постучат к каждому. «Вы не замечали ничего подозрительного, сэр?» – начнут выпрашивать копы.

Тогда он не откроет дверь. Они поймут, что он здесь, по машине и по газете, которой нет у порога.

Две полицейские и одна скорая гудели огнями у дома. Беккер отпрянул от окна. Нет, он выйдет, нужно выйти. Он выйдет и сядет в машину как ни в чём не бывало, он скажет, что опаздывает на деловую встречу, и не соврёт. У него и правда деловая встреча, ему нужно доставить банкира из Сиэтла в Лас-Вегас. В один из подвалов центрального казино. Там у господина встреча, на которой тот совсем не хочет быть, от которой тот уже год как прячется в одном из домов, на одном из побережий Сиэтла.

Чарли Беккер взял чемодан и подошёл к двери. С чемоданом будет подозрительно. Он оставил чемодан, взял лишь оружие. А если они попросят открыть дом? Взял чемодан и вышел за дверь, закрыл дверь. Подошёл к машине, открыл её. Сел, завёл. Сирены полицейских стихли. Они скромно стояли возле, возле дома Саманты Стюарт. Люди в форме ходили вокруг, осматривая территорию. Чарли осторожно тронулся с места. Сейчас он уедет, сейчас он поедет по мосту Вашингтон до аэропорта, а там и Сиэтл.

«Простите, сэр, – услышал он, – вы не могли бы задержаться?»

Высокий человек в форме стоял напротив машины, преграждая путь. Он блеснул погонями и наглым взглядом, он подошёл ближе и показал свой значок, как будто и без значка Чарли не понял бы, кто это. Он этих копов и без формы бы узнал, и голышом, по одному только взгляду. Их взгляд говорил: «Именем закона». Я – имя закона, говорил их взгляд. И ты будешь делать то, что я тебе скажу. Чарли ненавидел копов. Если кто когда и помешает ему, то это будут они.

– Какие-то проблемы, офицер? – спросил Чарли, чуть опустив стекло.

– В этом доме произошло убийство, убита женщина. Вы не были знакомы с ней?

– Нет, я здесь в командировке. По работе.

– Где вы работаете, сэр?

– В строительной компании. Она снимает мне жильё, – глаз Чарли задёргался.

– Это новый комплекс на Филдстон?

– Да, именно он, – глаз задёргался ещё сильнее и начал моргать.

– Что-то не так, сэр?

- Я, – видимо, сейчас задёргался весь Чарли.
- Я могу посмотреть, что у вас в чемодане, сэр?
- Мне открыть чемодан?
- Пожалуйста, сэр.

Чарли подвинул чемодан чуть ближе, он и так был близко, на переднем сиденье, рядом с ним. Чарли расстегнул молнию и открыл крышку.

- Здесь только пиджаки и рубашки, офицер.
- Зачем вам столько рубашек?
- Я люблю ходить в чистом.
- Я вынужден буду сам осмотреть ваш чемодан, сэр. Выйдите, пожалуйста, из машины.
- Конечно, офицер, конечно, каждый обязан делать свою работу.

Чуть слышный хлопок раздался из окна машины Чарли, чуть ниже наклонился офицер, чуть не упал на авто. Чуть не проехался по его ноге Чарли, когда дал по газам.

Чёрный «мерседес» набирал скорость, увеличивал обороты, за спиной его послышались выстрелы и визги колёс, буксующих на старте; сирены опять завизжали на крышах бело-синих авто, они верещали – «именем закона», – они гудели – «мы будем стрелять».

Чарли любил уходить от погони, однажды он уходил от Диего. Чёрный Диего, так звали того парня, он не хотел платить, он не хотел платить за работу, которую сделал Чарли. Так и сказал: аванса будет достаточно. Так и сказал, когда Чарли показал ему фото покойника. Тогда он взял Диего на мушку, он забрал все деньги, что лежали на покерном столе, и прострелил Диего ухо. Тогда он тоже уходил от погони, тогда Диего ушёл раньше, врезавшись в бензовоз. Чарли был на похоронах. Чарли прощал усопших. Мир их праху.

Сейчас и он рисковал быть на месте Диего, он лавировал между машинами, как на гонках «Формулы-1». Он расходился со встречными, подрезал попутные, он перескакивал через тротуары и вылетел в парк. Чарли ехал по газону, он не любил нарушать, он не любил ездить по газонам, тем более стояли таблички «По газонам не ездить», но что было делать? Он не мог умереть, он опаздывал в Сиэтл, он должен быть там. Чарли не мог не сдержать слово, он всегда сдерживал слово, тем более если получал аванс. Он получил хороший аванс за того парня из Сиэтла, он получит в два раза больше, когда привезёт его.

Если его не подстрелят полицейские, если они не испортят весь план. Чарли выехал на мост Вашингтон, как хорошо он ехал по нему вчера, вчера он чуть опустил окно, чтобы дышать морским воздухом, сейчас он опустил окно, чтобы отстреливаться. Он проезжал мост Вашингтон и слышал сирены, он как-то странно слышал сирены, они были не только сзади, они мчали навстречу. Он был окружён.

8 глава

Во втором корпусе Принстонского университета, между кабинетом недавно спятившего профессора Роузи и кладовой комнатой, в которой вечно шумели швабрами и тележками с чистящими средствами, располагался кабинет лауреата стипендии Мак-Артура физика-теоретика Альберта Ланье. На вид профессору Ланье было лет сорок пять, если без пиджака, если же с ним, то все пятьдесят. Постоянный недосып, изматывающие головные боли и работа сразу над двумя проектами не оставили его организму ни малейшего шанса выглядеть хоть как-то прилично. Так, чтобы не вызывать к себе жалости и врачей. Однажды он заснул на автобусной остановке, он не спал трое суток и потому никто из прохожих не мог его разбудить. Ему вызвали скорую, полагая, что у него инфаркт. Позже ему пришлось заплатить штраф за ложный вызов, за то, что он даже не умирал. Больше профессор на остановках не сидел.

В его кабинет выходила вентиляция, большая труба, что, в зависимости от времени года, то засасывала воздух, то выдувала его. От этого шума у мистера Ланье начинало чесаться что-то под кожей. Как будто тысячи мелких опарышей заползли под неё, а он никак не мог вытащить их. Ланье пытался заставить вентиляцию шкафом, но оттого вибрировал шкаф, стучал по полу, по стене, стучал книгами в себе самом, создавая ещё больший шум.

После того как несчастный мистер Роузи, автор трёх научных работ, пяти учебников и более двадцати статей, почётный член отборочной комиссии и всего физического сообщества, пришёл на работу в одних только ботинках и без единого куска ткани на теле, Альберт Ланье надеялся получить его кабинет. Но кабинет достался другому профессору, лишив несчастного Альберта последней надежды на тишину. Поэтому свою научную теорию он обдумывал в лаборатории. А здесь готовился к лекциям. Пять лет назад Ланье стал лауреатом стипендии Мак-Артура, тогда это было отличным поводом для повышения престижа факультета, не очень популярного среди спонсоров. Не многие хотят финансировать физиков, а тех, кто хочет, обычно не интересуется результатом, которого нужно дожидаться годами или не дожидаться вообще. Поэтому лучше всего спонсируются

практические изобретения, вроде линз из жидких кристаллов или пластика из биоугля. Что же касалось масштабных проектов по опровержению существующих физических теорий, то они оставались менее востребованы у людей с деньгами, чьей заботой было заработать на своих вложениях если не в этом, то хотя бы в следующем десятилетии.

Последний год мистер Ланье работал над квантовой запутанностью частиц. А параллельно преподавал физику у второго курса. Больше курсов он взять не мог, не брать их совсем не позволяла дирекция университета, а именно декан Сноузи – человек в дорогом костюме, с дорогим одеколоном, с машиной, выброс которой не превышал положенных норм, в общем, со всем тем, что для Альберта было незначимым и смехотворным. Единственной дорогой его вещью был костюм, единственным транспортом – мопед, единственная возможность продолжить работу в университете – вести лекции.

Он привёл в порядок перепутанные листы, растрёпанные волосы, бардак на столе, сгребя его в выдвижной ящик. Собрал все мысли, надел пиджак и вышел из кабинета. Сегодня у него должна быть последняя на этой неделе лекция по всем известной теории Эйнштейна.

Аудитория на третьем этаже была очень душная, такая душная, что мистеру Ланье приходилось расстёгивать верхнюю пуговицу рубашки, чего он делать совсем не любил. Он всегда застёгивался на все пуговицы и закрывался на все замки. Он доедал все сосиски на тарелке, все чипсы в пакете, поливал все цветы в кабинете, а ещё пользовался всем мылом в туалете, их было четыре, над каждым умывальником по одному. Он повторял эти ритуалы каждый день, стараясь делать это незаметно, он заходил в туалет, когда никого не было, иначе этот кто-то мог услышать, как мистер Ланье смывает четыре раза, а руки сушит ровно минуту. Это очень долго, когда все спешат и ждут за твоей спиной, но совсем недолго, когда идёт лекция или студенты пишут зачёт, тогда эта минута проходит молниеносно, тогда всем не хватает последней минуты.

Время движется иначе в разных условиях, в условиях скорости и пространства, это невозможно представить, но легко понять на вычислениях и примерах, которые приводил студентам Ланье. Он знал, что время, окружающее нас, не линейно, что его вообще не

существует, оно условность, а любую условность можно обойти. Нельзя обойти лишь данность, ту данность, что одышка подступала к горлу мистера Ланье быстрее, чем он переступал за порог 302-й аудитории. Здесь было очень жарко и очень светло, если брать примеры из жизни, а мистер Ланье только из жизни их и брал, то 302-я аудитория напоминала единственную парилку во всей этой богадельне. Студенты здесь снимали свои толстовки и свитера, пиджаки и кофты, оставаясь в одних только футболках и топах. Ланье не мог ничего снять. Это неподобаает преподавателю – снимать с себя пиджак, не для того он его сюда надевал, чтобы здесь же и снять. Солнце нещадно било в окно, оно будто отгораживало аудиторию от лектора. Мистер Ланье постоянно щурился, пытаясь разглядеть тех, кто смотрел на него, тех, кто слушал, что он говорил. А говорил он об Эйнштейне.

– О жизни великого учёного мы говорили с вами на прошлых занятиях, – начал Ланье, – множество открытий принадлежало Эйнштейну, но основное из них – это создание теории относительности...

Ланье оглядел аудиторию и продолжил:

– Надо сказать, что теория относительности – это общий термин для двух теорий, общей и специальной. Первой появилась специальная теория относительности, из которой следует, что скорость света будет всегда неизменной относительно любого тела, с какой бы скоростью оно ни двигалось. А время при скоростях, близких к скоростям света, замедляется, а если время замедляется, значит, это может позволить нам чисто теоретически совершать что?

Аудитория молчала.

– Правильно. Совершать путешествие в будущее.

Иногда Ланье казалось, что он говорит сам с собой. Но это был неплохой разговор.

– Так, специальная теория относительности открыла для нас возможность путешествия в будущее. Теперь мы можем контролировать время, а значит, и любое из его течений.

– Значит, чем быстрее будет лететь самолёт, тем медленнее будет идти время?

– Абсолютно верно, – обрадовался Ланье. Он всегда радовался хоть каким-то мыслям студентов, а уж верным тем более.

– Получается, первой машиной времени станет что-то реактивное? Ракета, например?

– Если мы говорим о будущем, то да, – улыбнулся профессор.

– А если о прошлом?

– А вот тут начинается самое интересное. Лурье выдержал паузу, все молчали. Он любил такие паузы, в которые все молчат. Он чувствовал, как управляет всеми, ему казалось, он даже слышал, как шевелятся извилины в этих неподвижных умах. Когда он набирал эту группу, он не думал, что наберётся и десять человек, но пришло гораздо больше. На его лекции записалось двадцать три студента, и пускай двое пришли по ошибке, но даже они сидели сейчас затаив дыхание.

– Так что с прошлым? Мы можем отправиться в прошлое?

– Можем! И об этом нам говорит тот же Эйнштейн, но уже в своей общей теории относительности.

– Он создал её для путешествия в прошлое?

– Отнюдь, он не верил, что такие путешествия возможны. Но, как мы знаем, нет таких законов физики, которые препятствовали бы путешествию во времени. Общая теория относительности подтверждает возможность перемещения в прошлое. Весь вопрос в том, какое это прошлое, наше или нет. Весь вопрос, какая это вселенная. Также Эйнштейн с большим скепсисом относился к такому известному нам всем явлению, как квантовая запутанность частиц.

Ланье посмотрел на аудиторию и понял, что это явление известно было только ему.

– Кто-нибудь знает, что такое квантовая запутанность?

Молчание было исчерпывающим.

– Понятно.

Он стёр всё с доски и начал рисовать.

– В микромире есть такое понятие, как суперпозиция. Что это значит? Это значит, что одна частица может находиться в нескольких местах одновременно. Это если бы взять меня, например, и клонировать. Нам это трудно понять, наш мир и законы в нём очень рациональны. Всё, что нас окружает, подчиняется законам физики, но в микромире (в мире частиц, фотонов и атомов) нет земных законов. Поэтому сложно поверить в то, что даже представить нельзя. Так вот...

Он начертил на доске овал и разделил его пополам.

– Одна частица может разделяться надвое. И это также будет та же самая частица, только в двойном экземпляре. И каждая из них сможет держать связь с другой, потому как они часть от целого. И если одну частицу, к примеру, поместить на огромное расстояние от другой, предположим, в космос, а другую оставить на земле, то обе они будут связаны друг с другом; и, влияя на одну, мы заметим закономерные изменения и в другой. Таковы законы природы на её микроуровне. И это неотъемлемая часть нашей реальности. Эйнштейн же назвал это явление жутким действием на расстоянии.

– Почему жутким?

– Потому что он не находил ему объяснений.

Ланье хотел было сказать ещё что-то, но посмотрел на часы. Ему было жаль уходящего времени. Он не особо любил учить. Единственное, чего он хотел, это вернуться в лабораторию и продолжить работу над экспериментом. Он занимался квантовой запутанностью частиц. Он считал её самым таинственным и даже мистическим явлением во вселенной. Мы часть этого мира, говорил он себе. Да, наш мир, и человек в частности, живёт по иным законам, но должно же быть что-то, что убрало бы эти условности. Эти грани между миром частиц и нашим миром.

Кажется, он долго молчал, так долго, что не заметил, как тишина сменилась шумом, а шум хаосом. Он не услышал звонка. С ним часто такое случалось.

9 глава

Дом лучшей актрисы второго плана, по версии канала RSI, предполагаемой Эммы Клетчер, находился за городом, куда Морис с Глорией добирались более двух часов на машине и ещё час на пароме. Всё это время Морис выслушивал всевозможные предположения новоиспечённой напарницы о том, кем была эта Эмма, почему награда оказалась в доме умершего Кларка Стюарта и кого в итоге надо подозревать.

По предположению Глории, убийцей могла быть сама Эмма Клетчер, а орудием – эта самая статуэтка. Она была его любовницей, точно любовницей, шептала Глория, будто на пароме да в закрытой машине кто-то мог их услышать. На замечание Мориса, что мистер Стюарт умер от сердечного приступа, Глория тут же ответила, что ему что-то подсыпали в алкоголь. Это был нитроглицерин, шептала она, запей его алкоголем и – здравствуй, инфаркт! Или антидепрессанты, или снотворное, снотворное и алкоголь.

– Куда проще, правда, Бенджи? – не унималась Глория. – Или нет, они вдвоём его убили. Точно! Эмма Клетчер и эта Мэри, как её, ты не помнишь?

– Гринвич.

– Гринвич, точно, вот ведь сучка, да, Бенджи? «Я никогда не играла роли второго плана», – лицо Глории искривилось в пародии, – надменная стерва. Он же вёл их дела, так ведь? Он что-то знал, знал их тёмное прошлое, у всех есть тёмное прошлое, правда, Морис?

– У меня нет.

– Да у тебя вообще ничего нет, ты такой предсказуемый, Бенджи... А у людей есть и тёмное прошлое, и та ещё подноготная. Как ты дела только раскрываешь? Ты же понятия не имеешь, чем люди живут, какие скелеты у них за спиной.

– В шкафу.

– Что?

– Скелеты в шкафу.

– И в шкафу тоже, – согласилась Глория, – ну ничего, – она обняла его руку и погладила как-то жалеючи, – со мной ты не пропадёшь, я помогу тебе.

«Вот счастье-то», – подумал Морис.

– Спасибо, Глория, я очень рад.

Эмма Клетчер жила в двухэтажном небольшом доме. Облицованный сине-серыми досками и такого же цвета черепицей, он смотрелся совсем неброско на фоне соседних домов. Ставни на всех окнах были распахнуты, раскрывая белые рамы многостворчатых окон. Такой же белой и многостворчатой была дверь в глубине арочного козырька над крыльцом, поддерживаемого скромными колоннами. Всё это Морис увидел из-за забора, который огораживал и сам дом, и сад перед ним. Перед домом было много деревьев, они склонялись кронами на крыльцо, загораживали пару угловых окон, что было бы очень кстати в жару, подумал Морис, когда-то у него был похожий дом, когда-то он тоже хотел посадить деревья.

Морис очнулся от неприятного звона. Это Глория трезвонила в колокольчик, что висел над калиткой.

– В каком веке они живут? – ворчала Глория. – У людей давно уже видеонаблюдение стоит, а у них – колокольчики.

– Это декоративный, – сказал Морис, позвонив в электрозвонок.

– Полиция Нью-Йорка, – ответила Глория на невнятное шипение в динамике.

Шипения прекратились, и в ту же секунду из дома вышла приятного вида взрослая женщина, в строгом, английского кроя платье, чёрных туфлях-лодочках и с пучком на голове.

Она поздоровалась с гостями и впустила их. Голос её был тихий и учительский, если бы она не жила в Америке, то непременно должна была жить в Англии, работая гувернанткой в какой-нибудь графской семье.

Пока они шли до дома, она молчала, и молчание это показалось Морису не совсем обычным. В доме женщина представилась и предложила им чаю.

– У нас не так много времени, миссис Браун, мы бы хотели поговорить с Эммой Клетчер. Она здесь?

– Конечно, детектив, – покачала головой миссис Браун. – Она сейчас спит.

– Как не вовремя мы пришли, – изобразил почтительную неловкость Морис, – но мы никак не можем уйти, не поговорив с ней.

– Я не могу тревожить её, мистер Морис.

– Может, тогда вы нам поможете? – спросила Глория и повернулась к Морису. – Пока мы болтаем, может, она и проснётся.

– Я? – спросила миссис Браун. – А чем я могу помочь?

– Кем вы приходитеесь Эмме Клетчер? – спросил Морис.

– Я её тётя и работаю здесь, держу дом.

– У вас прекрасный дом, мадам.

– Как неловко стоять у двери. Может, вы всё же пройдёте? – предложила миссис Браун.

– Конечно, мадам.

– Проходите в гостиную, а я принесу вам чай.

– Спасибо мадам, но... – женщина уже скрылась в столовой.

Дом внутри, как и снаружи, был под стать колониальному стилю. Только вот к надёжной архитектуре провинциальных первопроходцев сейчас добавилась и кое-какая роскошь, но не вычурная, скромная. Морис знал, что такие дома считались богатыми домами, а люди, владеющие ими, – богатыми людьми. Вообще, иметь свою собственность было признаком элитарности. Больше половины населения обитало в съёмных домах.

Глория под села к Морису, он так удобно устроился на диване, что невольно обрадовался гостеприимству мадам. Но Глория была напряжена, она смотрела на Мориса многозначительным взглядом, таким многозначительным, что Морис даже не знал, что бы он мог означать.

– И ты будешь пить её чай? – спросила она сквозь зубы.

– А ты нет? – удивился он.

– Конечно, нет! Она же отравит нас! И закопает у себя в саду.

– По-моему, отличный сад, – улыбнулся Морис.

– Тебе смешно? – она выпучила глаза. – Такие тётки самые странные, Бенджи. Может, она старая клофелинщица?

– Глория...

– Я не буду пить её чай! Может, это она его убила!

– Кларка Стюарта?

– Да! – шёпот её был отрывистым и нервным.

– Она тоже была его любовницей? – улыбнулся Морис.

– Нет!

– Жаль.

– Вон она идёт со своим чаем, ты знаешь, чем пахнет клофелин?

– Знаю. Ничем.

– Замечательно...

Мадам несла чашки на металлически-зеркальном подносе, они дрожали на нём так же тихо, как и руки миссис Браун.

– У вас очень красивый дом, – сказал Морис, пытаясь помочь.

– Нет-нет, я сама, – сказала мадам, – присаживайтесь к столу.

Они сели за небольшой деревянный стол, что стоял посреди гостиной. Мадам поставила поднос с краю стола и стала расставлять чашки. Когда всё было готово, она тоже присоединилась к гостям.

– Этот дом последнее, что осталось у мисс Клетчер, – сказала она, когда наполнила все чашки.

– Последнее? – удивился Морис и отхлебнул из чашки, несмотря на все подмигивания Глории.

– Да, у нас было три дома.

– Три? – подпрыгнула на стуле Глория.

– Да. Один принадлежал покойному отцу Эммы, другой – моему отцу и, как понимаете, мне, он перешёл мне по наследству...

– Я понял, мадам.

– А третий достался нам от деда. В нём мы сейчас, – она оглядела привычную обстановку и вздохнула. – Это самый скромный дом.

– Скромный, – поперхнулся Морис.

– Да, – улыбнулась она, – может показаться, что мы богаты, но это было очень давно... Наша семья занималась займами.

– Это что-то вроде банка?

– Да, небольшие конторы. Отец Эммы хотел, чтобы она пошла по его стопам, но она грезила сценой. Однажды на неё вышел человек, он подошёл к ней после спектакля и предложил роль в кино.

– Кем был этот человек?

– Он представился как Стефан Нильсон.

– Стефан Нильсон, – Морис достал блокнот и записал, – и что было дальше?

– А дальше она... она почти не появлялась дома, мы жили в разных домах, я жила на другой улице. Один раз она пришла ко мне. Её трясло, она сказала, что теперь нам нужно будет жить вместе, в этом доме, а другие дома выставить на продажу.

– Почему? – удивилась Глория.

– Ей нужны были деньги.

- И вы согласились?
- А что мне было делать? Её всю трясло... Сколько ужаса в глазах...
- Кому она должна была денег, – Морис посмотрел в блокноте, – Стефану Нильсону?
- Нет. Она сказала, что ей нужны были деньги на адвоката.
- На адвоката? Но это баснословные деньги.
- Она сказала, что вляпалась, – миссис Браун еле выдавила из себя столь несвойственное ей слово, – вляпалась в плохую историю.
- В какую историю, мадам?
- Я не знаю. Как только я пыталась поговорить с ней об этом, она впадала в истерику. Я больше не заводила таких разговоров.
- Скажите, а адвоката вы видели?
- Нет, да и где я увижу, я была только дома.
- А как его звали?
- Я не знаю, детектив.
- Хорошо, так вы продали два самых дорогих дома?
- Да, мистер Морис.
- И заселились в этот, что подешевле.
- И тогда всё наладилось? – перебила Глория. – Адвокат выиграл дело?
- Да, вроде бы всё было хорошо, я не знаю.
- А что с актёрской карьерой? – спросила Глория. – Этот человек, – она заглянула в блокнот Мориса, – Стефан Нильсон, он помог ей?
- Да, ей давали роли, небольшие. В сериалах. Но они быстро закрывали их.
- Сериалы?
- Да. Потом ей давали другие роли, она снялась в нескольких клипах. Знаете, те, что под песни.
- Да, мы знаем, миссис.
- Ещё были театральные постановки, но она мечтала о большом кино.
- Так, когда вы продали дома? Когда были судебные разбирательства? До съёмок или после?
- После.
- Так вы не знаете, как звали адвоката? – спросила Глория.

- Нет, – покачала головой миссис Браун.
- А мисс Клетчер ещё не проснулась? Может, мы спросим у неё?
- Мы были бы вам очень признательны, вы могли бы позвать мисс Клетчер? – попросил Морис.
- Нет, я не могу её беспокоить.
- Может, мы сами к ней пройдем? – наседала Глория.
- Глория, – одёрнул её Морис.
- Но мы же ехали к Эмме Клетчер, почему мы не можем разбудить её?
- Я отведу вас к ней, – вдруг сказала миссис Браун и встала со стула, оправляя платье.
- Отлично, – сказала Глория.
- «Может, мисс Клетчер больна, – подумал Морис, – лишь бы она была в своём уме».
- Пройдёмте, – сказала миссис Браун, стоя у входной двери.
- Но разве она не в спальне? – удивилась Глория.
- Но мисс Браун уже вышла во двор.
- Мне кажется, она просто выпроваживает нас, – шепнула Морису Глория, – сначала во двор, потом за забор, а потом: здравствуйте, я вас не знаю.
- Пойдём, Глория, – пошёл к выходу и Морис.
- С радостью, – ворчала Глория. – Я бы уже ехала отсюда, по моему, эта тётка сумасшедшая. Тебе не хочется спать?
- Нет, Глория, наливала она из общего чайника.
- Всё равно, что-то не так. Куда она нас ведёт?
- Они вышли из дома и поспешили за миссис Браун. Женщина уже зашла за угол. Торец дома был весь покрыт зеленью, вьюны оцепили полздания, но совсем не виднелись с лицевой стороны. На заднем дворе стояли высокие клумбы, похожие на большие вазы, а в центре двора возвышалась статуя девушки с голубем в руках.
- Красивая статуя, миссис Браун, – сказал Морис, подходя к ней, – но где же Эмма?
- Здесь, – сказала миссис Браун, стоя возле статуи, окружённой цветами и деревьями, обступившими её.
- Где здесь? – остолбенела Глория.
- В этих цветах...
- Но вы же сказали, она спит?

– А разве нет? – опустила глаза женщина.

Теперь Морис понял, что было в ней странного. Это было отчаяние на грани безумия и неверия в происходящее.

– Когда это случилось, миссис Браун?

– Три года назад.

– Здесь её могила? Настоящая могила во дворе? – смотрела на статую Глория.

– Здесь её прах.

– И вы живёте здесь совсем одна? – спросил Морис.

– Нет, я не могу быть одна, – женщина как-то болезненно улыбнулась, – её душа всегда рядом, всегда. Вы чувствуете?

– Да, миссис Браун.

«Не дай бог такое почувствовать», – подумал Морис, когда они с Глорией уже садились в машину.

10 глава

– Скажите, ваш отец видел, что происходит с матерью? Он что-то предпринимал?

– Отец показывал маму психологам. По крайней мере, табличка на двери кабинета каждого из них гласила, что они тоже доктора. Доктор со сложной греческой фамилией Франопулос говорил, что всё происходящее абсолютно нормально, человек должен пережить, прочувствовать, выплакать. Разговорите её, – говорил он. Нужно разрешить себе страдать. Но никто из нас и не запрещал. Мне казалось, если отец начнёт разговаривать с матерью, то вскоре и сам запрётся в этой комнате. И тогда некому будет платить за дом, и жизнь станет ещё хуже, чем прежде. Врач номер два выписал успокоительное, маленькие белые таблетки в стеклянной затемнённой баночке, по четыре в день. Мать принимала их и больше не плакала. Её лицо ничего не выражало. Взгляд стал стеклянным, мимика – восковой, она смотрела не на нас, а сквозь нас, и это жутко пугало. Отец не разрешил допить курс и смыл пилюли в унитаз. Третий врач, которого мы посетили, был из города – мужчина преклонных лет с полуседой бородкой. Казалось, она начала сесть и вдруг забыла как. Полуседой с бородкой приезжал в наше захолустье раз в месяц по вторникам, и те, кто не доверял первым двум, ждали записи к нему. Он сказал, что маму нужно положить в стационар, не меньше чем на полгода, если меньше, то бессмысленно, и все пилюли бессмысленны, только комплексное лечение, только под присмотром врачей.

Отец был против такой терапии, психологию он считал лженаукой, а этих седобородых дядечек – недостойными звания докторов. Он пошёл к ним от безвыходности, оттого, что даже время не смогло вылечить его жену.

Третьего ноября у меня был день рождения. В этот день отец из последних сил пытался создать ощущение праздника. В верхний угол гостиной прибилось три шара, поздравительный плакат почти ровно висел на входе, пахло пирогом и воском. Это отец заранее проверял, горят ли свечи. Мама стояла в том же платье, с непривычной улыбкой на лице. Меня пугала такая улыбка. Но я старался не подавать виду. Я задул свечи. «Это мама испекла», – соврал папа. Я знал, что это пекла

миссис Клаус, она жила на другой улице, и работала в кондитерском отделе местного супермаркета. Я поблагодарил мать и проглотил свой кусок шоколадного пирога.

«Вот твой подарок», – сказал отец, протягивая мне пакет. Я вытащил пару редких комиксов про супермена, они были запечатаны в плёнку. Я не читал комиксы, но отец не знал этого. Ещё была коробка с медицинским набором. В сверкающей металлической ванночке лежали новенькие: скальпель, зажим и ножницы. Отдельно лежал стетоскоп.

– Это стетоскоп, – сказал отец.

– Я понял, спасибо, пап, – сказал я, – мам, – обнял я мать и ушёл в свою комнату.

К вечеру ко мне пришёл Конни, отец всучил ему в руки остатки пирога и отправил в мою комнату. Конни подарил мне складной перочинный ножик, в нём ещё была открывашка, пила и штопор. «Набор взрослой жизни», – сказал он. «Спасибо», – сказал я, показав свой новый набор инструментов. Мы уселись на моей детской кровати. Всё в моей комнате было детское, и в тот момент меня это сильно раздражало.

– Хочешь сделаться доктором? – спросил он.

– Нет, отец хочет.

– Твой отец – хороший мужик.

– Может быть...

– А я хочу в Нью-Йорк.

– Что там делать?

– Всё что хочешь. Это город возможностей, настоящей жизни, он никогда не спит.

– Ну и что?

– Ты не понимаешь...

Я действительно не понимал.

– Хочешь ты пожрать в три часа ночи, выйдешь на улицу, купишь еды. Любой: китайской, мексиканской, вьетнамской. Какой вздумается. Что ты купишь в три ночи у нас? Да ничего. Здесь уже в девять всё закрыто. Я хотел купить батарейки вчера и не нашёл нигде. Пришлось заходить к соседям.

– Почему к нам не зашёл?

– Не знаю...

Я знал, почему он не зашёл, он не хотел тревожить нас из-за моей матери. Мы здесь считаемся несчастной семьёй, с которой нужно быть осторожнее, тактичнее, что ли.

– А в Нью-Йорке в три часа ночи жизнь кипит, – не унимался он.

Я не думал о том, какой еды мне бы хотелось в три часа ночи. В три часа ночи я бы хотел спать.

– Хочешь поддельные «Ролексы», – продолжал Конни, – такие, чтобы не отличить? Без проблем. Фильмы для взрослых? Пожалуйста. Всё для тебя. Любая еда, любые фильмы, любой образ жизни. Там ритм другой.

– Какой?

– Другой. Свободный.

– А тут какой?

– Тут вообще никакого нет.

– Ну, не знаю, какой-то же всё-таки есть.

– Этот город для пенсионеров, сюда только приезжать умирать.

Конни был старше меня почти на год.

– Я буду поступать в театральный, – сказал он.

Я округлил глаза.

– Зачем?

– Тусовка, деньги.

– А как же Лесли?

– Мы вместе уедем.

– Её родители не отпустят, – возразил я.

– Всё равно женюсь.

Я совсем опешил.

– Ты сдурел, – сказал я.

– Я люблю её, и она меня любит. Она будет петь, а я поступлю в театральный.

– Лесли хорошо поёт, – согласился я.

– Она вся хорошая, только мелкая пока.

– Она как я.

– И ты мелкий. Её ждать надо.

– Чего ждать?

– Всего, понимаешь, пока подрастёт.

Я думал, что понял, но не был уверен, на всякий случай кивнул.

– Я уже мужчина. Ты знаешь?

Я не знал.

– И как?

– Да так себе, не знаю. Я жду Лесли. Когда ей будет шестнадцать.

– Она так сказала?

– Да, она молодец.

Некоторые девчонки в нашей школе уже ничего не ждали. А она ждала, и он ждал. Я тогда представил, как они вместе сбегут в Нью-Йорк, снимут грязную нищенскую комнатку, с одной лишь лампочкой на потолке, и будут в ней счастливы, как никогда. Она будет петь где-нибудь в баре, а он бегать по вечным кастингам, сниматься в массовках, есть резиновые бургеры, добираться к ней через дождь, не имея и двух долларов на метро. Он придёт как-нибудь вымокший, ляжет к ней на колени, а она будет гладить его мокрые волосы, потом они уснут вместе, мокрые и голодные, как дворовые коты.

– У меня кое-что есть, – сказал Конни.

– Вы бы хорошо посмотрелись, – сказал я, нехотя отвлекаясь от того фильма, что состряпал в своей голове.

– Конечно, хорошо! Она – красотка, я – пробивной.

Он достал что-то из кармана. Газетный свёрток. Развернул его. Сигареты.

– У отца стащил, – сказал Конни.

– Он же коп.

– Ну и что?

– Не знаю...

– Ты чего сдрейфил-то? Никогда у отца не крал?

Я и правда никогда не крал, ни у отца, ни у кого-то ещё. Не думаю, что я был слишком честен, просто нужды особой не было.

От мысли, что это сигареты полицейского, краденые, недешёвые, как-то сводило в щеках.

– Ты курил уже? – спросил Конни.

– Нет, никогда.

– Сопляк, – усмехнулся он и деловито сплюнул. Он сплюнул на мой детский ковёр с машинками.

– Ой, прости.

– Ничего, скоро новый купим, – соврал я.

– Давно пора, – закурил он, – бери, не ссы.

– Я и не ссу...

Я закурил.

– Ну как? – пускал он дым.

– Никак, – закашлялся я.

– Блин, пепел, – сказал он, – покрывало бы не прожечь.

На конце сигареты Конни уже нависала серая требуха, она удлинялась и удлинялась и вот-вот норовила упасть.

Я осмотрелся по сторонам, никакой подходящей посуды.

– Подожди, – сказал я и открыл отцовский набор.

Вытряхнув на кровать все инструменты, я поставил пустую медицинскую ванночку на подоконник. Мы тоже перебрались на него.

– Что с твоей матерью? – спросил он.

– Всё нормально, – ответил я.

Он не докапывался.

– Я увезу Лесли в Нью-Йорк, – смотрел он в окно, – мы будем жить в своём доме, с шикарным камином и винтовой лестницей.

– Ну вот, – сказал я, – я думал вы будете в нищете жить... Она будет петь в ресторане, а ты будешь бегать по пробам.

Конни подумал.

– Ну, это сначала, потом-то я раскручусь. Ты знаешь, сколько получают актёры?

– Много? – заржал я. У меня затуманился мозг.

– Много, – заржал Конни, – ты чего ржёшь?

– Не знаю, – у меня задвоилось в глазах.

Мы курили, стряхивали пепел в медицинскую посудину и двоились друг у друга в глазах.

– Что это? – спросил я, посмотрев на догоравший окурочок.

– Какие-то странные сигареты, – сказал Конни.

Потолок начал кружиться, стены пошли за ним. Я пытался собрать свою голову, и тут увидел отца. Он стоял в дверях и молчал. Он молчал, когда смотрел на меня, на разбросанные инструменты, на эту чёртову пепельницу. На неё он смотрел дольше всего. Смотрел и молчал.

– Конни, тебе пора, – сказал он.

У меня разболелась голова. Я закрыл глаза. Когда чуть полегчало, вновь увидел комнату. Конни как-то быстро смылся. Отца уже не было. Я выбежал в коридор.

– Пап, – кричал я, – ища его в доме, – пап! – Он стоял у окна, один на кухне, держа руки в карманах, стоял и слегка так раскачивался.

– Ты накажешь? – спросил я.

Он молчал.

– Накажешь, пап?

Он стал каким-то расплывчатым, он расплылся у окна из-за слёз.

– Поругай меня, пап, – плакал я, – я буду врачом, я буду!

Он развернулся и как-то болезненно посмотрел на меня.

– Ты можешь быть кем хочешь, – сказал он, – проветри комнату.

Тогда впервые я хотел обнять его, так хотел, как никогда раньше.

У меня горели щёки, я шмыгал носом и вытирал слёзы. Отец ушёл в спальню. Мать уже спала.

Как оказалось, в сигаретах отца Конни была намешана дурь. Это могло грозить ему скандалом и увольнением. Мой отец прочитал нам целую лекцию об опасности курения травы, которую прослушал и мистер Раймонд. После все решили не распространяться о случившемся. Самого Конни посадили под домашний арест и не выпускали из комнаты неделю. Меня же отец каждый день брал с собой на работу. Так начались наши осенние каникулы.

11 глава

Мелкие пузырьки углекислого газа жемчужными нитями поднимались вверх, одна за другой, одна за другой. Скапливаясь на поверхности, стекая к губам. Мэри Гринвич любила шампанское, от него не болело в висках, оно путало мысли, меняло прошлое, притупляло всё. Она не хотела ничего вспоминать, она уже давно ничего не вспоминала, если бы не проклятый детектив, помятый коп в старом плаще и его помощница, похожая на шлюху из восьмидесятых, с этими огромными ногтями. Чёртова россомаха, рассмеялась Мэри, и как-то тепло стало в груди. Она не понимала, отчего теплело, то ли от смеха, то ли от шампанского, Мэри никогда не смеялась без шампанского. Без шампанского было не смешно. Она сидела посреди кухни, в кресле из ротангового дерева, подобрал под себя тонкие ноги, уткнув в ротанг острые колени, откинув голову назад. Тепло разливалось по её тщедушному телу, от губ до груди, от груди до кончиков пальцев. Как некстати пришёл этот коп, как некстати сейчас напиваться.

Первый раз она напилась в тринадцать, её угостили в одном из клубов. Тогда она почувствовала то же тепло, а потом голова закружилась. Ей сказали, что всё хорошо, что так и должно быть. Она была очень горда собой. На ней было розовое платье в пайетках, она была уже похожа на девушку, её грудь стояла торчащими конусами, и давно округлился зад, делая гибкую талию ещё тоньше и изящнее. Мэри с детства занималась танцами, потом ушла из-за травмы ноги. Там маленьких девочек учили танго, фокстроту, ча-ча-ча. Ча-ча, раз-два-три, ча-ча, раз-два-три, – шептала Мэри. Это сексуальный танец, они все сексуальные, она уже давно хотела повзрослеть. В том клубе стучала громкая музыка. Люди двигались будто роботы, так играл стробоскоп. Её шампанское опускалось всё ниже, она почувствовала тепло. Кругом были люди, они танцевали как им хочется, а не как скажет учитель по танцам, они не напрягали мышцы, не тянули носки, они кайфовали всем телом, а не убивали его, не изнуряли, не выворачивали. Её уже тошнило от уроков танцев, от соревнований, на которые даже мёртвым ты должен был явиться. Даже смерть не оправдание, кричал им учитель. И Мэри ещё повезло, что у неё не

выросла грудь, тем, у кого выросла, повезло меньше, их сажали на лимоны и воду. Жри лимоны целый день. Но это всё в прошлом, теперь она в клубе. Теперь она в другой тусовке свободных людей. Она допила шампанское, и оно ударило ей в голову, её маленькое розовое платье уже поплыло волной. Ей казалось, всё поплыло. «Видишь того парня? Он известный актёр. Хочешь познакомиться с ним?» – спросил Стефан. Конечно, она хотела, здесь было много известных актёров. Мэри тоже начинала играть, только в детском сериале.

Мать привела её на кастинг, у неё были длинные ноги и красивые волосы, маленький носик и большие глаза, её сразу же взяли на роль. Играть старшеклассницу в сериале про закрытый пансионат. Ей нравилось играть. Теперь её привели в клуб, чтобы познакомить со всеми, в более непринуждённой обстановке. «Все важные знакомства происходят в непринуждённой обстановке, Мэри», – говорил ей Стефан.

Чёртов Стефан... Мэри Гринвич еле вырвалась из воспоминаний. Она сидела посреди большой кухни и смотрела, как плывёт потолок. В шампанском закончились пузырьки, а Мэри никогда не допивала бокал, если в нём заканчивались пузырьки, она выливала его и наполняла по новой. Ей не жалко было это чёртово шампанское, ей было жалко не получить от него удовольствия. Мэри нравились пузырьки, как они лопались на губах, бродили по нёбу, щекотали его, был в них особый вкус. Она встала с жёсткого кресла, ноги затекли, пошла по холодному полу, она любила холодный пол, ей предложили установить с подогревом, но Мэри отказалась, мурашки, которые бежали от пят до ягодиц, нравились ей так же, как пузырьки.

Она налила ещё шампанского, не налилось и на треть, она не поняла, как прикончила бутылку, нужно было открыть новую, под ногами шатался пол. Чтобы он не шатался, Мэри всегда смотрела вдаль, её отрезвлял вид из окна, как-то ставил на ноги, приземлял, что ли, она не знала почему. В этом доме были большие окна и тонкие рамы, через них было видно всё: и дальний лес, и дорогу, идущую из него, и небо... Вот чёрт! Оно тоже плыло, или нет, это облака тоже плыли, но не из-за шампанского, они плыли сами по себе.

– Эмма Клетчер мертва. Не правда ли, мисс?

Голос детектива чуть не сбил её с ног.

– Что вы здесь делаете? – Мэри попыталась собрать себя. – Я не впускала вас.

– Ворота были открыты, и дверь в дом тоже.

– И вы разрешили себе войти?

Она дрожала и пошатывалась, она не знала, видно ли это было со стороны, может, он не заметит, что она пьяна. Ей не нравилось, когда её заставляли такой. Как неудачно она не закрыла дверь. Детектив слегка двоился в глазах, но как-то быстро собрался воедино, в одного целого детектива. «Ещё не хватало ей двоих», – подумала она и засмеялась.

– Почему вы смеётесь? – спросил сдвоенный детектив. – Вы же знали, что она мертва?

– Вы спросили, дома ли Эмма Клетчер. Я сказала, что она всегда на своём месте.

– Мне не до шуток, мисс, я бы попросил вас серьёзнее отнестись к этому делу.

– Но это всё не моё дело! А вообще это ваше чёртово дело, как вас...

– Детектив Морис.

– Мне плевать!

– Как она умерла? Её убили? Довели до самоубийства? Шантажировали, угрожали?

– Господи! У меня из-за вас голова разболелась, – схватилась она за голову. – А где ваша, эта, с причёской?

– Она в машине...

– Это хорошо, хорошо. А то её я бы точно не вынесла.

– Почему это не вынесли бы? – из-за спины Мориса появилась Глория.

– Я же просил остаться в машине.

– Почему у вас такая причёска? – шурилась Мэри от головной боли и света, который зачем-то бил в окно.

– Какая такая?

– Вот такая, – изобразила она что-то над своей головой, – идиотская. Вы не детектив, – помотала она головой, – и вы мне не нравитесь.

– Смотри, Глория, тебя раскусили.

– Иди к чёрту, Бенджи. – Глория отстранила Мориса и пошла на актрису.

– Почему вы идёте ко мне? Не подходите! – отстранилась Мэри.

– А почему вы мешаете следствию? За это, между прочим, есть статья! За это же есть статья, Бенджи?

– А почему я должна вам помогать?

– А может, это вы убили Эмму Клетчер?

Внезапная тишина повисла в воздухе. Мэри остолбенела и медленно опустилась на пол.

Эмма приходила к ней перед смертью. Мэри так и запомнила её, в веснушках, белокурую с большеватым, чуть курносый, носом. Ей никогда не доставалось больших ролей, она никогда не была хорошей актрисой, но её убедили в обратном, они умели убеждать.

– Да как вы смеете, я хотела вытащить её, – еле выговорила Мэри сквозь слёзы.

Морис подошёл к актрисе и подал ей руку.

– Прошу вас, мисс, не сидите на полу.

Она поднялась и облокотилась на Мориса. Теперь он не казался ей таким уж противным, от него пахло вафлями и пережаренным кофе. Она уселась в свой ротанговый стул, провалилась в его подушку и долго смотрела на Мориса.

– Вы мне не нравитесь, – опять сказала она, посмотрев на Глорию.

– Глория, пожалуйста. – Морис показал жестом, чтобы та отошла.

Глория хотела было что-то сказать, но подумала, что это лишь помешает делу, потому тихо развернулась и вышла. Это было впервые в её жизни, когда выпирающее негодование не выперло-таки наружу.

– Я могу что-то сделать для вас? – спросил Морис, когда дверь дома захлопнулась. – Чаю, воды, бумажные полотенца?

– Нет, всё в порядке, – успокаивалась Мэри Гринвич. – Это должно было случиться.

– Что именно, мисс?

– Что именно? Вот, – она указала на Мориса, – вот этот разговор – я должна была кому-то рассказать. Знаете, знаете, – заикалась она, – вы когда-нибудь чувствовали себя так, будто наглотались дерьма и никак не можете вытошнить его обратно? Оно так и засело внутри. Можно обмазаться дерьмом, встать и умыться, а можно наглотаться его, и постоянно его чувствовать, и быть постоянно дерьмом.

– Мэри...

– Нет, не перебивайте. Мне надо сказать. Я – дерьмо, – она не переставала плакать, – да, я оно и есть. Но мне разрешили выйти, разрешили, я смогла, а Эмма нет, у неё не получилось, они довели её.

– Они её убили?

– Я не знаю, честно, не знаю. Они не убивали никого, но ставили в такое положение, когда сдохнуть – меньшее из зол, понимаете? Я тоже могла быть на её месте, мне повезло, – она засмеялась и снова заплакала, – если это можно назвать везением. Но по сравнению с Эммой, наверное, можно... Как думаете, детектив?

– Вы молоды, красивы, у вас отличный дом и роли в кино. Я думаю, вам действительно повезло, мисс.

– Да, у меня и правда всё есть, и я особо не жалею, только прошлое не отпускает, если бы можно было всё изменить я бы... я бы не пошла к ним.

– Пожалуйста, мисс, о ком вы говорите?

– Стефан Нильсон, чёртов подонок. Он живёт за городом, в огромном доме. Ненавижу этот дом.

– Вы были там?

– Была, и не только я, все там были. Тебя приглашают на банкет, там будут нужные связи, говорят они, нужные люди, много нужных людей. Все пьют и танцуют... В этом доме так много комнат, этот огромный дом похож на замок. А этот карлик с манией величия отстроил себе замок, с прислугой. У него прислуги больше, чем у королевы. И в этих комнатах, из них же ничего не слышно! В залах идёт банкет. Танцуют, поют, все танцуют, от продюсеров до министров. А в комнатах полно камер, и когда ты оказываешься в одной из них, с одним из них, с любимым, кого тебе подsunут, с кем нужно налаживать связи, то тебя не услышат даже, никто тебя не услышит!

Потом тебя приглашают на кастинг, через неделю. Ты приходишь, а там много девчонок, молодых девочек, им уже раздали слова... И ты тоже знаешь слова, и ещё ты знаешь, что, скорее всего, пройдёшь, что, скорее всего, ты уже прошла этот кастинг, в одной из тех комнат, в том проклятом замке. Ты читаешь слова, запинаешься, просишь перечитать, тебе разрешают, ты запинаешься снова. А в комиссии человек пять: продюсер фильма, коммерческий директор, директор по

подбору актёров, режиссёр, и этот, от вида которого тебя тошнит, он тоже член этой комиссии. Он тогда останавливает тебя и говорит: «Молодец, девочка, всё хорошо». А ты знаешь, что не хорошо, ты знаешь, что другие прочитают лучше. Но утверждают в итоге тебя. Девчонки из кастинга плачут, завидуют, кто улыбается, поздравляет, но тоже завидует. А ты завидуешь им.

– Вы говорили, в комнатах были камеры.

– Да, – она закивала, – это я потом только узнала, когда хотела уйти от Стефана. А он включил мне эту чёртову запись. И сказал, что покажет её всему миру, если я только вздумаю рыпаться.

– Он сказал, что моя свобода слишком дорого стоит, и мне надо будет нанять дорогого адвоката. Но мне нечего было продавать.

– Но как вы ушли от него?

– Меня заметил крупный продюсерский центр, это случайно получилось. Они взяли меня в свой проект в обход Стефана. И уже сами продюсировали меня.

– Он так легко согласился на это?

– Не думаю, что легко. Они тоже с ним договорились. Они могли договориться с ним.

– Да, я понимаю.

– Но мои записи всё ещё у него, и если они всплывут... Я всё думаю, что он ждёт удобного момента. Он ждёт его.

– Почему вы не обратились в полицию?

– В полицию? – Она рассмеялась. – Я тоже по дурости угрожала ему полицией. А он показал мне на парочку гостей. Они, говорит, в бараний рог свернут всю твою полицию. И тебя заодно. Ему ведь ничего не стоило представить меня наркоманкой или проституткой. И я бы ещё больше опозорилась.

– А Эмма продала два своих дома...

– Да, она дурочка, милая добрая дурочка. Она всё продала, чтобы откупиться, и они отпустили её, на год.

– На год?

– Да, для вида. Как кролика на охоте. А потом опять забрали её своим шантажом.

– Но вас заметил продюсерский центр.

– Да, но Эмма была слабой актрисой, она мало кому была нужна. А им нужны были только её деньги. Талантливые актрисы приносили

им деньги, снимаясь в кино, а такие, как Эмма, продавали всё, что могли продать.

– Но это же рабство.

– Да, так и есть.

Она уютно свернулась калачиком, положила руки под голову и уснула в ротанговом кресле, подобно ребёнку в утробе матери, не заметив даже, как ушёл детектив.

12 глава

– Значит, после этого случая с сигаретами отец стал брать вас с собой?

– Да, он так присматривал за мной.

Целыми днями я пропадал в больнице. Шатался там без дела: в приёмной, в коридорах, между приёмной, палатами и кабинетом отца. Иногда я развлекал детей, которые лежали без родителей, одного мальчугана восьми лет пришлось кормить отвратительным желе, я и сам ненавидел эту зелёную дрянь, но надо так надо. Я чувствовал себя совсем взрослым, когда уговаривал его поесть. Может, тогда мы и станем взрослыми, когда уговариваем других делать то, что надо, и сами делаем то, что надо, нравится оно нам или нет.

В другой палате лежала женщина, она получила ожог половины лица и никого не хотела видеть, к ней часто приходил муж, а она не хотела его пускать, стеснялась своей внешности; я был кем-то вроде посыльного, передавал ей цветы, коробки конфет и плюшевых медведей. Я сказал ей, что она очень красивая, а ожоги совсем неглубокие и скоро пройдут. На третий день она разрешила мужу войти, и тот сказал ей то же самое.

Мне выдали белый халат. «Не пугай пациентов, – сказал отец, – так хоть за интерна сойдёшь». Я и правда тогда мог сойти. В классе я был выше многих. Хоть теперь многие выше меня. Тогда я так резко скакнул, так резко, что даже мать заметила меня, посмотрела удивлённо. Наши глаза были на одном уровне. «Подрос», – сказала она тогда. «За лето вырос», – уточнил отец.

Так я и сидел недоинтерном в душных коридорах, пропитанных запахом спирта и лекарств.

– Второй вывих за месяц, – сказал как-то небольшого роста старик, незаметно подсевший ко мне. Мы сидели на скамье из белых металлических стульев, он был в пяти стульях от меня, потом в четырёх, потом в трёх, и вот говорил:

– Первый раз я вывихнул руку, когда двигал книжный шкаф от одной стены до другой. Вы любите читать, молодой человек?

– Люблю, – сказал я.

– Это замечательно, и я люблю, поэтому раз в полгода двигаю книжный шкаф.

Я не понял, как это связано.

– Солнце, понимаете? – вроде как уточнил он.

Я не понимал. Но сказал, что понимаю.

– Разве электричество – это свет? – продолжал старик, мне казалось, он говорил сам с собой. – При всём моём уважении к физике и к достопочтенному господину Тесла, свет – это солнце. От этих лампочек рябит в глазах, и буквы прыгают. У вас не прыгают?

– Пока нет, – посмотрел я на него.

– Это вы верно заметили, что «пока». Это молодое слово, оно прекрасно, «пока нет», «пока, пока»... а потом перевалит за полтинник, и «уже нет», или «уже да».

Я понимающе кивал.

– Я уже утомил вас?

– Не утомили пока, – улыбнулся я.

– Мало кто любит стариков, вы очень редкий молодой человек.

Я не знал, люблю ли я стариков. Стариков в нашей семье тогда не было. Но этот не вызывал раздражения.

– А второй раз? – спросил я.

– А что второй?

– Вывих руки.

– А, второй раз, – потянул он. – Второй раз я переставлял книги. Знаете, как это? Уберёшь всё с полок и расставляешь. Можно по цвету, или по веку, или по жанру; и каждый раз что-нибудь да находишь, о чём-нибудь да вспоминаешь.

– Как же вы потянули?

– Уронил Джойса и поймал на лету, ловко поймал, правда, не удержал, потому как потянул. Нехорошо он упал, распластался весь. Страницы помялись, – старик тяжело вздохнул.

– Толстый, наверное, этот Джойс.

– Не худой, – засмеялся старик.

Старик исчез, а я пошёл путаться под ногами. Мне хотелось как-то заглядить вину. Из последних сил я выражал заинтересованность отцовским делом.

– Ты не помогаешь, – сказал отец, – подожди в кабинете.

В кабинете отца было очень тихо. Вся больничная жизнь была там, за его пределами. А здесь будто опять ты становился собой. Мне удивительно было, как быстро переключается человек, вот я над кроватью больного, лечу его, или вижу, как он умирает, а вот я в своём кабинете заполняю больничные листы. Не зря мой отец был таким спокойным, эта работа для спокойных людей. На улице уже вечерело, солнце не било меж рейками жалюзи, и можно было спокойно смотреть на него. Холодное, остывшее солнце.

Я решил позвонить Конни, он, наверное, тоже скучал. Придвинув к себе телефон, я несколько раз крутанул тугой диск. Через два гудка Конни снял трубку. Он сказал, что отец не разговаривает с ним, а мать втайне от отца носит ему в комнату горячий шоколад и печенье. Ему хорошо попало тем вечером, отец не выдержал и всё же ударил его, оставив хороший такой след на щеке. Мать, что всё это время держала марку, не выдержала и напала на отца, все разругались, и теперь как мыши по углам. Никто ни с кем не говорит.

– Скорей бы кончились эти каникулы, – сказал он, – в школу хочу.

Да, школа на тот момент казалась нам единственным путём к освобождению, никогда мы её так не ждали.

– Ещё пару дней, – сказал я, – нужно перетерпеть.

– Кто ж знал, что там трава.

– Никто, – сказал я.

– И тебя подставил.

– Не страшно.

– Попало тебе?

– Нет, но я целыми днями в больнице.

– Повезло тебе с отцом.

Мы ещё долго о чём-то болтали, не помню о чём, когда тихий вечер разорвал гул скорых и полицейских сирен.

– Что это? – спросил Конни.

– Ты тоже слышишь?

– Слышу.

– Это к нам!

Я бросил трубку и побежал к отцу. Стало как-то непривычно страшно. В нашем городе редко когда скорую сопровождала полиция, я такого не помнил.

К горлу подступила тошнота, в животе сводило от волнения. Я подумал о матери, что нас не было дома, и мы зачем-то оставили её одну.

Отец пробежал по коридору к выходу. Двери на входе грохнули об каталку, рядом с ней шли четыре врача, один держал систему над головой. За врачами быстрым шагом шли полицейские, одним из них был мистер Раймонд. На нём не было лица, мне показалось, он плакал. Этот взрослый мужик вытирал рукавом своей формы красные злые глаза. Он стиснул зубы и шёл за врачами.

– Раймонд, – добежал к нему отец, – Раймонд, что? – Он посмотрел на каталку и прокричал: – Быстро в операционную!

Я побежал следом. Отец, увидев меня, крикнул, чтобы я не смотрел, и замахал на меня. «Какой пульс? – спрашивал он, – сердцебиение, введите пять кубиков...»

Я не мог не смотреть, сердце колотилось так быстро. «Кто-то из наших, – подумал я. – Кто-то из наших», – отдавало в висках. Ноги плелись, стали почти ватными. Кто это...

Каталку прокатили мимо. Я увидел окровавленные ноги, разорванное платье, длинные руки и волосы свисали с каталки почти до колёс, ссадины на лице, губы в крови, поломанные ногти. Лесли. Она еле дышала. Каталку ударили об двери коридора, ведущего к операционной. Я остался за ними. Ещё какое-то время слышался этот перекат и железное дребезжание мелких колёс о плиточный пол, голоса врачей, голос отца... Потом всё стихло.

Мистер Раймонд сел у дверей. Он еле сдерживал слёзы. Его большая покатая грудь тяжело вбирала спёртый больничный воздух. На его рукавах были следы грязи и крови. Это он нёс Лесли на руках до скорой, а после поехал за ней. Я не мог дышать.

– Сядь, сынок, – сказал он мне, борясь с подступавшей одышкой.

Я сел. Он обнял меня за голову, поцеловал в макушку и разрыдался. Я тоже рыдал.

– На ней живого места нет, – простонал он, – нет живого места...

Я не хотел ничего понимать. Мне кажется, моё сознание заблокировало тогда любое понимание. Я решил, что её избили, избили, и всё.

– Молись, сынок, – сказал он мне.

Я не знал, как молиться.

Лесли нашли местные ребяташки на развалинах той самой мельницы. Они тоже пошли воевать, но с криками вернулись домой. Полиция и скорая приехали через семь минут. Отряд прочёсывал лес и кукурузное поле. Мистер Раймонд ждал медицинского заключения, нужно было возбуждать дело либо по причинению тяжкого вреда, либо за убийство. Свет от холодных трубчатых ламп беспрестанно мигал. Настенные часы отсчитывали время: секунды, минуты... Я почему-то думал о маме, хотелось прижаться к ней и не отпускать, и чтобы она меня не отпускала, пусть она молчит, пусть все молчат, но будут рядом.

Никогда раньше я не понимал профессии отца. Я знал, что он лечит переломы, вырезает аппендициты и какие-то лишние наросты, внешние или внутренние, я знал, что он накладывает швы и обрабатывает раны, снимает швы и выписывает таблетки, но то, что он спасает жизни, я понял только сейчас.

Отец Конни мне всегда казался круче, однажды он обезвредил вора на местной заправке, он заломил ему руки и, держа под прицелом, усадил в свой полицейский седан. Он был словно из фильмов, он был крепким орешком, но сейчас ждал, как и все. Ждал, пока мой отец спасал целую жизнь. Я не знал, какой может быть жизнь после такого. Может, Лесли станет как моя мать, а может, выкарабкается, переживёт. Если можно такое пережить. В любом случае мы будем рядом, отвезём её к доктору с полуседой бородкой, к абсолютно любому докторам. А потом она вырастет в женщину и станет хорошим психологом. Не всем же покорять Нью-Йорк. Как же медленно шла минутная стрелка, она, кажется, и не двигалась с места. Я почувствовал, чем было время, там я понял, что оно в голове бесконечное, с запахом крови, вязко-серое, словно болото. На часах было шесть двадцать три.

Время смерти: шесть сорок.

Отец вышел весь мокрый от пота. Я смотрел на его дрожащие руки, на измождённое лицо, я не верил, что он не смог, я не знал, что сказать. А отец ещё должен был знать, он снял шапочку, вытер ей лоб, опустил взмокшую голову и пошёл своим медленным твёрдым шагом к двери с табличкой «приёмный покой». Там ждали родители Лесли.

Тогда я понял, что не смогу вот так же, как он.

Лучше я буду как мистер Раймонд. У любых возможностей есть свой предел, даже у доблести и отваги.

Убийцу нашли по горячим следам, в ту же ночь. Он скрывался в лесу, удирал от погони и сорвался в низовье реки. Это был не местный парень, какой-то маньяк из Бруклина, он уже полгода скрывался. И вот добрался до нас. Его полуживое тело, мокрое и ободранное, спасатели вытащили из воды. После я узнал, что лечили его тоже в нашей больнице, лечили, чтобы посадить.

Жизнь в нашем городке напоминала немое кино. С тем лишь отличием, что люди двигались не так быстро и не столь нелепо. Но немыми были все. Казалось, мы не слышали бы и звука надвигающегося поезда. А любого случайно прибывшего к нам человека постигла бы та же серая, тяжёлая немота. Всё казалось беззвучным и чёрно-белым. Люди ходили как шахматные фигуры, строго по квадратам своих домов. Никто не сворачивал, никто не менял решений, не был спонтанен никто; никто не кричал через забор: «Эй, Барри, сегодня смотрим футбол у меня, вход с пивом бесплатный»; никто не смеялся в ответ. Все будто боялись той, обычной жизни, будто они не вправе были её дальше жить.

Деревья оголяли свои безжизненные костлявые руки, сбросив шуршащую дряхлость к корням. Чтобы она пропитала всю землю, отдала ей остатки, до лучших, ещё непроглядных времён. Небо шло также неспешно, серыми наседающими облаками, которые никак не могли разродиться, хотя бы мелким дождём. Они лишь загоразивали солнце. По дорогам не бегала ребятня, автомобили не сигналили друг другу, никто не ходил по домам с пирогами и домашним печеньем. Даже в школе стало непривычно тихо.

Учителя держались лучше всех, хвалили нас за любые ответы, не давали тестов и контрольных. По классам ходил мистер Питерсон – школьный психолог. Я и не знал, что он у нас был. По крайней мере, раньше его никто не видел. Оказывается, он сидел на третьем этаже возле туалета, за узенькой, еле приметной дверью, я всегда думал, что это кладовая, оказалось, это дверь мистера Питерсона. Он приглашал нас к себе в кабинет, он говорил, что в том нет ничего постыдного (он знал, что в нашем возрасте всё постыдно). Что человек имеет право на

любую эмоцию, не нужно бояться ни страха, ни гнева, нужно высказать всё.

Одна девочка высказала, что зла на бога, и, судя по всему, его вообще нет, потому как если бы он был, то такого бы не случилось. Мистер Питерсон не верил в бога, потому как никогда его не видел. По этому спорному поводу он постоянно ссорился со своим зятем. Тот тоже не видел бога, но почему-то верил в него.

– Я никогда не видел твою первую жену, – кричал зять мистера Питерсона, – стало быть, её тоже не существует?

– Как же её может не существовать, если её видел я?

– Но я-то не видел, как ты её видел!

Это был бесконечный спор, а это была потерянная девочка, и лучше бы здесь был сейчас его зять, а не он сам. Мистер Питерсон совершенно не знал, что ей ответить; он знал лишь психологию, как науку, и то не так хорошо.

На следующий день в школу пригласили местного священника, который объяснил этой девочке и нам всем, что бог всех нас любит, всех, в ком он есть, а если в ком-то бога нет, то этот кто-то встанет на путь зла и преступности, но в этом нет ни вины, ни воли господя. Ибо каждый решает сам, впускать в себя бога или нет.

Доктор с полуседой бородкой, к которому мы раньше приводили маму, стал приезжать в наш город чаще, те, что были, не справлялись с наплывом. Люди, что до того страшного дня казались вполне себе счастливыми, перестали такими казаться. Каждый поднял со дна свой личный сундук со страхами и зарылся в нём с головой.

Отец не выходил на работу более двух недель, он был дома с мамой, они постоянно о чём-то разговаривали; да, мама тоже разговаривала и улыбалась ему. Он осторожно держал её за руку, держал, когда мы сидели за столом или когда смотрели телевизор, держал, когда они выходили на улицу, вечерами они сидели на скамье возле дома и смотрели, не знаю куда там было смотреть, наверное, на звёзды. И мама постоянно держалась, она понимала, что нам неприятны её бесконечные слёзы, и сдерживала их, как могла. Как-то за просмотром какого-то фильма папа сказал ей: «Если хочешь, можешь поплакать, я ведь не запрещаю тебе». Она положила голову ему на грудь и разрыдалась. Отец обнимал её за плечи, гладил по волосам и даже что-то напевал полушёпотом, я не понял, что это было,

до меня только ночью дошло. То была моя колыбельная, когда в детстве мне было страшно, он вот так же меня обнимал и пел эту самую песню... *Я буду с тобой, если тебе будет страшно, я буду с тобой...* С тех пор он стал обращаться с матерью как с ребёнком, и она даже смеялась. Нет, она не стала такой, как была, она не стала опять мне матерью, но была кем-то вроде сестры. Младшей сестры. Что тоже было неплохо. Я даже рассказал ей пару секретов, а она пообещала, что «никому», и приложила палец к губам, вот так. Я свыкся с мыслью, что у меня уже не будет матери, что она и не обязана ей быть. Она не сумела быстро справиться со своей бедой, мы не сумели простить ей этого. Но никто ведь не обязан переживать что-либо с определённой скоростью. Нет никаких сроков для траура, как и для любых других чувств.

Конни не ходил больше в школу, он вообще никуда не выходил. Его родители сильно обеспокоились, когда он перестал есть. Мой отец сказал, что Конни сильно похудел, несколько раз к нему приезжала скорая, кололи витамины. Проводили беседы. Через неделю он притронулся к еде. Его отец, до этого грезящий полицейской академией для сына, сейчас не грезил ничем. Он пытался хоть как-то его отвлечь, и потому был согласен на любую авантюру, лишь бы вывести ребёнка из этого состояния.

Как-то раз он поехал в Нью-Йорк, достал билеты на бродвейский спектакль. Мистер Раймонд совсем не смекнул, что спектакль тот был о любви, о молодой парочке, и вот эта же молодая парочка красиво смотрела на Конни с билетов. Тогда в первый раз он смог заплакать. И постепенно стал приходить в себя. На спектакль он всё же поехал, через год. Тогда же его документы забрали из школы, десяти классов было вполне достаточно. Родители поселили его у тётки в Нью-Йорке, а после перебрались туда же и сами. Они продали свой дом и купили квартиру с одной лишь спальней где-то в дешёвом районе. Чтобы быть ближе к своему мальчику.

А Конни? Ему купили новые джинсы и белые кроссовки «Адидас». Я подошёл к нему, когда его родители набивали машину вещами, я знал, что больше не встречу с ним. Мы были слишком разные, нам не суждено было пересечься. Да и зачем встречаться с кем-то из того прошлого, которое ты хочешь забыть. Он стоял в белых кроссовках, в новых джинсах и футболке с тигром. «Ну бывай», –

сказал он. «Удачи», – сказал я. Он сел в машину, я ещё долго махал ему вслед. Мистер Раймонд устроился в местную полицию, а его жена вела уроки фортепиано на дому. Конни, как и хотел, бегал по кастингам, его даже сняли в одной из реклам. Помню, мы собирались все у телевизора, все вместе, с соседями, чтобы поймать рекламу с ним. Кто-то даже записал её на кассету Betacam.

Город постепенно приходил в себя. Люди ходили друг к другу, узнавали рецепты, собирали гостей. Вновь начались дни рождения, вновь открывали подарки. Отцы за футбольным матчем шипели пивными бутылками, выпуская бродящий газ, делали ставки, кусали локти, швыряли банки, давали пять, прощались к ночи, встречались снова. Постепенно начинали жить. Лето пришло удивительно светлое, таким я его и запомнил. Тёплые дожди омыли все улицы, местная ребятня играла под ним, дети смеялись, прыгали в лужи. Это было первое лето, когда я не намочил волос.

13 глава

До Филдстона добрались только к вечеру. Глория была не в духе. Она то и дело рассматривала себя в зеркало, поправляла налакированный начёс, поднимала брови, рассматривая тени. У неё были серебристо-синие тени, почти до бровей.

– Ты думаешь, я некрасивая, Бенджи? – вдруг спросила она.

Морис не отвечал, он надеялся, нет, он слышал, конечно, что Глория назвала его имя, но всё же надеялся, что она обращается не к нему.

– Во мне нет чего-то такого, да? Чего-то, что привлекает мужчин. Я бы могла привлечь тебя, Бенджи? Если бы ты был... – она замялась.

– Если бы я был кем? Мужчиной? А я кто, по-твоему?

– Я хотела сказать, если бы ты был способен увлечься кем-то, – с облегчением выдохнула она.

– А по-твоему, я не могу?

– А можешь? – удивилась она.

– Ну естественно, Глория! С чего ты решила, что нет?

Глории было как-то неудобно. Ей так редко было неудобно, что она даже покраснела, а она вообще не краснела, никогда. Последний раз это было в доме красавчика Пауло. Они увлечённо катались по кровати, пока она не свалилась за неё, точнее, пока он не столкнул её за кровать, приказав помалкивать. А Глории вообще никто никогда не приказывал, она надела бельё и встала, но тут же пожалела об этом. Дверь в спальню открылась и с возгласом: «Папа, кто эта тётя» – на кровать прыгнули двое таких же Пауло, только младше, гораздо младше – лет десяти. После в спальню вошла его жена. А из Глории вышел весь стыд. Она и не знала даже, что в ней столько стыда.

Сейчас ей было так же неловко. Зато Морис чувствовал внезапное облегчение. Он специально поставил Глорию в это неловкое положение, он и сам не знал, мог ли ему понравиться кто-то, мог ли он увлечься кем-то. Это не было какой-то проблемой, скорее это было отличным предупреждением возможных проблем. Но зато Глория совсем перестала обсуждать свою привлекательность, Морис не знал, что ей на это сказать. Морис не знал, как разговаривать на такие темы с женщиной, он и с женой-то особо не разговаривал ни на какие темы.

Глория никогда не вписывалась в общий колорит полицейского участка, его порядка и дресс-кода, но это никого не волновало, в том числе и её саму. Она казалась себе ярче всех, умнее всех...

– Она думает, что умнее всех? – вспомнила Глория Мэри Гринвич.

– Перестань, Глория.

– Ты тоже думаешь, что я могу кому-то не нравиться?

– Ты нравишься мне.

– Отлично! Я нравлюсь человеку без всякого чувства стиля. Может, мне не делать начёс? – она опускала стоячую чёлку, но та возвращалась обратно, на своё законное высокое место.

Морис не мог сейчас думать о Глории и её чёлке, он думал о Саманте, он думал, как опрометчиво было оставлять её одну, но таскать с собой тоже не выход. Дело Саманты даже делом-то не назовёшь, не было никаких доказательств угроз, поступавших Саманте, не было не только убийства, но и покушения на неё. Ничего не было, что помогло бы ему предпринять хоть какие-то меры по её защите. Он даже прослушку на её телефон поставить не мог. Для этого нужно было идти к капитану и брать разрешение, да и кто будет прослушивать? Сейчас не прослушивают даже террористов, если только они не взяли заложников, если только они не решили убить президента или хотя бы министра.

– Министр, – вспомнил он разговор с актрисой.

Она назвала и адрес, и фамилию министра, который точно там был, но, видит бог, легче засадить этого владельца актёрского борделя, чем заставить министра сознаться в содеянном. «Чего этим людям не хватает, – думал Морис, – почему их вечно тянет на какие-то извращения...»

– От небольшого ума.

– Что? – Морису казалось, что он молчал.

– От небольшого ума, говорю, она такая краля. Тоже мне актриса, – ворчала Глория.

– Она очень несчастна.

– Ты что, жалеешь её?

– И есть за что. Она в этом бизнесе с 13 лет, и это далеко не детский бизнес, Глория, и творили с ней далеко не детские вещи.

Глория замолчала, ей подумалось, что не зря человек так зол, может это и не человек кричит, а его боль. Глория видела много

человеческой боли. Вся она проходила через неё, все проходили через неё, когда приходили в участок. И матери, у которых потерялись дети, и женщины, избиваемые сожителями, и подростки, громящие витрины, лишь бы мать заметила их, наградив оплеухой. Глория видела что-то страшное в этой Мэри Гринвич. Высокомерие жертвы, вот что это было, высокомерие – замена достоинству, единственное, что остаётся у жертв.

– И что ты намереваешься делать? – спросила она.

– Загляну в гости к этому, – он посмотрел в свой блокнот, – к Стефану, он у них главный организатор, вроде как агент по актёрам.

– Сутенёр, что ли?

– Вроде того.

– Так кто убил Эмму Клетчер?

– Наверяд ли это можно считать убийством, а вот доведением до самоубийства – вполне.

– За это тоже сажают.

– Да, по нему давно тюрьма плачет.

Всю оставшуюся дорогу они ехали молча. Огни вечернего города играли на воде, переливаясь, сливались с рекой. Недалеко от моста останавливались люди, фотографируя, позируя на нём. Глория всегда с интересом наблюдала за туристами. Интересно, что такого видят они, чего не видит ни один местный житель. Она не любила ни эти высоченные дома, ни центральный парк, ни гипермаркеты с их огромными витринами, ни постоянную грязь и вонь на оживлённых улицах. Ей нравилось только в Филдстоне. Ничего не текло там по асфальту, никто не орал под окнами, не было там никаких демонстраций каких-либо меньшинств, в Филдстоне была своя жизнь, скромная и тихая.

Морис уже подъезжал к участку, Глория просила высадить её там, она впопыхах оставила на стуле куртку и баллончик с лаком в верхнем ящике тумбочки. Хоть какой-то там актрисе и не понравился её стиль, она себя без этой чёлки даже представить не могла.

– Ну, что будем делать завтра? – наклонилась она к Морису, когда уже вышла из машины.

– О нет, даже и не думай.

– Не думай что?

– Я не возьму тебя, Глория, это слишком опасно.

– Ты хочешь поехать к этому сутенёру без меня?

– Да у тебя даже табельного нет, ты секретарша, Глория!

– Ты думаешь, если я секретарша, то и оружия у меня быть не может?

– А оно есть?

– А у кого его нет? Ты возьмёшь меня с собой, Морис, а то я расскажу начальству, как ты ходишь по чужим домам, сверкая своим жетоном, без их ведома и какого-либо ордера.

– Ты же сама и ходила со мной, Глория...

– Ну и что, может, это ты меня заставил.

– Заставил?

– Я сказала, что поеду с тобой, и это моё последнее слово.

Перед таким тоном Морис был бессилен.

Он почти бежал до квартиры своего дома, перепрыгивая ступени, срезая углы лестничных площадок. Ему поскорее хотелось увидеть Саманту, понять, что с ней всё хорошо.

– О, мистер Морис, здравствуйте, – сказала женщина в воздушной блузе, перегородившая ему путь, – вы так спешите. Кого-то убили?

– Я извиняюсь, можно...

– А я хотела пригласить вас на ужин, – мадам Аннет придвинулась ближе.

– Извините, я тороплюсь.

– Куда? К жене? – засмеялась она. – Я знаю, что вы живёте один, мистер Морис, я знаю, что вы разведены.

– Откуда вы?..

– Вы вечно помяты и не подстрижены. С таким мужем не ходила бы ни одна приличная женщина. Вам нужна жена, детектив, – она провела ногтем по пуговицам на плаще Мориса, схватила и оторвала одну. – Какая жалость, – скривила она лицо, надув губы. – Вам нужно пришить пуговицу, мистер Морис. Я сама вам её пришью.

– Вы оторвали мою пуговицу? – Морис смотрел на недавно целую пуговицу, что вот ещё секунду назад была частью плаща, и не мог понять, что происходит. Он всегда боялся женщин, а таких тем более. Он предпочёл бы встретиться с бандитом в подворотне, чем с такой вот мадам, которая совершенно безнаказанно отрывала бы его пуговицы.

– Пожалуйста, отдайте мою пуговицу, миссис.

Он вырвал из её цепких пальцев несчастную пуговицу и, извиняясь, обошёл неутешную вдову. Мадам Аннет же посмотрела на него с такой обидой, будто это он у неё что-то оторвал.

Морис ещё не знал, как сказать Саманте об отце. По рассказам Мэри Гринвич он понял, что и Кларк Стюарт был замешан в этом мерзком деле. Ведь миссис Браун говорила о помощи какого-то адвоката, к которому обращались актрисы этого Стефана Нильсона. Они продавали всё, и отдавали адвокату деньги, якобы для дела, но кем был тот адвокат, никто ему не сказал. Вполне возможно, это и был отец Саманты, вот почему Кларк Стюарт так ненавидел актрис, вот почему он и думать не хотел о том, чтобы Саманта пошла в актрисы.

Морис стоял у двери и невольно прислушивался. В квартире был включён кран, и играла тихая музыка. Морис вошёл. Саманта стояла возле мойки и улыбалась ему, и Морис улыбнулся ей, улыбнулся и остолбенел.

– Что такое, Бенджамин? Что-то не так?

В руках её был апельсин, она мыла апельсины и складывала их в вазу.

– Я знаю, вы запретили мне куда-либо выходить, но я так устала сидеть дома и так давно хотела апельсинов, я вышла в магазин, купила эту хрустальную вазу и апельсинов. Как вам? Вы любите фрукты, детектив?

Морис, кажется, кивал, кажется, ему нужно было кивать. Он лишился возможности говорить, он забыл, как это делается. «Этого не может быть», – думал Морис. Такая же, точно такая же ваза с апельсинами стояла у Саманты в доме в день её убийства. Она сидела за столом, с этой самой вазой и этими же апельсинами, и именно их он и не увидел, когда пришёл к ней за вещами. Он опять перенёсся в тот день, опять видел холодное тело Саманты с огнестрелом под грудью, он опять был там.

– Вам плохо, Бенджамин?

Морис чуть покачнулся и сел на кровать. Он решил, что потом пойдёт к психологу, или психиатру, или лучше ляжет куда-нибудь, да, неплохо было бы полежать. Невозможно разговаривать с человеком, постоянно видя его труп перед глазами. Он протянул ей руку. Она взяла её.

– Что это, пуговица?

- Да, мне нужно её пришить.
- Боже, на вас напали?
- Почти.

14 глава

– Выходите из машины и положите руки на капот.

Вчера был ужасный день.

– Вы имеете право хранить молчание, всё, что вы скажете, может быть использовано против вас.

Вчера Чарли досматривали на мосту. Окружили на мосту и досматривали там же. Весь мост гудел. Весь мост изрыгал неприятные звуки. Тогда Чарли на секунду показалось, что все за него, никто не любил копов, никто не упустил бы возможности обматерить их клаксоном. Все, кто ехал в сторону Нью-Джерси, попеременно взрывались клаксонами. Все стояли в пробке. Двое полицейских открыли чемодан.

– Здесь пистолет, глушитель, обоймы, пара пиджаков и жёлтый комбинезон с надписью «Джордано».

– Ты зашёл как доставщик еды, да, парень? – спросил его другой коп.

Чарли молчал.

– За что ты убил её? Тебе нравится убивать женщин?

Чарли молчал. Никогда он не задумывался раньше, нравится ли ему убивать людей, работа нравится, деньги хорошие, а нравится ли убивать? Он же не маньяк какой. Знал он одного маньяка, тому нравилось убивать людей, он держал их в подвале своего дома и убивал, а когда люди заканчивались, находил новых. Он делал это бесплатно, он делал это, потому что ему нравилось. Чарли же брал деньги за свою работу, значит, ему нравились деньги.

– Молчишь? – полицейский всё ещё досматривал Чарли.

– Ещё один пистолет, – тряс он стволом. – Из него ты подстрелил полицейского?

Чарли не проронил ни слова.

– Ничего, пошёл в машину, – толкнул его полицейский. – В участке тебя разговоят.

Это был полный провал.

Сегодня такого не повторится. Чарли открыл глаза. На тумбе лежал пистолет. Он опять никого не убил. То, что вчера вызывало жуткий страх, сегодня дало облегчение.

Чарли протёр глаза, потолок смотрел на него жёлтыми разводами, Чарли смотрел на люстру, не желая вставать. Он не был уверен, что находился именно здесь, он не был уверен, что это «здесь» существует, он не был уверен, что он это он. Что-то случилось в день убийства Саманты Стюарт, что-то случилось, и потому он не может выбраться.

Он не будет никуда торопиться, он не будет вставать сейчас, в этом нет никакой необходимости, нет необходимости проверять, встала ли Саманта Стюарт, нет необходимости смотреть, как она расчёсывает волосы. Он знал как. Он знал, в чём она будет стоять перед зеркалом в окне своего дома. Она будет в шёлковом халате, том самом халате, который оголил её белую грудь, в том самом халате, который он поправил вчера, перед тем как выйти из дома. Он не будет сегодня прослушивать телефонный номер, он уже знает, во сколько она позвонит в Джордано, он уже знает, во сколько приедет доставщик. Сегодня он сделает всё по-другому.

Беккер посмотрел на часы. Восемь утра. Это будет отличное утро, спокойное и неспешное, он покончит с Самантой Стюарт, но ночью не ляжет спать, нет ничего трудного в том, чтобы не спать. Если он не уснёт до рассвета, значит, и не проснётся в этом чёртовом доме, он не примет таблетку в самолёте, он не будет закрывать глаза. Он встретит 27 августа с широко открытыми глазами, а после пойдёт к психологу. Перед этим он слетает в Лас-Вегас с одним несговорчивым типом. Отдаст его нужным людям и будет отдыхать. У него, должно быть, что-то с психикой, неудивительно, когда работа нервная, у него очень нервная работа, он и так всегда чрезвычайно сдержан, он сдержан, когда убивает людей, сдержан, когда берёт крупные суммы.

Ещё недавно, ещё десять лет назад, для Чарли это были немислимые суммы, а сейчас он и не мыслил о меньшем. Он встал с тёплой кровати и спокойно пошёл в туалет, он спокойно мочился, чистил зубы, а после вернулся на кухню. Поставил турку, приготовил кофе, дождался, пока пар в кружке перестал быть столь сильным. Он смаковал каждый глоток, давно он не думал о деле, когда пил кофе, давно он не чувствовал вкуса и запаха.

Беккер отставил кружку и посмотрел на часы. Пора. Он надел белоснежную рубашку, каждая пуговица попала в свою петлю, надел костюм, а жёлтый комбинезон взял с собой. Чарли ненавидел жёлтые

вещи, какой-то запах желудочного сока исходил от такого цвета вещей. Он наденет его позже, в машине.

Ресторан «Джордано» находился в десяти минутах езды. Это было небольшое кирпичное здание 70-х годов.

Чарли Беккер встал неподалёку, он ждал человека в такой же одежде. В таком же противно жёлтом комбезе с запахом тошноты.

Чарли видел того человека вчера из окна дома, он запомнил его узкое лицо, он запомнил его, вот этого самого, кто сейчас хлопнул деревянной дверью «Джордано», сел за руль небольшого жёлтого «Пежо» и вдарил по медленным тарахтящим газам. Беккер ехал за ним.

И, казалось бы, ничего необычного, что может быть необычного в типичном утре узколицего Джордано, каждое его утро типично. Каждое утро он садится в это маленькое, тупорылое, вечно смеющееся «Пежо» и едет на свою вечно пахнущую работу, а потом к клиентам, а потом на работу, и так каждый день. Но сегодня у него будет другой день, сегодня Чарли нарушит весь его распорядок. Чарли прибавил скорость и врезался ему в зад. «Пежо» остановился, остановился и Чарли. Из жёлтой двери вылез узколицый Джордано и направился к Чарли.

– Эй, ты куда прёшь, придурок?! Ты не видишь, куда прёшь, кретин? – сказал бы Джордано, если бы увидел такой же «Пежо», но Джордано увидел «Мерседес» С-класса, поэтому чуть не извинился сам.

– Сэр, – постучал он в закрытое окно, – сэр вы, кажется, врезались в меня.

– Да, – Чарли опустил стекло, – да, кажется, я отвлекся от дороги, мне очень жаль, – сказал Чарли. – Садитесь, – он указал на сиденье рядом, – я выпишу вам чек.

Узколицый Джордано сел в шикарное авто. А через пять минут уже лежал в нём. Узколицый лежал в багажнике шикарного авто, связанный по рукам и ногам и с носком вместо кляпа.

Чарли ехал под глухое мычание, почему они постоянно мычат, мычат и стучат. Кому это нужно? Чарли поехал по пути Джордано, предварительно загнав его ротастый «Пежо» в ближайшие кусты. Сегодня всё будет по-другому. Сегодня он убьёт Саманту Стюарт, доедет до аэропорта, и никто не задержит его на мосту, сядет в самолёт, включит кино – почему бы не посмотреть кино в самолёте, –

и не будет спать. Он не будет спать до вечера, он не будет спать по прилёте в Сиэтл, он не будет спать в гостинице у моря. Он встретит рассвет с чистым разумом, включит радио и услышит «Доброе утро, Сиэтл, сегодня 27 августа». Он доберётся до 27 августа, он непременно встретит его. Он стоял у дома Саманты Стюарт в жёлтом комбинезоне с пакетом «Джордано» в руках. Он слышал каблуки Саманты Стюарт, каждый их стук, ровно восемь шагов, до звенящей дверной цепи, до защёлки замка, до открытия двери.

– Добрый день, ресторан «Джордано», – сказал он и вошёл.

– Скорее доброе утро, – улыбнулась Саманта.

– Как скажете, доброе утро, – сказал Чарли и выстрелил ей в грудь.

Он усадил её, как и раньше за стол, он и сам не понимал, почему придавал жертвам вид достойный и презентабельный, он и сам не знал, почему не мог оставить их так, как и были они, – с криво раскинутыми конечностями, с неровно повёрнутой головой. Одно дело, если это последняя мразь, какой-нибудь наркодилер или контрабандист, так пусть он лежит, как лежал, в лужи грязи между серых улиц в какой-нибудь из подворотен. Но когда он пришёл в красивый дом, когда ему открыла красивая женщина... Не должно оставлять её в таком непотребном виде, на полу с некрасиво раздвинутыми ногами и волосами, раскинутыми по кафелю. Он усадил её, как и раньше, за стол, пригладил спутанные волосы, поправил халат и пошёл к выходу.

Чарли повернул замок и захлопнул дверь. «Теперь не будет лишних свидетелей, – думал Чарли, – никаких свидетелей по пути в аэропорт». Никаких свидетелей – услышал он мычание Джордано. Мост Вашингтона был дружелюбнее, чем вчера, мост Вашингтона не взрывался клаксонами, он встретил Чарли и проводил до Нью-Джерси. До Сиэтла было семь часов, два в зале ожидания, пять в полёте. В машине так и остался Джордано, машина стояла на платной парковке. Но Чарли был милостив, не оплатив, скоро к машине подойдут полицейские, скоро они услышат Джордано.

Чарли Беккер сидел в зале ожидания, смотрел на стрелки наручных часов, они шли, как и всегда идут, как и положено было идти стрелкам на часах, – только вперёд, только вперёд. Всё оружие он скинул в реку, возле красного маяка, поэтому и ждал с ручной кладью,

поэтому и прошёл спокойно через зелёный коридор к автобусу, к трапу в самолёт. В самолёте Чарли запихнул чемодан на верхнюю полку и откинулся в кресле. «Только не спать, – сказал себе Чарли, – только бы долететь до Сиэтла». Пилот набирал разбег, увеличивал угол взлёта, наводя штурвал на себя. Нос железной машины потянулся к небу, сложились шасси и выпускные фары. Самолёт набрал высоту. Яркий свет ослепил Чарли, они влетели в чёртово облако, Беккер зажмурил глаза.

15 глава

– Если учесть, что время не линейно, в данный момент мы проживаем и прошлое, и настоящее, и будущее. Нет никакого прошлого, настоящего и будущего, а есть лишь одно целое безвременье, и мы в этом безвременье, как часть от своей части, существуем в трёх началах: я-прошлого, я-настоящего, я-будущего. Тогда я-настоящее, что является будущим для прошлого и прошлым для будущего, вполне может повлиять на я-прошлое, как запутанная частица влияет на саму себя в состоянии своей нелокальности. Да и что оно, время, – рассуждал Ланье, пока шёл от 302-й аудитории к лестнице, – оно есть лишь как величина, но и как величины его не было до большого взрыва. До большого взрыва не было времени, как и ничего не было, что есть сейчас. Но и появившееся время не универсально, оно относительно, и Эйнштейн знал это. Секунда для нас не будет секундой человека в космосе. Время подвластно и нестабильно, оно зависимо от гравитации и скорости. А если оно не постоянно, если оно изменчиво, значит, им возможно управлять. По крайней мере, в него возможно войти и выйти.

– Простите, – услышал Ланье за спиной, – можно пройти?

Ланье обнаружил себя на лестнице. Он постоянно где-то себя обнаруживал: у дверей кабинета, который так и не успел открыть, у ободка унитаза, в который уже полчаса как помочился, посреди улицы, которая неожиданно потемнела, потому как вечер внезапно наступил.

Ланье не заметил бы и как наступает утро, если бы его благоверная жена не заводила каждый вечер будильник на полседьмого утра. Но порой ему не мешал и будильник, он слышал, как что-то звонит, что-то далёкое, из глубин какой-то иной действительности, только потом он понимал, что эта действительность его, что он должен в ней быть, как и те, кто также были в ней, как и все, кто также был рядом с ним. Кого он так часто не замечал.

– Простите, – задела его снова.

Ланье спустился на второй этаж. И встал у окна.

Если бы все они, смотрел он на разгуливающих по кампусу студентов, если бы все они знали, что живут так, как живут, и стареют так, как стареют, потому что есть гравитация и время именно в том

значении, в котором оно есть, которое приобрели они после большого взрыва.

Ланье понимал, что в настоящий момент нет никакой практической возможности настоящего путешествия во времени. И если даже разогнать космический корабль или, к примеру, поезд или какой угодно транспорт до скорости, приближенной к скорости света, то его масса будет увеличиваться пропорционально увеличению этой скорости, и потому этот транспорт станет настолько тяжёлым, что не сможет двигаться ещё быстрее. Потому единственное, что могло перемещаться во времени на какой угодно скорости, – это частицы. Частицы, вот с чем работал Ланье.

Когда-то это было немыслимое открытие. Даже Эйнштейн не поверил в него. А не поверил, потому как не мог объяснить.

Ланье шёл в сторону кабинета, он и сам не понял, как дошёл, скорее это ноги шли, а он лишь не мешал им.

В кабинете опять зашумела вентиляция, нужно было готовить материалы к завтрашней лекции, но он не мог думать ни о чём, кроме одной навязчивой идеи. Совсем недавно на орбиту был запущен спутник, максимально разделив квантовые запутанные фотоны на 1200 километров. Ланье знал, что, отнеси они эту частицу хоть на край вселенной, воздействие на неё так же будет отражаться на другой частице, оставшейся на земле. Они будут связаны друг с другом не только на расстоянии, но и через время. Ибо одна частица будет в настоящем, а другая уже в будущем.

Ещё одна лекция, и он свободен. Ланье наконец-то взял отпуск, то есть его насильно в него отправили. Отдел кадров вызвал его вчера и сказал обязательно отгулять две недели. Они сошлись на одной. Через неделю он возьмёт отпуск и поедет куда-нибудь, куда бы ему поехать... Может, в горы. Отлично думается в горах. Хотя кого он обманывал, он не мог думать без своей лаборатории. Без наглядных физических экспериментов.

«Проветрите голову, мистер Ланье», – посоветовал ему декан. «Ему легко говорить, – думал Ланье, – людям с пустой головой всегда легко». А Ланье уже давно не принадлежал самому себе. Его хозяином была физика, и он служил ей уже три десятка лет.

Если одна частица воздействует на другую, вертелось у него в голове, одна на другую... Но как? Как это возможно в нашем мире?

Как разделить себя надвое? Какое замечательное явление – суперпозиция, ходил он по кабинету. Но всё замечательное возможно лишь в микромире. Этот мир полон мистики. Частица воздействует на саму себя только в прошлом или в настоящем, но из будущего... Но из будущего... Он остановился. Взгляд его стал стеклянным, руки застыли в движении, и весь он застыл. Заметь его кто в таком состоянии, то вызвал бы неотложку. Ланье постоял ещё с минуту, потом моргнул, прищурился, свет, бьющий в окно, словно разбудил его. Он вдруг вздрогнул и кинулся к книжному шкафу. Стоя на коленях, он рылся в нижних полках шкафа, весь он был наполнен книгами. Журналы же были внизу. Ланье не помнил какой год, что-то вертелось в его мозгу, что-то знакомое, что могло бы помочь ему выйти из этого навязчивого состояния. Частица воздействует на саму себя, думал он. Через время. Он перебирал журналы мокрыми пальцами. Вот этот выпуск. Пожелтевшие страницы слегка загнулись. Он нервно перелистывал их.

– Мистер Ланье...

Дверь кабинета осторожно открылась.

– С вами всё хорошо?

На пороге стоял Дэвид – молодой физик с кафедры. Он только недавно окончил магистратуру и был младшим преподавателем. Вдобавок его приставили к Ланье как помощника. Наверное, он был удивлён, увидев профессора сидящим на полу в куче книг и журналов.

– С вами всё в порядке, мистер Ланье?

– Да, – сказал профессор, поднимаясь и отряхивая брюки, – всё в порядке, Дэвид.

Дэвиду нравилось работать с Ланье, он часто помогал ему в экспериментах, пару раз даже заменял на лекциях, правда, студенты тогда вышли из-под всякого контроля, не каждому понравится преподаватель-одногодка, а Дэвид выглядит именно так. Но он уважал своего профессора, настолько уважал, что не обращал внимания ни на какие студенческие издёвки. Сейчас же на него смотрел не профессор, а кто-то другой, никогда ранее он не видел этого уважаемого человека в таком состоянии. Волосы у мистера Ланье были взлохмачены, будто от удара током, верхние пуговицы рубашки расстёгнуты, он часто дышал, кажется, воздух застревал где-то в трахее и не проходил дальше в лёгкие.

В руках профессор держал какой-то журнал, да, это был журнал «Новая теория», выпускаемый университетом два раза в год. В нём были собраны научные гипотезы, выдвинутые рядом известных и не очень известных, но оттого не менее учёных людей.

– Пожалуйста, присядьте, – попытался успокоить профессора Дэвид.

Но тот мёртвой хваткой вцепился в журнал, будто заостенел весь. Дэвиду потребовалось немало усилий, чтобы усадить Ланье за стол.

Он закрыл дверь на замок, порылся в шкафу и нашёл последний пакетик чая с успокаивающими травами. Заварив и подав профессору чай, он сел напротив и стал ждать. Пар из стеклянной кружки медленно поднимался вверх и вот, казалось, уже дошёл до пазух Ланье. Профессор вдыхал травяной запах и потихоньку приходил в себя. Сделав пару глотков, он положил журнал на стол, перед носом Дэвида.

– Вот, – сказал Ланье, – не я один, – выдохнул он, – не я один думал об этом, Дэвид.

Ланье раскрыл журнал в самом конце и указал на статью. Заголовок гласил: «Теория блоковой вселенной». Дэвид что-то слышал об этом, но не мог вспомнить что.

– Теория времени – фальсификат, – утвердительно сказал Ланье.

– Что?

– Она надуманна, Дэвид. Всё надуманно, понимаешь? Куда движется стрела времени, Дэвид?

– Вперёд... – еле вымолвил он.

– А если время не одно? Если их несколько, куда будут двигаться стрелки часов?

– Тоже вперёд.

– А относительно нас?

– Относительно нас?

– Относительно нашей вселенной они будут двигаться в обратную сторону, Дэвид!

Видя изумление молодого учителя, профессор продолжил:

– Не в каждой вселенной своё время, Дэвид, это в корне неправильно, – он взял паузу, как брал её всегда, когда хотел быть лучше услышанным, – это у каждого времени своя вселенная. Миром правит время, Дэвид, – он встал со стула и вознёс руки к потолку, –

время и есть вселенная, и когда оно закончится... закончится всё, вся жизнь. Время может идти медленнее, может идти быстрее, оно может остановиться, а значит, и исчезнуть совсем. И время не одно, оно не одно, Дэвид, – он задыхался, – их несколько, как минимум три. И все они существуют одновременно, и мы в них существуем, тоже одновременно. Нам кажется, что прошлое исчезло. Нет, ничего не исчезает в пространстве. Ты помнишь закон сохранения энергии, Дэвид?

– Энергия не появляется ниоткуда и не исчезает в никуда, она лишь переходит из одного состояния в другое, – пробормотал Дэвид заученный закон.

– Именно. А если всё есть энергия, значит, всё существует и сейчас. Вот иногда нам кажется, Дэвид, будто то, что было десять, двадцать, пятьдесят лет назад, было только вчера...

Дэвид кивнул.

– Думаешь, наша память так феноменальна? Нет! Нам не кажется, Дэвид. Оно и было вчера. То есть вчера и не было вовсе, оно было сейчас. Было сейчас, – засмеялся профессор. – Оно идёт сейчас, и мы с ним неразрывно связаны. Мы чувствуем не событие, произошедшее тридцать лет назад, мы чувствуем себя в этом событии, потому что мы неразрывно связаны с собой. Суперпозиция существует, Дэвид.

Профессор замолчал на секунду, задумался о чём-то, а после продолжил:

– Суперпозиция существует и в нашем мире тоже, и мы существуем в нескольких местах одновременно, как частицы. Наш макромир ничем не ограничен от микромира, кроме как нашим сознанием. Это наше сознание создаёт законы нашего мира, законы, отличные от законов всей вселенной, законы, которых не существует. Это всё иллюзия, Дэвид! Мы представили время таким, каким мы его видим, как видят его сотни людей, от стрелки к стрелке, от секунды к минутам, но его не существует, оно фальсификат! И я докажу это. Я докажу эту связь человека с собой же в любом из времён.

– Но как?

– Я думал об этом, долго думал, постоянно. Только это занимало меня. Я знал, что время не линейно, теперь многие это знают, но я не знал, как на него повлиять. Как повлиять на себя в этом времени.

– Но прошлое неизменно, – не выдержал Дэвид.

- А кто это доказал? А? Кто?
- Хорошо. А эффект бабочки?
- А если у прошлого есть своя вселенная?
- То есть не наша?
- Уже не наша, Дэвид, уже не наша.

Дэвиду казалось, он что-то понял, вот только он не мог понять что.

– Представь, что мы можем изменить любое из времён, любой из блоков вселенной.

– Боюсь, вас не поймут, профессор.

– О, это не страшно, – засмеялся Ланье, – я и сам себя не понимаю.

16 глава

На работу Морис прибыл в полвосьмого утра, застав охрану, двух сержантов и капитана. Он должен был увидеть Ронни, и никак не хотел пересекаться с Глорией. Мало кто хотел пересекаться с ней, даже капитан не очень огорчился из-за её вчерашнего отсутствия. Он чуть не спросил, где Глория, но подумал, что не стоит искушать судьбу, пусть она будет там, где есть, главное, не рядом с ним, не в этом участке. Пользы от неё было немного, она пропускала звонки, не отвечала на письма, не реагировала ни на какую критику.

Как-то раз капитан решил сделать ход конём и уволить её. Он привёл к Глории новую секретаршу, милую и обязательную миссис Дженкинс, что уже вечность работала секретарём в одном из участков Бронкса, но ушла из-за сокращения отдела. Он сказал Глории, что нашёл ей помощницу, которую не мешало бы ознакомить с состоянием текущих дел. Но милая и обязательная мисс Дженкинс не продержалась и пары часов и выбежала из участка не прощаясь. Что ей сказала Глория, капитан не знал, но утешил себя мыслью, что скоро пенсия, и в гробу он тогда видел и Глорию, и эту работу, и все нераскрытые дела.

Участок ещё не проснулся. Пустые столы и стулья, беззвучные факсы и телефоны, флаги страны, карты местности – всё ожидало начала рабочего дня. Впервые Морис заметил, что стены участка желтовато-зелёного цвета, а рамы окон и двери – синего. Он проработал здесь больше десяти лет, а увидел это только сейчас, удивительно, как отсутствие людей раскрывает место, будто оголяя его.

Морис долго смотрел на дверь, в надежде, что первым, кто зайдёт в неё, будет Ронни. Вчера вечером он оставил ему сообщение, но Ронни, похоже, даже не прослушал автоответчик. Единственное, что он мог слушать вечером, это телевизор. Однажды Ронни по той же причине не приехал на убийство, но это не помешало ему раскрыть его. Вообще он удивительно их раскрывал, определённым уникальным методом – методом тыка. Да, именно этот метод был основным в арсенале Рональда, и если когда-нибудь он решал-таки подумать и прийти к разгадке логическим путём, то путь оказывался

непроходимым, а дело проваленным. Поэтому он и не задумывался вовсе, по крайней мере специально. Дверь открылась, и в неё вошёл Ронни, а за ним и Глория, в полвосьмого утра.

– Мне нужно поговорить с тобой, – сказал Морис, когда Ронни поздоровался с ним.

– А мне нужно поговорить с тобой, – сказала Глория.

– Глория, пожалуйста, – Морис поморщился.

Глория увидела это и тоже скривила лицо. Ей неприятно было, что он не счёл важным поговорить с ней после всего, что случилось вчера. Её гордость была задета так сильно, как ещё никогда ни одним мужчиной до этого, а сколько их было, этих мужчин, после тридцати она сбилась со счёта и обнулила его. А было их немало. Они приходили к ночи и исчезали утром, избегали встречи и убегали от неё. Один и правда бежал от Глории, он даже споткнулся о бак с мусором и упал в мешки с опавшими листьями, и всё же встал и продолжил бежать. Но никто, даже тот идиот, не ранил её так сильно, как сейчас это сделал Морис. Её могли не оценить как женщину, как женщина она не очень-то и старалась, но не оценить в ней детектива было верхом кощунства. Глория смотрела на Мориса так, будто он сбежал от неё когда-то, оставив одну с двумя детьми, нет, с тремя и все погодки.

– Вы что-то скрываете от меня? – спросил Ронни. – Что, а? Где ты был вчера, Бенджи? Подожди, а ты где была вчера? Секундочку, вы оба где-то были вчера, оба в одно и то же время!

– Нет, Ронни, я оставил тебе сообщение...

– Что значит нет? – спросила Глория. – Или тебе стыдно, что ты был именно со мной?

– Вы, ребята, вместе, что ли? – заржал Ронни.

– Да, мы вместе, – гордо сказала Глория, – нет, чтоб тебя! – поняла она о чём речь. – Как ты мог такое подумать!

– А чем вы там занимались вместе, если не тем, о чём я подумал... Убийство, что ли, раскрывали? – опять заржал он.

«Как он это делает?» – подумал Морис.

– А что в этом смешного? – возмутилась Глория. – Думаешь, я и убийство не смогу раскрыть? Думаешь, я не смогу, да, Ронни?

Ронни смотрел на выпученные глаза Глории с похожими на щётки ресницами. Они так убедительно не моргали, так твёрдо и неподвижно

смотрели на него, что он даже поверил им. Не Глории, а именно им, и вот этим теням до бровей, поднятым так высоко, что ещё пару сантиметров, и лоб бы закончился.

– Вы выезжали на убийство? – посмотрел он на Мориса. – А кого убили? Я тут от скуки подохну скоро, а они...

– Ронни...

– Подожди, Бенджи, когда ты пришёл в отдел, кто подкинул тебе первое дело? Нет, ты скажи мне кто? Я, Бенджи, я... А ты даже не сказал мне ничего. Подожди-ка, – он остановился, затряс пальцем и ткнул им в Глорию, – с ней? Ты ездил на убийство с ней?

– А я не поняла, что в этом такого?

– Не было никакого убийства, и говори, пожалуйста, тише, – Морис посмотрел на кабинет капитана.

– А вот и было, год назад, – встряла Глория, – и я нашла свидетеля, я, а не он!

Ей ещё хотелось добавить: «Съел, Ронни?» – но она подумала, что как-то не солидно детективу разговаривать подобным образом.

– Ронни, Морис, зайдите ко мне, – послышался голос капитана.

– Всё, докричалась Глория, – прошептал Морис, – теперь и тебя уволят.

– Меня? Глорию Фернандо ещё никто не увольнял!

Она подняла грудь, подбородок, чуть призакрыла глаза, чуть приподняв брови, и прошла так к своему рабочему месту, будто была не секретаршей, а женой начальника департамента.

Ронни проводил её смеющимся взглядом. Морис поправил ворот плаща, одёрнул подол, пригладил, вроде и так сойдёт.

– Да ладно тебе, – хлопнул его по спине Ронни, – если что, всю вину я беру на себя. Я скажу, что сам послал тебя на дело. Так кого убили-то?

– Никого не убивали, Ронни.

– Я уже теряю интерес к этой истории...

– Пока никого.

Они зашли к капитану. Захлопнув за собой нервно дрожащую дверь. Стены всего кабинета были из стекла – большая прозрачная коробка отгораживала капитана от мира высоченными жалюзи, которые поднимались или проворачивались по его настроению. И в те редкие дни, когда капитан открывал их, все, кто находился тогда в

общем зале, сразу же изображали деятельность, активную и плодотворную, все, кроме Глории.

Рабочее место Глории находилось под таким углом, что, если отодвинуть стул чуть подальше и сесть чуть ниже, то через щели даже закрытых жалюзи можно было разглядеть кое-что.

Сейчас она видела, как капитан встал из-за стола и, оперевшись двумя пальцами на него, объяснял что-то этим двоим, потом он достал какие-то бумаги, или нет, это была газета, точно, он достал газету и передал её Морису. Передал и продолжил говорить. А теперь ещё и начал расхаживать. Он ходил по кабинету из стороны в сторону, это был нехороший знак, Глория знала, как капитан выходил из себя, вот так расхаживая.

Морис читал газету, Ронни тоже читал, заглядывая другу через плечо. В зале включили кондиционер. Система кондиционирования включалась автоматически в восемь утра, она включилась и в кабинете капитана, он выключил кондиционер и открыл окно. От сквозняка чуть приоткрылась дверь, но то и дело постоянно захлопывалась, то приближая голос капитана, то отдаляя его. «Почему я должен узнавать об этом из...», а что узнавать и из чего, Глория не расслышала, «а не от органов», донеслось опять. «Пусть полиция Нью-Джерси и не суеться сюда, это наше дело». Дверь окончательно открылась. «Идите и закройте за собой дверь».

Морис сложил газету вдвое, положил в карман плаща и вместе с Ронни вышел за дверь, плотно закрыв её.

– Что он вам сказал? – подбежала Глория. – Это по поводу вчерашнего?

– Нет, не по поводу вчерашнего, – Морис отдал газету Глории, и, пока она вникала в суть дела, они с Ронни вышли из участка.

Новости Бронкса.

10 сентября 2012 г.

«Таинственное исчезновение известного учёного в Бронксе»

На прошлой неделе в стенах Манхэттенского колледжа прошла долгожданная встреча студентов с известным профессором Принстонского университета Альбертом Ланье. Профессор прибыл в один из старейших колледжей Бронкса по приглашению педагога и

доцента кафедры физики Анри Шатца для проведения совместных лекций.

К вечеру того же дня Альберт Ланье вышел из колледжа, сел в такси, и больше его никто не видел. Со слов провожающего его доцента, господин Ланье был в хорошем расположении духа, ничто не предвещало беды. При себе Альберт Ланье имел дипломат с лекциями и бумажник. Номера такси господин Шатц не запомнил. Через два дня после отъезда мистера Ланье на номер полиции Нью-Джерси поступил звонок от его встревоженной жены. Миссис Ланье была сильно обеспокоена трёхдневным отсутствием мужа, по её словам, никогда ранее Альберт Ланье не исчезал без предупреждения.

Как разъяснил капитан центрального отдела полиции Нью-Джерси, в данный момент проводятся все необходимые розыскные действия.

Основные приметы пропавшего:

Имя: Альберт Ланье.

Возраст: 55 лет

Рост 175 см.

Одет в серый костюм классического кроя.

При себе имел дипломат.

После статьи была напечатана фотография господина Ланье. Тёмные, с проседью волосы, малозаметные очки без оправы, борода, похожая на недельную щетину.

«Типичный ботаник, – подумала Глория, – обокрали, наверное, где-то по дороге, может, и в такси, может, и сам таксист. Тем более если они ехали вечером. И с дипломатом. Всем кажется, что в дипломате непременно должны быть деньги. Ударили по голове, оглушили и оставили где-нибудь в подворотне без памяти, или того хуже – скинули с моста».

Глория уже представила, как водолазы вытаскивают труп профессора, как следователи пожимают плечами, как Морис удивляется предположению Глории и её розыскному таланту.

Тут Глория вспомнила, что уже год как не была в отпуске, и сразу же решила взять его. Заявление она напишет после, задним числом. Чего только в этих стенах не подписывали задним числом. Особенно

заявления на увольнение нарушивших закон полицейских, а уж на отпуск...

«Принеси мне кофе, Глория», – услышала она капитана, когда уже выходила из участка.

17 глава

Последние три месяца профессор Ланье провёл в лаборатории. Он разругался с деканатом, отделом кадров и почти со всеми сотрудниками кафедры. На его странные опыты не давали патента, его работу нечем было оплачивать, его лишили премии и кабинета, того единственного кабинета, который находился возле уборной, в котором вздрагивали шкафы от переменного потока воздуха из вентиляционной трубы. Кабинет пустовал неделю. Никто не хотел переезжать в него, никому не хотелось работать под звуки огромного пылесоса. Они вызывали специалиста, тот пришёл и покачал головой. «Это помещение должно быть техническим», – сказал специалист и ушёл.

Ланье вернули кабинет. Уже несколько недель он приходил в него на пару часов, посреди ночи, чтобы поспать, он перечитал десятки работ, значительных и не очень, о запутанности частиц и параллельности времени, одновременности вселенной, одновременно думая о своём. Он думал, что стоит на пороге чего-то великого, он знал, что это что-то точно грандиозное. Иначе и быть не могло. Через месяц таких издевательств над своим не совсем молодым организмом у него стали побаливать почки, ему что-то прописали, но он не пил. Всю еду, что передавала ему миссис Ланье, он просил приносить в жидком виде, так было быстрее есть. Ещё через месяц у профессора начались головокружения, а у сотрудников университета появилось острое желание отправить его домой. Мистер Ланье совсем забыл о гигиене. Похоже, он не менял ни носков, ни белья. Тогда декану пришлось вызвать в университет миссис Ланье и отчитать его при ней как нашкодившего мальчишку.

– Между прочим, он кандидат... – попыталась оправдаться миссис Ланье.

– Здесь все кандидаты, – осадил её декан, – и никто не позволяет себе подобного. Это не ночлежка, а университет. Это не эксперименты, а чёрт знает что. Мало того, что он окончательно забросил преподавание, и мы были вынуждены в срочном порядке искать ему замену, так ещё мистер Ланье занимает одну из наших лабораторий, он буквально поселился в ней. Ваш муж запирается там каждый день и не выходит до ночи, и мы даже не знаем, над чем он работает. Напишите,

пожалуйста, объяснительную, Альберт, – обратился он к Ланье. – Все ваши открытия, пока вы работаете в университете, должны принадлежать университету, как и патенты на них, а я даже не в курсе, чего мне ждать и с чего платить вам жалованье. Вы и раньше застревали в лаборатории, но тогда мы пришли к единому мнению, что вы будете преподавать, на что вы согласились. Мы подписали договор!

Декан достал бумаги и положил их на стол.

– Или для вас это шутки? Юридический документ для вас шутки, мистер Ланье?

– Нет, – вымолвил профессор.

Он так и продолжил стоять, понутив голову.

– Над чем вы там работаете?

– Над квантовой запутанностью, сэр.

– И что вы пытаетесь доказать?

– Что она возможна и в нашем мире.

Профессор поперхнулся слюной.

– Забавно, мне слышалось, в *нашем* мире...

– Вам не слышалось.

– Так, миссис Ланье, можно вас на секундочку.

Декан взял женщину под руку и отвёл к окну.

– Послушайте, – начал он тихо, время от времени поглядывая в сторону профессора, – я всё понимаю, мы всё понимаем, но нас не поймут спонсоры и руководство университета. Я хорошо отношусь к Альберту, он гениальный учёный и отличный педагог, но что мне сказать в отделе кадров? Нужна же отчётность, за что ему платить?

– Я понимаю, – кивала она.

– И эта его идея с запутанностью, кто будет её спонсировать? Как это вообще возможно? Я не хочу вас оскорбить, совсем не хочу, – он подошёл ещё ближе и говорил в самое её ухо, – но мне кажется, он не совсем в себе.

– Я психолог, мистер, – одёрнула его Инес, – и мне лучше знать, когда человек в себе, а когда не в себе!

Миссис Ланье знала, что сейчас её муж не в себе, но не призналась бы в этом никому, и уж точно не вот этому напыщенному ослу.

– Тем более, тем более, вы всё видите, – продолжал настаивать декан. – Я не против, совсем не против таких вот, с вашего позволения,

особенных людей, у нас почти все физики такие, но не стоит терять трезвости мышления, миссис, не стоит отрываться от реальности. Мы живём в обществе, и ходить в таком виде по университету...

– Да он просто устал.

– И я о том же, и я о том, – он всё ещё держал её под локоть, а она не знала, как бы высвободиться, – вам надо отдохнуть, возьмите отпуск. Я сам отправлю его в отпуск, всё сделаю сам. Вот отпускных не гарантирую.

Миссис Ланье знала, что отправить человека в неоплачиваемый отпуск равносильно увольнению, только неофициальному. И если её муж погрязнет в этой теории, то, скорее всего, он не вернётся в университет.

Этот господин в чёрном костюме с дорогим атласным галстуком продолжал сочувственно улыбаться ей.

– Вы очень любезны, сэр, – сказала она и наконец освободилась от руки декана, – нам пора.

– Идите-идите, всего доброго, мистер Ланье.

Профессор кивнул.

Женщина взяла мужа за руку и, извинившись, вышла с ним из кабинета.

– Инес, – успокаивал её муж, – не волнуйся, я совсем близко.

– Близко к чему, Альберт?

Взгляд её был потухшим, но полным любви, каким бывает взгляд матери, которой говорят, что её ребёнок безнадежен. У них не было детей, он ей был как ребёнок.

Профессор Ланье смотрел в стену, в обычную университетскую стену, на которой не висело ничего. Нередко он так зависал.

– Близко к чему, Альберт? – повторила она вопрос.

– Квантовые связи есть в мозгу, – вдруг ответил он, – понимаешь, в мозгу! В маленьких трубках. Они есть у тебя, у меня, у каждого из нас. У каждого из всех. Именно они формируют сознание. Сознание формирует квантовый эффект.

Он посмотрел на дверь кабинета декана.

– Они – идиоты, все идиоты, это грандиозно, они не понимают, не верят, а ты веришь?

– Верю, – потупила взгляд миссис Ланье.

Она не знала, чему ей верить, она не знала, что ей делать. Если в молодости, в минуты такой его болезненной отстранённости, она хоть чем-то могла его отвлечь, хотя бы собой, то сейчас и это невозможно. Она уже давно не могла бы никого отвлечь собой. Годы всегда берут своё, у кого-то отнимают красоту, у кого-то разум. Она с жалостью посмотрела на мужа, погладив его по седеющим волосам.

– Пойдём домой, Альберт.

– Разум – это энергия, милая.

– Я знаю.

– И частица – это энергия. Энергия фотона, например.

– Нас ждёт такси.

Она взяла его под руку и повела к лестнице, он был в пиджаке, подштанниках и почему-то домашних тапках.

«Где он взял эти тапки?» – думала она.

– Так почему же частица может быть в суперпозиции, а материя – нет? Почему человек не может? – продолжал он.

– Разве разум – это материя, Альберт? – пыталась она хоть что-то уловить.

– Нет, милая, нет! Это энергия, но как направить её? Как ты думаешь, разум может быть в нескольких местах одновременно? У нас может быть два разума?

– Сознание и подсознание, если только так.

– Только так! – вскрикнул Ланье.

– Ещё есть сны, но они подконтрольны разуму.

– Откуда ты всё это знаешь? – вылупился на жену профессор.

– Я же психолог, Альберт. Принципы работы отделов мозга...

Она посмотрела на него, он был и вправду удивлён.

Он действительно забыл, кем она работала.

– Гипноз! – сказал он.

– Гипноз, – повторила она.

– Ты знаешь?

– Знаю.

Они вышли из кампуса.

– А если?

– Вполне возможно...

Они сели в такси.

– Мир таковой только потому, что мы смотрим на него.

– Всё может быть.

– Не будь наблюдения, не было бы ничего. И для того чтобы повлиять на прошлое, совсем не обязательно отправлять туда объект из настоящего. Достаточно лишь воздействовать на тот объект. Человек погружается в принудительное состояние сна, его мозг работает, сознание подвижно, оно посылает картинки из прошлого, целые фильмы из прошлого. Да, наука ещё не научилась телепортировать материю, и материи как таковой в состоянии суперпозиции не существует... По крайней мере, это еще не доказали.

– Не доказали...

– Но мало ли чего не доказали лет так, скажем, двести назад, но это же не значит, что того нет сейчас.

– Не значит. Поверните направо.

– Мы будем работать не с материей, мы будем работать с сознанием человека, – задыхался Ланье. – Оно может управлять всем. Любой поток сознания – это энергия, а любую энергию можно измерить и изменить.

– Можно во время терапии...

– Прекрасно! А если за основу взять теорию блоковой вселенной...

– Какой?

– Параллельной...

– Параллельной? – «Совсем плох», – подумала миссис Ланье.

– Именно так, если прошлое существует одновременно с настоящим, значит, сознание настоящего непрерывно связано с сознанием прошлого. Наше сознание – вот то нематериальное, что находится в состоянии нелокальности.

– Тебе надо поспать.

Они добрались до дома. Мистер Ланье был и правда плох и выглядел как бродяга, забывший, что такое душ. Его волосы были взъерошены, седые пожирневшие пакли то и дело падали на глаза, он убирал их к затылку, но они всё равно спадали. Его щетина превратилась в бороду, рубашка стала похожа на ночную сорочку, неудивительно, ведь он в ней спал, и спал, и ел, хотя миссис Ланье передавала ему вместе с продуктами пару рубашек и бельё, но он их, как всегда, не заметил.

Профессор стоял в душе, горячая влага стекала по его спине, била крупными каплями по лицу и темени. Его затвердевшие мышцы постепенно приходили в себя. Они расслаблялись, стали мягче, и Ланье постепенно осел. Он сидел в ванной, положив голову на жёсткое эмалированное ребро, мысли его путались, постепенно превращаясь в один чёрный, бессмысленный рой. Ланье знал, что эта наука не всем даёт овладеть собой. Многих, желавших заглянуть куда не следует, она сводила и сводит с ума. Наш разум, подстроенный под законы макромира, мира, в котором он живёт, который сам он и построил, совсем не адаптирован понимать что-то большее. Это претит его природе, это сводит с ума. Но Ланье не так прост. «Не на того напали, – думал он. – Я знаю, что это возможно, – говорил он сам с собой, – знаю, что мы тоже живём в квантовом мире, просто не понимаем этого. Что нам мешает это понять? Что нам мешает?»

Ланье смотрел на капли, бьющие вниз, на водоворот, уходящий в глубь водопровода, всё уходило вниз. Гравитация, понял Ланье, она замедляет время, законы квантовой физики невозможны на земле из-за земных законов. Единственное, что свободно, – это разум. Разум не подчиняется законам материи. Он есть энергия. Энергия наблюдателя. Если реальность меняется под наблюдением за ней, значит, наблюдение формирует реальность. А наблюдая из настоящего за прошлым...

– Инес, – крикнул он из ванной, – Инес, я всё понял!

Инес, которая всё время находилась под дверью, боясь, что её муж что-нибудь учудит или упадёт в обморок, выждала немного и зашла.

– Расскажи мне всё о влиянии на разум, Инес, всё, что есть в психологии.

Ланье стоял голый и мокрый. Он смотрел на неё каким-то новым, посвежевшим взглядом. На его покрасневшем от пара лице можно было заметить слегка возбуждённую улыбку.

Она сняла с крючка полотенце и прикрыла его гениталии. Кто знает, что взбредёт ему в голову. Однажды он выбежал за газетой в чём мать родила. Инес целый год не могла смотреть соседям в глаза. Сейчас всё было в порядке, потому что это были другие соседи. Они тогда переехали.

– Тебе бы поспать, Альберт.

Но профессор не слышал её. Он что-то писал на запотевшем зеркале. Потом то же самое он писал в кровати и не спал ещё пару ночей, опустошив весь запас колумбийского кофе. Лишь когда миссис Ланье пригрозила ему врачами на дом, за вызов которых придётся платить, профессор, вспомнив неприятный инцидент на автобусной остановке, отложил исписанные листы и выключил прикроватный ночник.

Его благоверная жена думала, что он спит, но он не спал, он так и лежал с открытыми глазами, в которых бегали формулы и цифры, постоянные и относительные, реальные и нереальные гипотезы. Лишь под утро он заснул. Ещё через пару дней позвонил декан справиться о здоровье профессора. Инес поблагодарила, сказав, что всё хорошо, соврав, что всё хорошо, надеясь, что тот ей поверил. Она, как человек с высшим образованием, как психолог с двумя докторскими, всегда могла привести мужа в чувства. Всегда, но не сейчас. Никакие разговоры и методы не действовали на него. Ей показалось, она теряет мужа, ей показалось, она осталась вдовой.

– Знаешь, Инес, – как-то сказал он ей, – если я когда-нибудь исчезну, значит, у меня получилось.

Неужели он был серьёзен, неужели он, человек такого ума, поверил в невозможное? Инес не могла этого видеть, она знала, как сходят с ума, она думала, что он сошёл. Думала до того, пока он не пришёл к ней с журналом в руках. Его теорию напечатали. Его гипотезой о схожести квантовой природы разума с квантовой запутанностью частиц заинтересовались и другие учёные. Но пока она так и оставалась гипотезой. Позвонили из университета, сказали, что будут рады, предложили другой кабинет, освободили от лекций, вернули ставку, но Ланье было плевать на всё. На весь этот мир, которому он уже не принадлежал.

18 глава

– И почему это дело поручили нам?

Ронни сидел на пассажирском сиденье старого «Форда» и смотрел, как пластиковая обивка двери старательно билась о металлический каркас.

– Ты не хотел бы машину поменять, Морис?

– Нет, не хотел.

– Ты с такой тачкой никакую бабу себе не подцепишь.

– Я и не хочу никого цеплять...

– Ты и правда замутил с Глорией? Я, конечно, всё понимаю, Морис, несколько лет без жены, одинокие завтраки, отсутствие секса, но Глория, серьёзно? Это же Глория, я даже не знаю, сколько ей лет. Я боюсь таких женщин: непонятно, сколько им – тридцать пять или пятьдесят пять...

– Ну ты загнул!

– А что, сейчас, знаешь ли, всего можно ожидать. Я вчера видел свою соседку. Помнишь миссис Клаус?

– Не помню.

– Ну как, ты приходил ко мне на Рождество, она сказала, что у тебя ужасный плащ и всё хотела его отпарить.

– А, да, теперь вспомнил.

– Так вот, у неё сейчас не поднимаются брови.

– Как это?

– А вот так, она спросила меня вчера в час ночи, когда я открывал дверь: «Как? Вы только с работы?» – у неё увеличились глаза, вот так, – Ронни выпучил глаза на Мориса, – видишь, вот так, она смотрела...

– Я понял, – не отрывался от дороги Морис.

– А брови остались на месте, и даже лоб не поморщился, она стала похожа на инопланетянина, я аж вскрикнул.

– Что ты делал до часу ночи?

– О, на Западной открылся новый бар, ты загляни как-нибудь.

– Обязательно...

– А ты говоришь, не пятьдесят пять.

– Что не пятьдесят пять?

– Глории не пятьдесят пять.

– А, ну да...

– А я тебе говорю, что сейчас непонятно, сколько им, тридцать или пятьдесят. Вот сколько лет Глории?

– Откуда мне знать? Лет сорок, наверное.

– Нужно знать всё о женщине, с которой у тебя интрижка, это первое правило полицейского...

– Серьёзно? Первое правило? Ты вообще свод правил в глаза-то видел?

– А ты от темы не уходи, – протянул Ронни.

– Да нет у меня с ней никакой интрижки!

– Тогда я вообще не понимаю, почему на убийство ты взял её, а не меня.

«Форд» Мориса затрещал где-то снизу, казалось, ещё чуть-чуть – и он потеряет поддон или коробку передач. Перед каждым перекрёстком Ронни держался за ручку над головой, боясь, что машина, если нужно, не затормозит.

– А подушки безопасности у тебя есть? Может, мы пешком пойдём, а, Бенджи? Тут минут пять, если пешком.

– Ты слишком труслив для полицейского. – Они завернули на 244-ю улицу. – Мы почти приехали.

– Так кто там кого убил?

– Ко мне обратилась девушка, ей угрожали по телефону, а год назад у неё умер отец, от инфаркта, но она считает, что его убили...

– А сейчас хотят убить и её?

– Да.

– И ты не взял меня?

– Я и Глорию не хотел брать. Приехали.

– Что?

– Выходи, говорю.

Здание колледжа было одним из старейших зданий Бронкса.

– Ты думаешь, эти ребята из Нью-Джерси позволят нам работать? – спросил Ронни, поднимаясь по высоким ступеням, ведущим к главному зданию кампуса.

– А мы пойдём не к ним. Мы пойдём к этому, как там его... – Он похлопал себя по карманам плаща. – Чёрт, я оставил газету у Глории.

– Зачем ты отдал ей газету?

– Чтобы она не привязалась к нам.

– Теперь мы даже не знаем, как зовут этого химика!

– Физика, – сказала Глория, появившись из-за спины Ронни.

– Как? Ты?..

– По другой дороге, Ронни! – Она скрутила газету и треснула ей Мориса. – Значит, ты хотел отвязаться от меня? Да, Бенджи?

– Можно мне газету, Глория... – Он развернул смятые страницы. – Так, пропавшего профессора звали Альберт Ланье, а его знакомого – Анри Шатц. Нам нужно на кафедру физики.

Через охрану Морис с Ронни прошли, предъявив жетоны. Охранник посмотрел на Мориса, потом на жетон, потом на Ронни и на его жетон.

– Вы можете проходить, – сказал он Морису.

– А вы... – Ещё раз внимательнее посмотрел он на Ронни. – Удостоверение у вас есть?

– Удостоверение? У меня? – Он начал рыться во внутренних карманах куртки. – Вот оно, – показал он синюю корочку.

Охранник был чересчур серьёзным человеком. Морису даже показалось, что слишком.

В тот момент Ронни надеялся, что Глорию не пропустят и вовсе. Ни значка, ни тем более удостоверения у неё не было. Но она прошла после него. Взяла и прошла. А охранник, который только что читал удостоверение Ронни вплоть до надписей на печати, даже не посмотрел на неё.

Как оказалось, пускали всех.

– Конечно всех, это же общественное место, – сказала Глория.

– Тогда зачем им что-то предъявлять? – Ронни показалось, что его чуть ли не до трусов раздели.

– Может, у тебя лицо подозрительное, – сказала Глория.

– Да у меня просто твоего начёса нет!

– Это охрана, Ронни, у него синдром вахтёра. Ты что, психологию не изучал?

– А ты что, изучала?

– Конечно, каждый уважающий себя человек должен знать психологию.

– Ты тоже изучал психологию, Морис? – спросил Ронни полушёпотом, пока они поднимались на второй этаж.

Морис покачал головой.

– Вот видишь, Глория.

– Я сказала – каждый уважающий. – Она посмотрела на Мориса сочувствующим материнским взглядом. – Морис не знает, что это такое.

– Всё в порядке с моей самооценкой, Глория...

– Поэтому ты и женился на стерве?

– Я не знал, что она стерва, когда женился на ней.

– А всё потому, что ты не изучал психологию, – она постучала пальцем по виску, будто оттого это звучало убедительнее.

Морис знал, что вся жизнь Глории состоит из ошибок, что каждый её выбор был неправильным, но он ничего не сказал. Морис давно уже понял, что ошибки совершаются всеми – и теми, кто знает, как надо жить, и теми, кто ничего не знает. Последними даже в меньшем количестве. Они зачастую полагаются на волю случая, а его воля бывает значимей человеческой.

Жизнь колледжа не утихла после истории с исчезновением профессора. Скорее всего, о ней никто и не знал. Студенты выходили из душных аудиторий, они буквально вываливались из дверей. Один висел на другом, девчонок прижимали парни, не учёба, а вечеринка какая-то.

– Эх, помню себя в их годы, – вздохнул Ронни, – какие были времена, мы с девчонкой закрылись в кладовой комнате и пробыли там до вечера.

– Неудивительно, что ты не учил психологию, – покосилась на него Глория.

– Эй, я анатомию изучал, женскую, – заржал Ронни, но вскоре умолк.

Он иногда вспоминал, что Глория была женщиной, вот и сейчас вспомнил. Ему даже стало неловко. Он даже подумал, что это первый признак наступающей старости, когда неловко от пошлых шуточек. Подумал так и взгрустнул.

Глория же почти не слышала Ронни: эти стены, аудитории, эти молодые студенты напомнили ей себя. Она ненавидела колледж. Все парни, что нравились ей тогда, смотрели на других девчонок, а Глория была совсем не формат. Её огромные рыжие волосы вечно лежали не так, как она их укладывала. Казалось, её ударило током, и причёска

приняла весь удар. Её веснушки осыпали всё лицо, а под большими очками они казались ещё больше. Тогда она была совсем не в тренде, да и сейчас не вписалась бы. Глория услышала голос Мориса, он звал её с другого конца коридора, да и Ронни был уже там.

Кафедра физики располагалась в самом углу. Морис постучал в дверь и приоткрыл её.

– Оставь курсовую на столе, я проверю, как освобожусь, – донеслось откуда-то из-за стеллажей.

– Мы из полиции, сэр!

– Ой, – пара книг упала на пол, человек за стеллажами поднял их и поставил на место.

– Извините, если помешали вам, сэр. Вы не подскажете, где нам найти Анри Шатца?

– Чем обязан? – Показался невысокого роста человек. – Здравствуйте, – он пожал всем вошедшим руки, – здравствуйте, сэр, мадам.

– Вы – мистер Шатц?

– Так точно, я он и есть.

– Мы бы хотели поговорить об исчезнувшем профессоре из Принстона.

– О, так уже приходили полицейские.

– Они были из Нью-Джерси, сэр.

– Правильно-правильно, – сказал преподаватель, почёсывая бороду. – А вы, стало быть...

– А мы – местные. Полиция Бронкса, – Морис показал значок.

– Всё понятно, – учёный похлопал себя по карманам пиджака.

– Что-то потеряли?

– Очки.

– Они у вас на цепочке.

– О, точно, – засмеялся учёный, – дочь, знаете ли, подарила, чтобы я не терял, а всё равно теряю.

– Так вы знали, – Глория хотела сказать умершего, потому как уже представляла профессора Ланье на дне Гудзона, – вы знали пропавшего, мистер Шатц?

– Знал, знал, – вздохнул он, – мы познакомились несколько лет назад на одном семинаре. Часто переписывались, долго дружили, и вот с неделю назад господин Ланье любезно согласился провести со мной

лекцию по физике на очень интересную тему. Вы знаете, колледж спонсируется католической церковью, и ребята здесь очень религиозные.

«Ничего себе, религиозные», – подумал Морис.

– Ну, не все, конечно. Но какая-то часть точно, – будто прочитал его мысли Шатц.

– Так.

– Вообще это в большей степени гуманитарный колледж, но несколько лет назад здесь открылся наш факультет, к которому мы пытаемся привлечь хоть какое-то внимание студентов.

– Понимаю.

– А господин Ланье занимается интереснейшими вещами в науке. Он знает так много. Например, вы знали, – учёный подошёл близко к Морису, чуть не задев его шариковой ручкой, которой он постоянно жестикулировал, – вы знали, – подходил он к каждому из троих, – что вскоре физика, а не какая-то там церковь, докажет существование Бога?

«О, приплыли, – подумал Ронни, – псих».

– Да-да, физика, понимаете. Профессор говорил на очень интересные темы.

– Значит, лекция прошла хорошо?

– Очень, очень хорошо, – всплеснул руками Шатц.

– Это вы посадили его в такси?

– Да, я.

– А номер?

– Не запомнил, – он как-то повинно склонил голову, – что могло произойти, я не понимаю.

– Пока вы были с профессором, ему никто не звонил?

– Нет, – покачал он головой, – ни ему не звонили, ни он не звонил.

Всё так хорошо закончилось, такая лекция...

– Скажите, – спросила Глория, – у вашего профессора могли быть какие-то недоброжелатели? Может, кто-то завидовал ему, хотел перейти дорогу?

– Или он кому-то перешёл? – спросил Морис.

– Нет, что вы, что вы, – замахал руками профессор, – он был такой хороший человек.

– Вопрос денег тоже не стоял? Учёным же много платят? Премии, открытия, – влез Ронни, – он не должен был получить какую-нибудь там премию, ну я не знаю, за какое-нибудь там открытие?

Анри Шатц смотрел на полицейского как на идиота, снисходительно и с любовью, как и на всех своих учеников.

– Нет, ни на какую премию в этом году профессора Ланье не выдвигали, – уточнил Шатц, – и, если мне не изменяет память, после этого ещё никто не пропал. Вы об этом хотели спросить?

– Об этом, об этом, – пробурчал Ронни.

– Так вы не предполагаете даже, что могло произойти? – спросил Морис.

– Любовница, – выкрикнул Ронни, – была у него любовница или нет?

Мистер Шатц как-то тяжело и обречённо вздохнул.

– Его любовницей была физика, господа. Наука, понимаете?

– Понимаем, – сказал Морис, – вы можете нам дать его домашний адрес?

– И адрес университета, в котором он работал, – сказал Ронни.

– Но он работал в Принстоне, – удивился Шатц.

– Вот-вот, адрес этого самого Прин... как там его? – уточнил Ронни.

– Хорошо, наверное будет лучше, если я всё же запишу, – сказал учёный и, вздохнув ещё раз, пошёл к письменному столу.

– Странный какой-то этот учёный, да, Морис? – спросила Глория, когда они уже вышли из кабинета и прошли достаточно, чтобы никто их не услышал, – и всё-то у него хорошо, и Ланье хороший, и лекция его хорошая. И Бога у него уже не церковь, а физика открыла.

– А Бога открыли? – удивился Морис.

– А как это называется?

– Не знаю.

– Официальный представитель – церковь же?

– Кого представитель, Бога?

– А как ещё сказать?

– Не знаю, – задумался Морис.

– Ну не физика же.

– Не физика, – согласился он.

– И всё у него хорошо, подозрительный тип, – не унималась Глория.

– Так если лекция и правда была хорошей.

– Ты не зришь в корень, Бенджи.

– Не-а, он никогда не зрит, – согласился Ронни, – а какой корень?

– Такой, что, когда у кого-то всё хорошо, на самом деле всё плохо.

– Да, подозрительно, когда всё хорошо, – кивал Ронни.

– Ага.

– Когда человек всем доволен.

– Да.

Они замолчали.

– И всё-таки у него была любовница, – не выдержал Ронни.

– А мне кажется, его убили. И он уже давно в реке, под каким-нибудь мостом рыб кормит.

– Между прочим, трупы – отличный корм, Глория.

– Фу, чёрт тебя дери, Ронни, я аж есть расхотела.

– И зря, здесь отличная столовая. Я это носом чую.

– Может, мы перекусим, а?

Столовая находилась этажом ниже. Морис не хотел ничего есть. Он взял лишь содовую и ждал за столом, пока эти двое заставляли свои подносы. Морис посмотрел на часы. Полдесятого. Когда он уходил из дома, Саманта ещё спала. Он надеялся вернуться к вечеру. Станным было то, что никаких предпосылок к повторному покушению на Саманту не было. Никто не следил за ними, не проникал в её дом. Морис поставил сигнализацию на её особняк и переадресацию на телефонный номер. Любой звонок, поступивший к ней, автоматически перешёл бы ему на сотовый. Но никаких подозрительных звонков или сообщений за все эти дни не приходило. Морис как-то подумал, что можно было поместить Саманту в гостиницу, и вчера даже предложил ей это. Из самых лучших побуждений. Но она не приняла предложение, а кажется, даже обиделась. Она думала, её выгоняют, она думала, что мешает ему.

Но Морису никто не мешал, он и не думал её выгонять, он даже привык уже спать на полу, на синем надувном матрасе. Морису было неудобно держать человека в столь стеснённых условиях, ему было стыдно, что у него, у взрослого мужчины, не то что квартиры нормальной нет, у него даже дивана для гостей не имеется. «Нужно

будет купить диван», – решил он, когда Глория и Ронни с полными подносами подошли к столу.

– А я всё же думаю – любовница! – не унимался Ронни, разрезая бифштекс. – Всё летит к чертям, когда заводятся любовницы, скажи же, Бенджи.

– Чего я тебе скажу? У меня любовницы-то никогда и не было.

– У тебя нет, а у жены твоей был, любовник, в смысле, и всё полетело к чертям.

– Но не у неё же полетело, а у меня. У неё всё хорошо.

– А это не важно, у кого хорошо, важно, что у кого-то плохо.

– Точно, – сказала, Глория, разрезая стейк, – он тут прав, во всём виноваты любовницы и любовники, в общем те, кто не к месту. Каждый должен быть на своём месте, как в шахматной партии, да, Ронни?

– Именно.

– А если не на своём, то всё – пиши пропало.

Тут Глория замолчала и перестала жевать, ей вдруг открылось, почему всё в её жизни было не так: она постоянно была не на своём месте, каждый раз, и каждый раз её сбрасывали с доски. Она была той самой фигурой, что лежит рядом с жизнью, но уже не играет в неё.

– Вот я и говорю, слышишь, Глория?

– Слышу, да.

– Была у меня одна любовница, ну не у меня, а в деле моём, я тогда в Колорадо работал. Так вот, там один мужик, ну, назовём его везунчик, ноутбук дома забыл, а там отчёт, понимаешь. И домой не поедешь, совещание уже вот-вот. И звонит он тогда жене. Милая, так мол и так, зайди на мой компьютер, найди отчёт в папке такой-то... какое жилистое мясо, они его недожарили, что ли...

– Ну!

– А, ну и вот, в папке такой-то и пришли мне его по почте.

– А в компьютере что? Фото?

– Хуже.

– Ну!

– Пароль.

– Какой?

– Сладкая Николь.

– А жену не Николь зовут?

– Тогда не было бы истории, Глория!

– А, ну да.

– Так жена ему говорит: «Пароль-то давай». А он ей: «Забыл, – говорит, – забыл тут, и всё». А начальник отчёт требует, и работу потерять ему никак нельзя.

– Ну и? Сказал?

– А то! Сказал! И отчёт она ему не прислала, и работу потерял, и тарелкой по голове получил. Вот тебе и любовница.

– Да, – протянула Глория.

– Да не было у этого профессора никакой любовницы, – встрял Морис.

– По себе людей не судят, – встала из-за стола Глория.

– Это точно, – проглотил недожёванный кусок стейка Ронни.

На выходе из кампуса Ронни спросил у охранника, не нужно ли ему предъявить удостоверение ещё раз, но охранник покачал головой. Тогда Ронни попросил его показать своё удостоверение, на самом ли деле он охранник или только прикидывается. На что коренастый господин в форме сказал, что он дипломированный стоматолог, и если тот, в смысле Ронни, не прекратит загораживать проход, он ему все зубы вырвет и в одно место засунет.

– Тоже мне, дипломированный стоматолог, – ворчал Ронни, выйдя из университета, – ты видел, чтобы стоматологи охранниками работали?

– Может, он из Мексики? – предположил Морис.

– Да, похож...

– Не приставай к людям, Ронни, – сказала Глория.

– Да, я помню, у него синдром.

– У тебя, похоже, тот же синдром.

– Так, хватит раздавать всем диагнозы, Глория. Сели в машину!

Морис терял терпение, ему казалось, он работает с детьми или стажёрами, на напарников эти двое никак не походили.

– Эту колымагу и машиной-то сложно назвать, – сказал Ронни, когда они завелись с третьего раза.

– Ты можешь ехать на своей, – ответил Морис.

– Ты же знаешь, я разбил её на задании...

– Ты врезался в столб, когда поднимал упавший бургер, Ронни...

- Я ехал тогда на задание! И вообще, ты злой какой-то, Морис. Знаешь почему? Потому что голодный.
- Я злой, потому что у меня полно дел.
- Ты про то убийство?
- Ты сказал ему? – влезла Глория.
- Сказал.
- Это я нашла свидетеля.
- Какого свидетеля? – спросил Ронни.
- Ту тупую актрису.
- Какую актрису?
- Так ты не сказал, Бенджи?
- Так. – «Форд» заскрипел тормозами и встал посреди проезжей части. – Если вы не замолчите, я вообще никуда не поеду! Понятно?
- Понятно, – обиделась Глория.
- Сначала профессор, потом всё остальное.

19 глава

– Наше сознание неразрывно связано с временем, оно вплетено в него, – говорил Ланье, в очередной раз объясняя жене свою теорию.

Они сидели на кухне. В очередное утро выходного дня. Принудительный отпуск подходил к концу. Ещё никогда он не отдыхал так долго. Из духового шкафа пахло пирогом и запечёнными яблоками. Миссис Ланье открыла духовой шкаф.

– Если, к примеру, – рассуждал профессор, – тебе кажется, что путь обратно короче пути туда и на этот путь уходит меньше времени, тебе не кажется, оно так и есть. Наше сознание может регулировать время, и через него мы можем менять его.

– Как же мы изменим то, что уже прошло?

– Вот! – Ланье ударил ладонью по столу так, что разлил чай. – То, что идёт вперёд, изменить нельзя, но время никуда не идёт! Оно просто есть. Ни в одном уравнении Эйнштейна или Ньютона нет доказательств того, что время движется вперёд. Это мы так думаем, нам удобно так думать.

Он встал из-за стола и начал ходить по кухне.

– Вот возьмём, к примеру, эту комнату.

– Эту?

– Да, вот это вот помещение, эту кухню, комнату, неважно. Возьмём её в пример. Мы сейчас в ней, и она наше время. Мы находимся во времени. Здесь, – обернулся он, – у меня за спиной, наше прошлое. Вот здесь, – указал он чуть поодаль от себя, – наше будущее, а вот здесь, – прыгнул он на месте, – наше настоящее. Но находимся мы в одном времени, мы лишь разделили его на части, мы не выходили из него, не выходили из этой комнаты. Мы в прошлом, настоящем и будущем одновременно. Оно цельное, время цельное, Инес.

Инес разрезала пирог и переложила его на тарелки. Давно в их доме не пахло уютom. Для себя ей готовить не хотелось, а Альберт зачастую приходил только ночевать. Она видела, как он вдохновлён своей идеей, и даже представить не могла, что будет, если он окажется не прав.

– Да, путь материи по этому временному пространству, – продолжал Альберт, – пока невозможен, пока, пока я не понял как. Но

путешествие разума возможно уже сейчас! Это реально, Инес. Наш разум не заключён в материю, он подчиняется тем же квантовым законам, что управляют вселенной, он и есть вселенная, Инес. Но мы ограничиваем его своим телом. Оно подчиняется законам нашего мира, атомы нашего тела пока не могут подчиниться законам нелокальности, но разум-то может! Он может проникнуть в любое из времён, в то, что прошло, или в то, что ещё не наступило. Ты думаешь, что оно не наступило, все думают, что время прошло, но нет, оно идёт сейчас, и разум может изменить его, прорваться сквозь барьеры материи, вернуть самого себя в прошлое и изменить его.

– Изменить? – Миссис Ланье придвинула стул и отпила чаю. – Как же, дорогой... Что же будет, если ты изменишь прошлое?

Она говорила на полном серьёзе, она всегда относилась серьёзно ко всему, что делал её муж. Когда-то, больше тридцати лет назад, когда мистер Ланье был не профессором, а простым физиком, пропадавшим в своём гараже за очередными экспериментами, Инес смотрела на него широко раскрытыми глазами. Девчонки её возраста выбирали парней с деньгами и на дорогих машинах, Инес же выбрала парня на велосипеде и с морем фантастических идей. И ни разу не пожалела об этом. Вот и сейчас она смотрела на него, одухотворённого. Он буквально заглывал пирог и всё говорил, говорил...

– Прошлое, Инес? Да, его можно изменить, только мы о том не узнаем, потому как уже будем в изменённом настоящем.

Он задумался и продолжил:

– Или же мы можем изменить то прошлое, ту вариацию прошлого, которая никак не связана с нашим настоящим. Время, Инес, имеет разветвлённую структуру, как железнодорожные пути. Тебе стоит только повернуть стрелку, и поезд направится в другом направлении. Это вопрос выбора. А направлений – бесчисленное множество, и если изменить прошлое не на нашем направлении, а на параллельном нашему, то и настоящее не изменится. Изменится лишь наше восприятие себя. Своих поступков.

– В психологии есть такой приём, – вдруг вспомнила Инес, – человека, который пережил трагедию в прошлом, скажем в детстве, погружают в состояние гипноза и заставляют поверить в то, что никакой трагедии не было. Ему буквально переписывают память.

Заменяют одни события на другие. Ему говорят, что он должен видеть, он это видит и думает, что помнит именно это.

– Так, может, он тем самым и меняет прошлое, может, он и правда перезаписывает его?

– Нет, дорогой, это мы меняем его воспоминания.

– Но мысленно он возвращается в прошлое?

– Мысленно – да.

– Значит, он его и меняет мысленно, и откуда вам знать, изменилось оно или нет?

– Это звучит как какая-то фантастика, дорогой, – улыбнулась Инес.

– Любое открытие в физике когда-то звучало как какая-то фантастика, Инес, любое открытие.

Сегодня Ланье ждали в университете, ему пообещали новый кабинет. Декан, что впервые за несколько лет решил зайти в кабинет учёного, был оглушён воем вентиляционной трубы, которая к тому же так некстати сдула его накладку, прикрывающую лысину. Он не мог допустить, чтобы уважаемые люди, спонсоры и профессора из других не менее уважаемых университетов пришли знакомиться с профессором Ланье вот в этот кабинет.

Ему выделили новый. О чём и должны были сообщить в телефонном звонке, что случится прямо сейчас.

– Я подойду, – сказала Инес.

Ланье всё так же расхаживал по кухне.

Инес поблагодарила кого-то и положила трубку.

– Вот с кем ты сейчас говорила?

– С деканом.

– А когда ты с ним говорила?

– Сейчас.

– И какое, по-твоему, это «сейчас», уже прошлое или ещё настоящее?

– Думаю, настоящее, дорогой.

– Почему же?

Инес не отвечала, совсем необязательно было отвечать, он и сам мог себе ответить, что, собственно, и делал сейчас.

– А завтра оно будет уже прошлым? – спросил он.

– Полагаю, что так, – улыбнулась Инес.

– Но почему? Значит, суток достаточно, чтобы настоящее стало прошлым, а пары секунд нет?

– Я не знаю, дорогой.

– Ты понимаешь, какой это абсурд, Инес. Ты понимаешь, что звонок случился во времени, неразграниченном времени... Чего он хотел?

– Тебе дали новый кабинет, Альберт. Тебя приглашают в университет.

Он уже был не там, не в тех стенах, не с теми людьми, но ему нужно было вернуться – у жизни, даже такой сумасшедшей, как эта, есть свои правила. К тому же он видел, как счастлива Инес, и ему совсем не хотелось огорчать её.

– Хорошо, я сегодня заеду.

Инес выдохнула и улыбнулась.

– Ты не разбирала почту?

– Да, – спохватилась Инес и стала рыться в кипе газет, счетов и рекламных листовок. – Тебе письмо, – протянула она небольшой конверт.

Распечатав его, профессор принялся читать.

«Дорогой мой друг Альберт. Пишет тебе твой давний знакомый Анри Шатц. Если ты вспомнишь, мы встречались на физической конференции в 1997 и 2001 годах. С тех пор я так и работаю в университете Бронкса, но уже не преподавателем, а заведующим физической кафедры. Я был приятно удивлён твоим прорывом в физике. Ты умнейший человек, которого я когда-либо знал, и для меня было бы большой честью пригласить тебя к себе. До меня дошли слухи, что с недавних пор ты занимаешься не только теорией, но ещё и преподавательской деятельностью, – на этой фразе Ланье наморщил нос, – и занимаешься, – продолжил он читать, – где это, ах вот, – и занимаешься преподавательской деятельностью, в связи с чем хотел попросить тебя провести хоть одну лекцию для моих студентов на любую выбранную тобой тему.

Буду ждать твоего звонка. С уважением твой друг А. Шатц».

Ланье сложил письмо обратно в конверт, положил тот во внутренний карман пиджака, решив позвонить Шатцу с работы.

– Кто это, Альберт?

– Мой давний знакомый. Его очень заинтересовала моя теория. Он только недавно открыл физический факультет и вот приглашает меня провести лекцию.

– Но ты же терпеть не можешь лекции.

– Я же не буду никого учить, Инес. Я лишь поделюсь своими мыслями. Это очень важно – делиться мыслями, озвучивать их. Как правило, после этого приходят новые и новые. Надо съездить. Не сейчас. Чуть позже.

Ланье стоял в своём новом кабинете и слушал лекцию декана о важности и необходимости своей персоны для университета.

– Наши спонсоры, – говорил декан, – очень заинтересованы вашей теорией. Если вам и правда удастся доказать связь между квантовой природой разума и квантовой запутанностью частиц, возможность влияния на время только лишь силой мысли – это изменит всё.

– Нужно ввести человека в определённое состояние, – сказал Ланье.

– Что, простите?

– Нужно ввести человека в определённое состояние и определённое место, где не будут действовать земные законы физики. Что-то вроде капсулы, без гравитационной капсулы, и тогда силой мысли можно будет повлиять не только на время, но и на материю через время.

– Это грандиозно!

– На это нужно время, годы, несколько лет...

– Об этом не волнуйтесь. Чем больше времени будет тянуться подготовка к эксперименту, тем дальше он будет обеспечиваться.

– Вас только это интересует, декан?

– Нет, конечно, нет, но при всём моём уважении, профессор, вы должны понимать, что без денег не просуществует ни одна работа. Одного энтузиазма недостаточно.

– Недостаточно, – согласился Ланье.

Ланье уже выходил из университета, когда его окликнул незнакомый ему человек.

- Альберт Ланье, – подошёл к нему мужчина в тёмном костюме.
- Да, это я, – остановился профессор.
- Разрешите поздравить вас.
- Спасибо.
- Ваше открытие и правда фантастическое.
- Спасибо, а вы... – ему всё ещё не удалось спросить, кем был этот незнакомый человек.
- Вы и правда считаете, что мы можем управлять прошлым?
- Физика этого не опровергает, – нахмурился профессор. Ему никогда не нравились незнакомые люди, а незнакомцы, вступавшие с ним в разговор, ещё больше раздражали его.
- Но разве мысль – это то, с чем может работать физика? – продолжал допрос незнакомец.
- Мысль – это прежде всего энергия, сэр. – Ланье направился к своему мопеду.
- Очень интересно. И сколько времени потребуется для реализации вашего замысла?
- Годы, несколько лет.
- Незнакомец с удивлением посмотрел на старый мопед.
- Может, вас подвезти? – спросил он.
- Нет необходимости, сэр, – сказал Ланье, завёл мопед и уехал.
- Незнакомец в тёмном костюме так и остался стоять во дворе кампуса. Он смотрел вслед тархтящему мопеду и неопрятному чудаку на нём.
- «Даёт же Бог мозги таким вот, как этот Ланье», – подумал он.
- Ну что? Поговорил?
- За его спиной появился второй такой же, в похожем костюме, в начищенных до блеска ботинках и шляпе, надвинутой на нос.
- Не успел.
- У него что, мопед?
- Да.
- Через неделю у профессора должна состояться лекция в другом городе. Там и поговорим.
- Думаешь, пойдёт на контакт?
- Думаю, нет.
- И что ты предлагаешь?
- Действовать.

20 глава

Принстон находился в шестидесяти милях от колледжа, это чуть больше часа пути. Морис не любил напряжённого молчания, он вообще никакого молчания не любил, особенно в компании. Каждый о ком-то думал, и точно не с лучшей стороны. А в чём собственно он виноват? В том, что эти двое вели себя как идиоты, или в том, что Ронни решил отыграться на охраннике, а Глория – поиграть в детектива? Ему вдруг подумалось, что каждый хочет в кого-то играть, с самого детства и до старости. Сначала дети играют в полицейских или учителей, потом они становятся ими, но разве они перестают играть? Наверяд ли врач, придя домой, остаётся тем же врачом, нет, он начинает играть в отца. И так по кругу. «Когда же не играет человек, – размышлял Морис, пока монотонная дорога бежала перед ним, – может, в колыбели, от голода. Да, тогда только не играет человек, когда хочет есть или пить, когда он подчиняется животному в себе. Но как только в голове ребёнка появляются мысли, он начинает играть ими, примерять на себя, на других, на всё вокруг. Потом дети играют с куклами, а позже с людьми. Человек пытается управлять всем, что попадается ему под руку, живое оно или нет».

Морису вдруг стало жаль Глорию, и чего он взъелся на неё? Может, это единственная её радость – быть тем, кем был он.

– Ты отпросилась у капитана, Глория? – начал он разговор.

– Я взяла отпуск, – сказала Глория, не отрываясь от окна.

– Чтобы с нами мотаться?

– На любую историю нужен женский взгляд, Ронни. У нас другой взгляд, не такой, как у вас.

– Не такой как у нас, – буркнул Ронни. – Мой взгляд такой: мы сейчас поедem в этот его... в университет, ничего не найдём и вернёмся обратно.

– Мы едем не только в университет, нужно заехать к его жене, – сказал Морис.

– А что она скажет? Иногда супруги знают друг о друге так мало, что удивляешься тому, что они супруги. Был у меня один случай...

– В Колорадо?

– Да, там. Как-то у двух женщин пропали мужья. В одно и то же время. И оба они были связаны с карточными играми.

– Долг?

– Да, но не в том дело. Я сначала думал, что они как-то связаны друг с другом, эти мужья. Они были одного возраста и жили в одном районе... Ну мало ли, играли вместе, пропали вместе. Одна говорила, что муж пропадает в карточном клубе по понедельникам и субботам, а другая – что по вторникам и четвергам.

– Так эти мужья знали друг друга?

– Ещё как, – засмеялся Ронни, – это был один человек.

– Как это?

– А вот так, два водительских, два адреса, две жены.

– И они не догадывались?

– Нет, четыре года он не мог определиться с женщиной. И ни одна из них не знала о другой. А ты говоришь – женский взгляд. Нам жена этого профессора ничего не скажет, потому что восемьдесят процентов женатых людей даже не догадываются, чем живут их супруги.

Морис был удивлён такой философией Ронни, может, потому он и не был женат, что не видел в том никакого смысла. Может, люди и правда не знают друг друга, да и разве даёт общая жилплощадь повод для соучастия или сочувствия? Многим, большинству, совместная жизнь даёт лишь повод для разногласий, непримиримости, не...

– Так его нашли? – спросила Глория.

– Кого? – опомнился Ронни.

– Ну этого, двоежёнца.

– А, да, нашли, всё хорошо. За камнями на одном из пляжей. Одна пуля в височной области, две в области сердца навывлет. Но жёны его не очень расстроились. Они обе пришли на опознание, потом говорили о шахматах или шашках, на которые водили детей. Я думаю, они до сих пор общаются.

– Люблю хорошие истории, – сказала Глория.

– Да, – протянул Ронни, – впервые после опознания я мог нормально поесть. Никаких женских криков, слёз, никаких этих ваших «я не верю, не верю», они не верят, а я потом есть не могу.

– А ты, Морис?

– Тоже не могу.

– Сейчас приедем к его жене, опять слёзы, воспоминания, «мой муж был самым лучшим, самым верным». Я спрошу, не было ли у него любовницы, она посмотрит на меня, будто я её оскорбил, начнёт показывать его награды, благодарности. У него, наверное, есть благодарности?

– Думаю, есть, он был известным учёным.

– Ну вот, это всё надо будет рассматривать, поддакивать, кивать. Эх, а ведь оно и к делу-то никакого отношения иметь не будет.

– Это наша работа.

– Я не психолог, Морис.

– Если хотите, я сама с ней поговорю.

– С ней поговорю я, – сказал Морис, – а вы можете меня и в машине подождать.

– Вот и прекрасно, – сказал Ронни и откинулся на заднем сиденье авто, – у тебя отличная машина, Морис. Подвеска сзади так трясёт, что меня почти не укачивает, это притом что сзади меня всегда тошнит.

Ронни разбудили уже по приезде. Спросонья, увидев острые шпили и стрельчатые арки готического здания, он подумал, что его привезли в какое-то графство какой-нибудь Англии, и очень удивился, когда этот средневековый замок с собственной не менее средневековой часовней оказался всего лишь университетом.

– Я вот никогда не понимал, зачем столько претенциозности каким-то школам? – ворчал Ронни. – Никто не знает, кто из них выйдет, никто не даст никаких гарантий. А роскоши столько, будто они не только студентов карьерой обеспечат, но и всех их потомков.

– Это старинное здание, Ронни, памятник архитектуры, – сказал Морис.

– В стенах таких вот памятников неизвестно сколько костей.

– Не говори ерунды.

– Неудивительно, что профессор пропал именно здесь.

– Уже пропал? А любовница?

– Была бы здесь любовница, и она бы пропала.

Ронни поднял голову, чтобы осмотреть высокие арки, под которыми они проходили, и почувствовал тошноту.

– Он пропал не в этом университете, он пропал на пути к нему, – сказал Морис.

– А это ещё неизвестно.

Морис любил такие места. Они будто останавливали время, поглощали его, а ты, находясь здесь, оказывался вне его рамок: и не в прошлом, и не в настоящем. Морис прикинул, что набралось уже не одно кладбище из тех, кто учился здесь. Зданию лет двести, не меньше. В нём менялись уставы, политические течения, отношение к людям, к цвету людей, к их вере и принципам.

– По-моему, здесь преподавал Эйнштейн, не знаешь, Глория?

Глория не знала, кто здесь преподавал, она и не хотела знать. Такие места всегда вызывали у неё отвращение. Она не любила всё избранное: избранные университеты, магазины, рестораны... Они разделяли людей, приписывая им особое положение в обществе, которого Глория и такие, как Глория, никогда не добились бы. И дети этих людей, скорее, тоже будут учиться в Принстоне, и никто из них не пойдёт в полицию или в учителя работать на пять тысяч в месяц. Уже сейчас этот университет напоминал не университет вовсе, а отдельное государство, с домиками разных общин, с лужайками возле этих домиков, со своими магазинами и даже часовней. Радовало Глорию лишь одно – нигде не было охраны или тех, кто препятствовал бы нахождению здесь. На территории Принстона гуляли и жители города, и туристы, и просто прохожие. Никто не закрывал его, как особый объект жизни неприкосновенных, наоборот, он был открыт для посещения. Весь университетский городок был частью города Принстона.

Ронни подумал, что в этом огромном кампусе, если ему приспичит стошнить, он даже не найдёт туалет, и неудобно как-то тошнить в этих стенах, будто тебя тошнит на историю, на её англосаксонский пласт.

Они уже шли по коридорам главного здания, когда Глории показалось, будто она не раз была здесь. Будто она уже проходила под этим сводом из бесконечных арок, видела эти стены, точно, и лужайки, и дорожки у зданий она тоже видела.

Тут Глория невольно поверила своей двоюродной тётке, которая нагадала ей в детстве под большим верблюжьим одеялом, будто в прошлой жизни она была английской королевой. Глории понравилась тогда эта мысль, она и сейчас ей нравилась. Почему бы ей и не быть королевой, может, она была строга с подчинёнными, и карма отплатила ей, поместив в это тело обычной секретарши. «Надо быть осторожней

со своими мыслями, Глория», – вспомнила она слова матери. Мать её была набожным человеком. Она слишком любила Господа, может, поэтому он поспешил забрать её. Потом Глорию забрала к себе тётка, которая увлекалась буддизмом и каббалой. Мать ненавидела эту тётку со всей ненавистью верующего человека. У таких людей особая ненависть – бескомпромиссная. Глории хорошо жилось у сестры матери, ей не говорили, кого она должна любить, ей лишь сказали, что она была королевой, и если в этой жизни она будет вести себя хорошо, то и в следующей может опять ей стать. Позже Глория забыла о своих королевских корнях, но эти стены, эти стены...

– Значит, вы утверждаете, что профессор Альберт Ланье не приезжал в Принстон после поездки в Бронкс, – услышала она голос Мориса.

Глория поняла, что находится в кабинете ректора, так гласила табличка на столе, портреты президентов на стене и флаг между ними.

– В нашем университете более тысячи сотрудников, – говорил человек в солидном костюме. – Поверьте, даже если бы я хотел отследить передвижение каждого, то не смог бы. Но вчера ко мне уже приходили ваши люди. – Скорее всего, он имел в виду полицию Нью-Джерси. – И я вызывал к себе декана физического факультета, который и подтвердил мне сей факт. Мистер Ланье не приходил на территорию нашего кампуса после поездки в Бронкс. Мы надеемся, что это недоразумение и мистер Ланье появится так же внезапно, как и исчез.

– Скажите, не было ли чего-то подозрительного или запрещённого в работах этого профессора? – спросил Морис.

Он не верил, что ничего не было, профессора не исчезают просто так, тем более бедные и честные. Кто-то за этим стоял. Кому-то было выгодно его исчезновение.

– О нет, – рассмеялся ректор, – мистер Ланье был человеком крайне неконфликтным, а по поводу работы, так основной его деятельностью были лекции по физике.

– Он читал только лекции? Больше ни над чем не работал?

– Каждый учёный над чем-нибудь да работает. Но никакого спонсирования он не получал. Это было бы в моих документах. Подождите, вроде бы он написал какую-то статью, – почесал он затылок, – и её вроде даже напечатали. Сам я не физик, знаете ли...

– О чём была статья?

– Вам лучше поговорить с мистером Сноузи. Это декан физического факультета. Они более тесно работали с мистером Ланье. Декан Сноузи очень общительный и приветливый человек, он будет рад принять вас. Я позвоню ему.

– Да, будьте любезны.

– Это в соседнем здании, справа от нашего, кабинет на третьем этаже. На мне слишком много дел, господа, я не могу знать всё, – как бы извинялся ректор.

– Мы понимаем, – сказал Морис.

– Странно, – сказала Глория, – у меня такое чувство, будто я уже была здесь.

– В моём кабинете? – удивился ректор.

– Нет, в вашем университете.

– А, это совсем неудивительно, – отмахнулся ректор, – в нашем университете снималось столько фильмов. Каждый, кто хочет снять что-то заумное, приходит к нам, – рассмеялся он. – «Игры разума», помните?

– Да, – закивала Глория, не вспомнив этого фильма, она не смотрела заумных фильмов. Но название ей и правда показалось знакомым.

– Во-о-т, – протянул ректор, – и много-много других фильмов. Даже если речь идёт о Гарварде или Стэнфорде, например, то снимают всё равно у нас. Я сам никогда не против. – Он снял трубку, собираясь звонить. – Обычному человеку не понять разницы, тем более в кино.

Глории как-то взгрустнулось от услышанного, всегда грустно, когда с тобой происходит что-то необычное, а, как потом оказывается, оно происходит со всеми.

– Алло, мистер Сноузи, – говорил ректор в старую телефонную трубку, – к вам придут господа из полиции... Нет, не те, что приходили вчера, это гости из Бронкса. Да, я тоже сказал, что ничего не знаю, да. Но, думаю, будет лучше, если они поговорят и с вами.

Ректор ещё говорил по телефону, когда Морис пожал его руку, прощаясь с ним.

– Тебе тоже казалось, что ты был здесь, Морис? – спросила Глория, когда они уже вышли из кампуса.

– Да, было что-то знакомое, коридоры или эти арки. Я тоже это где-то видел.

Ронни откашлялся и побледнел.

– Вы лучше останьтесь здесь, – сказал Морис, – на свежем воздухе, а я схожу в деканат.

Морис непременно хотел позвонить домой, но не при Ронни с Глорией. А отвязаться от них он не мог. На пути к деканату Морис позвонил Саманте трижды, но дома никто не брал трубку. «Может, она боится брать телефон, – подумал он, – или опять вышла в магазин».

От декана физического факультета он тоже ничего не узнал, по крайней мере, ничего нового. Мистер Сноузи сказал ему, что профессор Ланье был человеком нелюдимым, скрытным, как и все профессора, что занимался он теорией относительности и даже как-то стал лауреатом стипендии Мак-Артура, а недавно написал статью о квантовой запутанности частиц, но дальше дело не пошло. По мнению того же Сноузи, врагов никаких у мистера Ланье никогда не было, как и друзей, а единственным человеком, с кем он общался, была его жена.

К ней-то Морис и решил отправиться.

– Ну, что-то узнал? – спросил Ронни, садясь на заднее сиденье скрипучего «Форда».

– Нет, всё то же. Никто ничего не знает, одна надежда на его жену. – Морис посмотрел на напарника: – А ты уже лучше выглядишь.

– Конечно лучше, – сказала Глория, усаживаясь рядом с водителем, – он облевал один из кустов на территории кампуса.

– Да, – сказал Ронни, откидываясь назад, принимая более удобную позу, – кто виноват, что на двухстах гектарах земли нельзя найти туалета?

Миссис Ланье жила недалеко, тоже в Принстоне. Этот город разительно отличался от всего Нью-Джерси. Он напоминал студгородок с маленькими скромными домиками. И Морис не удивился даже, когда увидел, как скромно жил профессор. Его небольшой одноэтажный дом стоял среди таких же небольших и одноэтажных. Морис оставил спящего Ронни в машине вместе с Глорией, а сам направился к дому профессора.

Белая дверь желтоватого дома открылась на третий стук. Миловидная женщина средних лет с пушистой, как одуванчик, причёской, смотрела через дверную щель опухшими, но счастливыми глазами.

– Миссис Ланье, – спросил Морис, показывая полицейский значок, – меня зовут Бенджамин Морис, я детектив полиции Бронкса.

Миссис Ланье закрыла дверь, сняла цепочку и снова открыла её, впустив Мориса.

– Проходите, детектив, – сказала она, вытирая руки кухонным полотенцем. Она то скручивала его, то расправляла, вытирала руки, потом опять скручивала. Морис понял, что это нервное.

– Присаживайтесь, – указала она на софу, – хотите чаю?

– Нет-нет, – отказался, он, – меня ждут.

– Есть с бергамотом, с мятой, с кардамоном или просто чай. Вам с лимоном или с молоком?

– Мадам, мне правда очень неудобно.

– О, это мне неудобно, – миссис Ланье села рядом с Морисом, взяла его за руку, – это мне неудобно, детектив, вы проделали такой путь, и всё из-за моей, из-за моей... – подбирала она слова, – нервной неустойчивости.

– Нервной неустойчивости, мадам?

– Да, – закивала она, – несдержанности, импульсивности... Мне так неудобно. На ушах вся полиция, и наша, и теперь вот ещё и вы... Сколько вы ехали к нам, детектив?

– Чуть больше часа, – не понимая, что происходит, ответил Морис.

– И всё из-за меня, – тяжело вздохнула миссис Ланье.

– Не из-за вас, мадам.

Морису вдруг подумалось, что женщина сходит с ума. Потеряв единственного близкого человека, мужа, неудивительно забыть вчерашний день.

– Я приехал не из-за вас, мадам, – положил он другую руку на её ладонь, – а из-за вашего мужа, мистера Альберта Ланье. Он пропал три дня назад, – Морис постарался говорить как можно тише и спокойнее, чтобы не пошатнуть и без того нестабильное психическое состояние бедной женщины.

– Нет, – шёпотом сказала она, искривив дрожащие губы в улыбке, – нет, – почти приблизила она своё воодушевлённое лицо к лицу Мориса, – он не пропал, не пропал, – повторила она по слогам.

– Не пропал? – повторил с недоверием Морис.

– Вы не верите мне?

– Я верю вам, мадам.

В таких ситуациях всегда лучше верить или сказать, что веришь. «Почему никто не оказал психологической помощи этой несчастной женщине? – думал Морис. – Она ведь может сойти с ума, если уже не сошла».

– Он не пропал, – встала она с софы и подошла к журнальному столику, – это я взбаламутила всех раньше времени. – Вот, – протянула она лист бумаги Морису, – он прислал мне письмо. Мой муж уехал в горы и забыл предупредить меня. Но в день отъезда отправил мне письмо, и вот только сегодня утром я получила его.

– В горы? – развернул лист бумаги Морис. – Зачем ему в горы?

– Подумать, – убедительно ответила миссис Ланье, – он и раньше уезжал, но я знала об этом, а сейчас забыл предупредить. Я подняла всю полицию, – виновато всплеснула она руками и села на диван.

«Дорогая моя Инес, – читал Морис, – я был вынужден уехать в горы для проведения физического эксперимента. Я не мог предупредить тебя заранее, потому как не знал, что уеду. Прошу, не волнуйся и передай декану, что я вернусь, как только посчитаю возможным. Целую, Альберт».

– Вы уверены, что это писал ваш муж, миссис Ланье? – осторожно переспросил её Морис.

– Конечно, – улыбнулась мадам, – это же его почерк.

– Значит, с вашим мужем всё хорошо?

– Несомненно, детектив, и мне так неудобно, – встала она.

– Ничего, мадам... – тоже встал Морис, – а вы показывали это письмо полиции Нью-Джерси?

– Да, сегодня утром они приезжали, и я показала письмо. Мне было так неудобно.

– Ну что вы, это наша работа миссис Ланье. Но в университете ещё не в курсе.

– Ах, – всплеснула она руками, – я позвоню им, как только вы уйдёте, ой, – она покраснела, – вы же не думаете, что я выгоняю вас?

– Нет-нет, – Морис попятился к двери, – двое моих ребят ждут в машине.

– Как неудобно, – повторяла она, открывая дверь, – как неудобно, – сокрушалась она, закрывая её за Морисом.

– Как это – он нашёлся? – возмущалась Глория, пока Морис заводил ворчащий «Форд».

– Эта машина похожа на дохлую лошадь, Бенджи, которую постоянно зачем-то реанимируют, – сказал Ронни, проснувшись от очередного запуска двигателя.

– Он не мог просто найтись! – не унималась Глория.

Первое и, может, последнее дело в её жизни рассыпалось на глазах.

– Кто нашёлся?

– Спи дальше, Ронни!

– Его жена сказала, что он прислал письмо, – Морис осторожно двинулся с места.

– Кто прислал письмо?

– Альберт Ланье.

– Да? – обрадовался Ронни. – Дело закрыто! – сказал он и уснул опять.

– И всё же я не понимаю, как он мог просто так найтись, есть в этом что-то подозрительное, – Глория обернулась, и через заднее окно посмотрела на уменьшающийся домик профессора.

– Сначала она подняла всю полицию, а теперь он нашёлся?

– Такое бывает, Глория, – невозмутимо сказал Морис, смотря по сторонам незнакомого ему перекрёстка.

– Да проезжай уже, – вспыхнула она, – тут ни одной машины. И всё же, пока мы не увидим этого профессора, я ей не поверю.

– С чего бы ей врать?

– Мало ли с чего, может, это она его заказала.

Морис тяжело вздохнул. Людям, которые только начинают работу детектива, повсюду мерещатся заказные убийства, не то чтобы их не было совсем, и тому пример дело Саманты, но их не так много, как кажется. Глории же всё это время казалось, что она в каком-то детективном романе или кино, а тут профессор прислал весточку, и вроде как кино закончилось, а она так и не доиграла свою роль. Но на этот раз её сомнения всё же отзывались и у Мориса. Как-то всё было быстро. Быстро и подозрительно. Морис поругал себя, что не попросил конверт от письма с обратным адресом профессора. Но не могло ли это расцениваться как вторжение в личную жизнь? Если представить, что профессор не пропал, а просто остановился где-то в

горах, может, снял домик у знакомых, то какое Морис имеет право узнавать адрес его остановки? Ведь если Ланье не пропал, то никакого дела вообще нет.

На часах было полпятого, когда детектив подъехал к своему дому. В квартире горел свет, на окне стояла пугающая ваза с апельсинами. Дверь в квартиру была открыта, свет горел, телевизор включён. Морис заглянул в ванную комнату – никого. Следов борьбы или взлома не было. Что-то опустилось у него внутри. «Саманта!» – крикнул он куда-то в подъезд. «Саманта», – отдалось глухим эхом. Чтобы ещё раз он бросил её! Дверь наверху крякнула замком и протяжно заскрипела.

– Бенджамин, – раздался голос Саманты.

У Мориса отлегло, он услышал быстрые женские шаги, сбегающие вниз.

– Сеньора Альваро увезли на скорой, – сказала она, – мадам Аннет обнаружила его в ванной, а потом и ей стало плохо. Я была у неё.

21 глава

Давно Ланье не был ни в каких поездках. Он взял такси, попросил водителя не спешить. Времени было предостаточно, а лихачества он не терпел. Так, откинувшись на заднем сиденье авто, прямо за водительским, Ланье думал о предстоящей встрече с давним другом.

В Принстоне у него ни с кем не было близких отношений. Ни с кем из равных ему, а Дэвид лишь внимал всему, что говорил Ланье, те же, кто был на равных с профессором, сторонились его. До недавнего времени.

«Как же всеобщее признание меняет отношение к тебе, – думал Ланье. – Вот ты был никем, просто профессором среди таких же профессоров, но стоило журналу напечатать тебя, как перед тобой лебезят, к тебе прислушиваются». Один из замдеканов даже отдал Ланье последний шоколадный кекс в столовой. «Отказ от кекса – это уже серьёзно, – усмехнулся про себя профессор, – до чего же может прийти человеческое лицемерие». Два дня назад декан вызвал его к себе и ненавязчиво так поинтересовался, во сколько же выльются затраты на его исследование. Ланье, будучи человеком скромным, назвал, как ему казалось, совершенно нескромную сумму, но и этого декану показалось мало.

– Это очень мало, профессор. Я рад, что вы обойдётесь и этим, но университету необходимо новое оборудование. Было бы очень кстати, если бы совершенно случайно оно понадобилось и вам. Через месяц у нас консилиум со спонсорами. Им интересно знать, на что мы тратим их деньги. Пара проектов, как вам известно, были перекуплены китайцами, мы уже не знали, что и сказать, и тут вы, вы, уважаемый мистер Ланье. Для меня честь работать с вами, – он сжал его руку настойчивой дружеской хваткой, и это несмотря на то что ещё совсем недавно отчитывал его в этом же самом кабинете, стыдя и унижая как ребёнка.

– Может, наши отношения не всегда были гладкими, – уловил он скептический настрой Ланье, – но, как говорится, кто прошлое помянет, тому что...

Ланье всё ещё был в такси, он открыл глаза и посмотрел на своё отражение в окне автомобиля. Нечёткое, ускользающее, оно то

исчезало, то появлялось вновь.

«Как же случайна жизнь», – думал Ланье. Если бы сто лет назад Эйнштейн не увидел своего отражения в окне мчащегося поезда, то физика не была бы той, что есть сейчас. Может, об этом он и расскажет студентам в Бронксе. О случайных открытиях, изменивших мир. Или он будет говорить о себе? Шатц обязательно заставит его рассказать о себе, а Ланье обязательно смутится.

Инес не раз говорила ему, что о себе надо говорить всегда, и всегда только в лучшем ключе, скромностью ещё никто ничего не добился. Ах, Инес! Ланье вспомнил, с какой гордостью она каждое утро разбирала почту и с каким воодушевлением читала письма, приходившие к нему. Кто ему только не писал, даже из-за границы. А на физическом форуме открылось несколько веток с дискуссиями, люди спорили о перспективности или провале его теории. Ланье часто писали посторонние люди, он даже не знал, кто они, ему и не нужно было знать. Но этот человек в чёрном костюме всё никак не выходил у него из головы. Кем же он был... На учёного не похож. Может, один из спонсоров, догадался Ланье. Догадался и тут же успокоился. Так всегда было, они прощупывают почву, желая узнать, сколько же в действительности будет стоить исследование, не зависит ли цену декан. А может, его хотят перекупить? Другой университет. Это вполне объяснило бы тот флёр скрытности, который витал над незнакомым господином. Жаль, Ланье не догадался спросить, как его зовут.

До университета оставалось немного. Пару раз он вздремнул, и оттого время показалось таким съёженным, что он и не заметил, как прошёл сквозь него. Всё же время формируется сознанием, – размышлял профессор, – в бессознательном состоянии времени для нас нет».

У дверей колледжа его встретил Анри Шатц.

– Друг, – раскрыл он объятия, – Альберт! Как я рад что ты откликнулся на моё приглашение. Я и не надеялся даже.

Шатц лукавил. Он ещё как надеялся.

– Я не мог отказать, – улыбался Ланье, – да и развеяться мне не мешало бы.

– Отлично-отлично, – хлопал Шатц друга по плечу.

– Значит, ты открыл физический факультет?

– Да. Пару лет назад. Ну, как я открыл. Открыл-то университет, а меня пригласили, чтобы возглавить его.

– И у тебя получилось.

– Не совсем...

– Что ты имеешь в виду?

Они поднимались по лестнице и уже зашли в университетский холл.

– Желающих не так много. Всё же раньше этот университет был сугубо гуманитарным. Он и сейчас такой, с гуманитарно-религиозным уклоном.

– И кому-то здесь интересна физика?

– Потому я и позвал тебя, зная, как ты можешь заинтересовывать.

– О, это большая ответственность, Анри, – смутился Ланье.

– Не бери в голову, ты звезда, а молодёжь нынче только и клюёт на известность.

– Если мне удастся заманить хоть одного студента на твой факультет, я буду счастлив.

Лекция проходила блестяще. Ланье вспомнил, как когда-то он и сам был вот таким же слушателем и внимал не менее известным профессорам, а теперь они внемлют пению птиц на городском кладбище, а он вот здесь пытается донести законы физики до совсем ещё юных умов. Умов, как заметил Ланье, было-таки предостаточно, почти полная аудитория. Наверное, им пообещали зачёт по какому-то из предметов, иначе чем можно было объяснить такой интерес к физике. Не иначе Шатц подсуетился, не хотел, чтобы друг приехал в пустую аудиторию. Так оно или нет, но его всё же слушали.

В один момент, в тот самый, когда Ланье рассказывал о случае с Эйнштейном в поезде, ему показалось, что на задних рядах среди особо шумных студентов стоял тот же самый господин, которого он видел во дворе Принстона, только теперь он был не один, их было двое, двое одинаковых, в чёрных костюмах, один был в шляпе. Они внимательно слушали Ланье и разговаривали друг с другом, не поворачивая головы. Ланье мог читать по губам, но было слишком далеко, чтобы разобрать, о чём они говорят.

«Они пришли за мной, – подумал Ланье, – и это никакие не спонсоры». Какой спонсор будет бегать за учёным? Все

договорённости осуществляются за закрытыми дверьми, в серьёзных кабинетах. Значит, они следили за ним, они знали, что он приедет сюда. Ланье пробил холодный пот. Он машинально дочитывал лекцию и боялся, ужасно боялся, не за жизнь, за своё исследование. Что, если ему не дадут его закончить? Что, если всё закончится, не успев и начаться? Он глубоко вдохнул и выдохнул, посмотрел на ожидающих его студентов. Скорее всего, он всё же прервался и какое-то время молчал. Ланье посмотрел на Шатца, взгляд того тоже был выжидающим. «Точно, оплошал», – подумал Ланье. Он взглянул в свои записи, потом снова на аудиторию. Тех господ уже не было. Будто и след простыл. «Может, показалось», – подумал Ланье. С его-то близорукостью что только не покажется. Лекцию он продолжил с большим энтузиазмом и завершил, сорвав аплодисменты.

– Отлично, – сказал Шатц, подойдя к нему, – ты, как всегда, на высоте.

– Да брось...

– Я бы хотел попросить тебя, если, конечно, это возможно, приезжать к нам хоть раз в месяц. Если хочешь, откроешь свой курс.

Ланье совсем этого не хотел.

– Конечно, – сказал он, – я с радостью. Нужно лишь сверить графики.

– Да, – Шатц ударил себя по лбу, – конечно, у тебя совсем мало времени.

Ланье оглядывался по сторонам, студенты выходили из аудитории, теснясь в дверях, смеясь и толкая друг друга.

– Ты кого-то потерял?

– Ты не видел здесь никого постороннего? – спросил Ланье.

– Нет, – протянул Шатц, – а ты кого-то видел?

– Наверное, показалось, – улыбнулся Ланье.

– Ты устал, мой друг. Не выпьешь ли кофе?

– Нет, спасибо, я обещал жене вернуться пораньше.

– Конечно-конечно.

Шатц проводил профессора до дверей колледжа.

– Ну всё, – сказал Ланье, – дальше я сам.

– Нет, я посажу тебя в такси, – засуетился Шатц.

Не успели они спуститься, как к ним подъехал автомобиль. Жёлтый, с шашечками на крыше. Ланье попрощался с другом,

пообещал ему обязательно быть, сел в такси и уехал.

– В Принстон, пожалуйста, – сказал он.

– Как скажете, профессор.

«Откуда он знает, что я профессор, – напрягся Ланье. – Наверное, статью прочитал», – успокоился он.

22 глава

Окружная тюрьма штата Орегон

По законам Соединённых Штатов смертной казни можно ждать от года до пятнадцати лет, пока не будет точных доказательств или опровержений вины смертника. Судебная система позаботилась о том, чтобы ни один приговор не был ошибочным.

Звенящее клацанье тяжёлых решёток будило каждое утро в шесть. Каждое утро в 6:05 открывался затвор тринадцатой камеры, пропуская два подноса с едой. Каша, какао, хлеб, джем.

– К тебе сегодня придут, Джейкоб, – сказал человек в форме, – будь готов, – уточнил он и захлопнул решётку.

Джейкоб поставил поднос на столик и сел за него. У каждого была своя кровать, столик и стул.

– Тебя часто хотят видеть. Что им надо? – спросил второй заключённый, с неровной щетиной на щеках.

Их было двое: Джейкоб и Сайрус, один средних лет, хорошо сложен, чисто выбрит, другой, чуть постарше, обрюзгший, щетинистый, местами седой.

– Я не знаю, – ответил Джейкоб, хлебная жидкую кашу.

– Им точно что-то нужно от тебя, – не вставал с кровати второй. – Джем клубничный?

– Персиковый.

– Дерьмо, – сплюнул Сайрус. – Почему они каждый день вызывают тебя, что они делают, что им нужно? Может, ты ни при чём, может, не виноват? Я вот точно не виноват, это всё заговор, меня подставили, ты же знаешь, что меня подставили, Джейкоб? И они это знают. Что они говорят? Что они сказали тебе? – он приблизился и говорил совсем тихо, оплёвывая ухо Джейкоба каким-то наждачным шёпотом.

– Сказали не разглашать, – ответил Джейкоб.

Сайрус заржал.

– И ты что? Мне не скажешь? Мне не скажешь, Джейкоб? Да я скорее сдохну здесь, чем дождусь справедливости! Ты знаешь, какой у

них план, знаешь какой? Чтобы мы передохли, – перешёл он на крик. – Передохли, слышишь! И мы сдохнем, – орал он на всю камеру.

– Сядь, Сайрус, – Джейкоб ел кашу и прихлёбывал из пластикового стаканчика.

– Мы сдохнем! – закричал Сайрус и заскакал по всей камере: – Они ждут нашей смерти, Джейкоб, мы проедаем налоги, – он начал долбить в дверь ногой, – и потому сдохнем все! Сдохнем все!

«Эй, заткнись там, придурок», «Уймите шизика», – выкрикивали из соседних камер.

– Это вы – шизики! – кричал Сайрус, вцепившись в решётки небольшого отверстия в двери. – Все шизики! Вы все сдохнете! Сдохнете, шизики, – тыкал он пальцем на всех, кого можно было рассмотреть в глубине соседних решёток, – ты сдохнешь, и ты сдохнешь, и ты...

Джейкоб намазывал джем на хлеб.

Сайрус вцепился в решётку.

– Вы все сдохнете! Выпустите меня! Вы-пу-сти-те меня!

«Сейчас тебя выпустят», – раздался где-то в конце коридора металлический голос надзирателя.

– Сядь лучше, Сайрус, обколют опять.

Джейкоб знал, что многие заключённые так и продолжали косить под психов в надежде на лучший исход. Но это не срабатывает, никогда не срабатывало. Сейчас его заберут и обколют, потом приведут уже тихого. Он будет лежать на кровати и ещё пару часов смотреть в никуда, а после расскажет историю, как его когда-то подставили, подбросили героин и повесили двойное убийство. А он ни при чём. Здесь никто ни при чём, почти никто.

Джейкоб не отрицал своей вины, он всё признал. Не было смысла косить под психа и придумывать небылицы, он сам был полицейским, он знал, как это работает, как все там работают на той стороне, где есть слово закона. Не получится прикинуться психом. Спецов не проведёшь. Там настоящие спецы. В этой комиссии сидит не один человек, их пять или шесть, они доктора, профессора, они видят душевнобольных, они знают, что Сайрус здоров.

Опять грохнул металлический затвор, тяжёлая дверь с трудом отворилась, теперь двое стояли у двери, Джейкоб встал из-за стола.

– Спокойно, Джейкоб, мы не за тобой.

– Я знаю, – сказал он.

– Мы все сдохнем! – кричал Сайрус. – И вы сдохнете. – Лицо его покраснело и, казалось, ещё больше опухло, щёки раздувались, выстреливая слюни через вывернутый наружу красный в трещинах рот.

– Пойдём уже, – заломили ему за спину руки, защёлкнули запястья в наручники.

– Куда вы меня тащите? – Дверь закрылась, замок повернулся три раза. – Я не дам себя колоть, – доносилось визгливым эхом.

– Допрыгался, идиот, – кричали из камер, – закрой уже варёжку.

– Я не дам себя колоть, – кричал Сайрус, – вы все сдохнете!

Его вывели. Ворчание соседних камер то утихало, то нарастало волной.

Джейкоб часто бывал по ту сторону, когда работал в полиции. Это было давно, полжизни назад. Тогда он был нищим сержантом.

США, Июнь. 2002 год

– А я тебе говорю, что нужно уходить отсюда, Джейкоб, – сказал Коул.

Низкорослый напарник, тоже сержант, уставился на него своими красными, утопленными в чернь провалившихся синяков глазками и не сводил их с него, пока не получал хоть какой-то реакции, хотя бы протяжного «м-м-м».

– М-м-м, – протянул Джейкоб.

– Я вот даже не помню, почему я стал копом. Я тебе не говорил?

– Представь себе, нет.

– А ты какого чёрта тут делаешь?

– Я хотел защищать закон...

– Который не защищает тебя. Смешно.

Коул отпил кофе и сплюнул.

– Что за дрянь этот кофе?!

Они сидели за стойкой в одной из ближайших к участку закусовых.

– Так и проживёшь всю жизнь, глотая эти помои. – Коул ворчал и продолжал пить. – Ты знаешь, сколько зарабатывает мой дантист, ты знаешь сколько? Десять штук, Джейкоб.

– Пошёл бы в дантисты. – Дожёвывал пиццу Джейкоб.

– Я крови боюсь. И не смотри на меня так, здесь никому зубы драть не надо, фу... – поморщился он.

– Поэтому твой дантист и зарабатывает в три раза больше тебя.

– Я рискую жизнью, чёрт возьми, Джейкоб, рискую долбаной жизнью. А чем рискует мой дантист? Поехавшей челюстью? И то не своей. Две штуки за зуб, две штуки, а у дочки выпускной через год, а её подружкам отцы уже тачки подарили. Спроси меня, я могу подарить своей дочери тачку? Нет. Почему? Потому что я, мать его, коп. Моей зарплаты едва на аренду хватает. Как я устал так жить.

Джейкоб подумал, что, будь у него дети, он, наверное, бы тоже устал. Но у него никого не было, и ничего, кроме квартирки и старого авто.

– Вот я себе выписал тачку, думаешь, она придёт? – Допил кофе Коул. – Ни хрена она не придёт, так и буду ездить на своей развалюхе.

Джейкоб не знал, кому они вообще приходят, эти новенькие «Форды» с четырьмя подушками безопасности и кожаными удобными креслами. От многочасовой езды у Джейкоба уже отваливалась спина. Но кто-то их получал. Он и не пытался подавать заявление, хоть его старый «Ниссан» тоже ржавел по швам, а сиденья превратились во что-то каменное и бесформенное.

Нельзя сказать, что он был доволен жизнью, он был так же взбешён, как и Коул, просто тот темпераментом не вышел. У Джейкоба же были железные нервы, стальные, как металлические строительные тросы, на которых поднимают бетонные плиты, вот те самые плиты, из которых строят дома. Нервы Джейкоба были такие же крепкие, они никогда не лопались, они переплетались стальными волокнами в один сплошной непробиваемый трос. Ему жалко было Коула, он отвечал не только за себя. Когда-то по молодости Коул завёл жену, она завела ребёнка, и теперь он увяз. Неудивительно, что он так орал. Джейкоб бы тоже орал, если б тонул не один, если бы тащил за собой ещё жену и дочь.

– Мне домой надо, – сказал Коул, – ты идёшь?

– Побуду немного.

Коул стащил мятую ветровку со спинки высокого стула, отряхнул уже давно подсевшие брюки, они блестели местами от частой многолетней глажки, положил смятую купюру на стойку и ушёл.

Джейкоб также не был доволен своим жалованьем в три с половиной, мать его, тысячи. Он особо не матерился, но, когда возникала острая необходимость, в голове его всегда звучал голос Коула. У него в закромах было запасено немало фразочек напарника. Тот был остёр на язык. Язык Джейкоба был слишком скромн. Но эти, мать его, гроши не оставляли и его в покое. Ему тоже надоела курица с заправки и дешёвый бензин. Ему хотелось, чтобы дома стояли свежие фрукты, чтобы сам он ездил на новой машине, и не выделенной отделом, а своей, но где ж её взять, если только в кредит. Единственное, что радовало Джейкоба, это страховка, бесплатная, она была за счёт государства, ты же всё-таки защищал государство, и если уж так случится, что решишь помирать, то тебя, так уж и быть, вылечат. Если бы не это, ходить ему без страховки всю оставшуюся жизнь. С такой зарплатой выбирать не приходится – либо аренда, либо здоровье. Все выбирают жильё. А ему хотелось съездить в горы, покататься на лыжах, снять маленький домик с камином и большим таким креслом, чтобы сесть в него и утонуть. Но на своё жалованье он не мог оплатить себе ни горы, ни домик. А единственное доступное ему кресло было рабочим. У него полетела регулировка, и Джейкоб уже месяц сидел выше, чем хотелось, его ноги упирались в стол. Он месяц ждал чёртово кресло, и не знал, сколько ему ещё ждать. Он уже готовил документы на повышение, нужно было пройти тест и стать лейтенантом. Ему тогда дадут и новое кресло, и прибавку к жалованью в целых пятьсот долларов.

Джейкоб услышал женский визг и схватился за пистолет. Он держал руку за пояс, на рукоятке, осторожно вытаскивая ствол.

– Гони бабки, – кричал волосатый парень.

На голове его были дреды, в зубах железяки, выпрямляющие их. Джейкоб забыл, как они называются, он знал лишь, что они дорого стоят, и ему, будь у него кривые зубы, ходить бы с такими кривыми всю жизнь.

– Гони бабки, – прижимал парень к себе официантку, надавливая ей дулом на висок.

Джейкоб был сосредоточен и спокоен, он был спокойнее всех в этой закуской. Его дыхание было ровным, ладони сухими, а взгляд просчитывал всю обстановку, он видел старую пару, что, прижавшись друг к другу, сидела за соседним столом, мужчину в костюме с

телефоном у уха, он не мог его положить. Он видел всё – от влажных ноздрей официантки до капелек пота на лбу грабителя. С таким причёсоном нетрудно вспотеть.

– Я убью её, – кричал парень бармену, – очищай кассу, выгребай всё.

Он как-то неестественно трясся. «Ломка», – понял Джейкоб. Не факт, что он не убьёт её.

Официантка дрожала и плакала.

«Хорошо бы она вела себя спокойней, – думал Джейкоб, – лишь бы не завопила, только молчи».

– Молчи, стерва, – грабитель ударил официантку дулом в висок.

Она завизжала. Бармен искал пакет, он не знал, куда сложить деньги, и выгребал их на стол.

– Сложи их куда-нибудь, – кричал грабитель.

Он как-то нехорошо задрожал, скрючился, резко выгнулся, вскинул ствол на бармена и выстрелил в него, в тот же миг Джейкоб выстрелил в чёрные дреды, в двух сантиметрах от виска официантки. Парень вскрикнул, откинулся и упал. Дреды окрасились красным, как и стол, как и пол возле него.

У бармена пострадало лишь бренди. Через пять минут приехали оперативники, через десять поместили парня с дредами в пакет, а после в скорую, на ней возили и трупы.

Джейкоб всё ещё сидел за стойкой. Бармен дрожал, наливая чистый виски.

– Безо льда, сэр.

– Спасибо.

Джейкоб выпил залпом.

– Как ты его подстрелил, – сказал незнакомый голос.

– Налей-ка и мне того же, – обратился он к бармену. – Сколько там было? Пара сантиметров?

– Я полицейский, нас учат стрелять.

– Знаю я вашего брата...

Джейкоб посмотрел на подсевшего. Лет сорок, лицо скандинавское, кожаная куртка, клетчатая рубашка, джинсы, туфли под крокодила, или из крокодила, часы были похожи на настоящие. От него пахло деньгами. Можно сказать, разило.

Джейкоб сглотнул слюну.

- Так ты кто? Капитан? – спросил мужчина Джейкоба.
- Сержант.
- Хреново.
- Ещё как.
- Нам нужны такие, как ты. – Человек протянул визитку – чёрная, с одним лишь телефоном. – Мы хорошо платим, парень, подумай.

В камере почти не было света. Небольшое окно, прорубленное под самым потолком, тоже закрывалось решёткой, а напротив – второй корпус здания, оно так и было буквой «П», оно так и загоразивало солнце.

Может, так и лучше, зачем на него смотреть, когда ты здесь. Когда смотришь на свет, хочется выйти. Джейкоб знал, что не выйдет никогда. Прошло уже пять лет, как его посадили.

Внизу выгуливали людей – тех, кто когда-то был ими. Джейкоб не любил такие прогулки, он и себя после таких выгулов не любил. Что-то раздирало внутри, появлялось что-то вроде веры, непонятно какой, для неё здесь вообще не было места, а она зачем-то была. Джейкоб гнал эти мысли. Он знал, что человек привыкает ко многому, и вообще можно привыкнуть ко всему. Даже если тебя посадят в яму и будут раз в день спускать еду, ты научишься жить в этой яме, ты даже выходить не захочешь. Джейкоб читал о человеке в песках, давным-давно, было что-то японское. Там человек жил в яме, полной песка, и целый день выгребал его, каждый день мечтал сбежать, а через год мог бы, но передумал. Тот человек полюбил песок, что каждый день давил на него. Он сросся с ним, как сросся с несвободой. Джейкоб хотел вот так же срастись, он привыкал к этим стенам, к этой койке и решётчатому окну. Солнце через него если и проходило, было тоже решётчатым.

На протяжении двух месяцев за ним приходят люди. Джейкоба ведут в дальнюю комнату, вон того корпуса, который напротив, с ним разговаривают трое человек, иногда приходит четвёртый. Ещё у него брали кровь, немного крови, он не спросил для чего. Прикрепляли к вискам какие-то датчики, задавали разные вопросы. Странно, он вроде никогда не косил под психа, и зачем было его проверять? Ему показывали картинки с кляксами, он что-то говорил, человек в халате кивал. «Хорошо, – говорил человек, – вы молодец, Джейкоб». Он не

понимал, почему он молодец и зачем это всё. Он попытался спросить, но ему не ответили.

Лучше бы они забирали Сайруса, его недавно к нему подселили, с тех пор спокойная жизнь закончилась. Сайрус мог проболтать и всю ночь.

В коридоре слышались твёрдые шаги, шли как минимум двое. Джейкоб давно научился определять людей по шагам.

Дверь заскрипела затворами: раз, два, три. Потом несмазанными петлями, протяжно отдавая болью в зубах. Джейкоб стиснул зубы. На плиточный, истёртый пол камеры ступили чёрные тряпичные тапки Сайруса. Он вошёл совершенно спокойным, будто это был и не он. Шаги его были замедленно плавными. Как и весь Сайрус. Эти лекарства хорошо умели затормаживать мозг, блокируя его центры и отключая нервную систему. Какое-то время Сайрус смотрел в стену, а после лёг и смотрел уже в потолок, долго смотрел.

Джейкоб никого не жалел, у него будто отключили эту функцию, да и Сайрус сам виноват. Если ты не устанавливаешь правила, имей смелость играть по чужим, иначе не доживёшь. Хотя, может, это и был его план – не дожить.

Джейкоб подошёл ближе и наклонился к сокамернику, всматриваясь в его белое, рябое лицо. Глаза Сайруса были раскрыты, зрачки сильно расширены. Он почти не дышал, лишь вена на шее тихо отбивала пульс.

23 глава

Утром 5 мая 1993 года Морис прогуливался по территории колледжа. Перед зачётом он решил проветриться. Нет, он не был жаворонком, отнюдь, он вставал часов в девять, и это было нормально. Просто ночью сосед по комнате сбил весь сон характерной вознёй под одеялом. Когда Морис открыл глаза, то понял, что Митчелл возится там не один. Морис не сказал ни слова, просто оделся и вышел, он просидел на лестнице около часа, пока Митч не вернул его. «Прости, – сказал он, – с меня причитается». Всю оставшуюся ночь Морис смотрел в потолок. Далёкие огни проезжающих машин изредка, но проходили по нему, а через час совсем рассвело. Зелёное время на электронных часах показывало без четверти пять. Сосед сопел и посвистывал, что-то странное творилось с его носоглоткой, это часто мешало спать.

Морис вышел на улицу, было неестественно тихо. Утренняя прохлада ещё не прогретого зноем воздуха мягко гуляла под рубашкой, щекотая его спину, затёкшую шею и взъерошенные вихры. Морис пригладил их, вдохнул глубоко и забыл, как дышать. Воздух встал внутри его лёгких, где-то поперёк груди. На окне четвёртого этажа кампуса стояла девушка в белой сорочке. Её волосы закрывали лицо, ноги упирались в карниз, руками она ещё держалась за ставни. Тогда Морис понял, сколько длится секунда – она бесконечна, нет времени, когда тебя нет в нём, когда стресс будто лишает тебя плоти, оставляя одно сознание большим бестелесным комом. Морис и был этим комом. Он не чувствовал ног и рук, а если бы попытался кричать, то не услышал бы и своего голоса. Ему казалось, у него заложило уши, как бывает под водой. Он видел лишь белое платье и ноги, такие же белые, узкий покатый карниз, краснокирпичную стену, и ничего больше, и никого больше не было. Только он, она и что-то ещё, что-то тяжёлое, неприятное в воздухе. Тяжестью стал сам воздух. Он не мог ни дышать им, ни пройти сквозь него. Закричи он сейчас, и она упадёт, позови он на помощь, и та не успеет. Что же делать...

Девушка отпустила одну руку, ставни ударились об окно. «Где это окно, – думал Морис, – неужели никого не было в комнате, неужели спят, невозможно же спать, когда такое». Она посмотрела вниз, Морис

побежал. Он бежал к окну, она увидела его, он не мог ничего сказать, он поднял руку, и она подняла, вторую, и будто помахала ему, он смутно помнил. Он помнил лишь, как бежал к ней, некрасиво лежащей на траве.

Ещё долго об этом судачили, но никто так и не узнал, что подтолкнуло юную девушку покончить с собой. Одни говорили о несчастной любви, другие об угрозе отчисления, но такие невзгоды наступают многих, почти каждому хоть раз в жизни да хочется сдохнуть, но чтобы вот так, всерьёз, это далеко не с каждым.

Поступок несчастного фотографа Морис оценил как экспрессию. Навряд ли какой-нибудь инженер или, к примеру, зубной техник утопился бы в ванной из-за недооценённости. Как, скорее всего, и случилось с похороненной на заднем дворе своего дома несчастной Эммой Клетчер.

У Мориса был адрес этого Стефана. Его дом находился на окраине города и был окружён густым лесом. Проезжая мимо такой лесополосы, можно и не догадаться о существовании особняка. На карте он показался Морису незначительных размеров. Не желая привлекать к этому делу Ронни и Глорию, Морис прибыл в отдел в пятом часу утра. Он сказал дежурному, что ему нужно закончить одно дело и разобраться с бумагами. Полицейскому было всё равно до дел Мориса, он ел свой пончик, покрывая сахарными крошками серый в полоску галстук, и раскладывал «косынку» с лицом максимально сосредоточенным.

Морис искал адрес через браузер. Виртуальные карты куда лучше бумажных. Иногда ему казалось, что с развитием всех этих высоких технологий, любой человек мог бы стать детективом. От этой мысли становилось неудобно. Будто он занимал не своё, а чьё-то чужое место. Того, кто мог бы быть лучше и умнее его. Морис посмотрел более удобный путь к дому Стефана. Хотя утром любой путь удобный, пробок всё равно нет. Он попытался найти что-то на Стефана Нильсона, но тот был чист. Ни одного дела, даже предупреждения не было. Неужели ни одна из девушек так и не пожаловалась на него. «Может, у них всё получилось, – думал Морис. – Когда карьера идёт в гору, не хочется ворошить прошлое».

Лес этот был похож на леса Танзании, совсем непроглядные, с высокими папоротниками, кривыми деревьями, как будто

танцующими из земли. Корни их тоже высоко торчали над поверхностью. Не приведи господь оказаться здесь без машины, расквасишь себе лоб на первых ста метрах. Дорога однополосная, как разъезжаться – непонятно. Пока Морис добирался до места, молился, чтобы встречи не было. Мало ли кому здесь быть, тот же доставщик еды, они, наверное, часто здесь колесят, ведь ни одного магазина поблизости. Совсем глухо, как в дремучем лесу. Видно, на то и рассчитано. Морис и не удивился бы даже, если бы сейчас из этих кустов выскочил дикий кабан. Кто-то непременно должен был выскочить. Это чувство преследовало его всё время, пока он ехал к дому Стефана Нильсона.

Все пазлы начали складываться. Нужно было только признание Стефана Нильсона. На этот случай Морис взял с собой диктофон. Детектив не раз вытаскивал показания хитростью. Говоришь преступнику, что тебе всё известно, что есть свидетельские показания, и доказательства есть, и он сам как на духу, от стресса или неожиданности, всё тебе вываливает. Был ли таким простаком Стефан? Морис не знал. Сработает ли это на нём? Тоже не факт. Но строить дом в такой непроглядной глуши – уже подозрительно.

Морис думал над словами Мэри Гринвич: правда ли, он хранил все записи с оргиями на чёрный день? Нужно только провести обыск. Но как выбить разрешение на него? Для этого Нильсон должен быть подозреваемым, но против него даже свидетельствовать никто не хотел. Отец Саманты, по-видимому, отошёл от дел, наверное, это было непросто, от грязных дел порой отходить гораздо сложнее, чем от любых других, они липнут к тебе и липнут всю жизнь до самой смерти. Может, у Кларка Стюарта был компромат на Стефана Нильсона, скорее всего был. Скорее всего, только так он чувствовал себя в безопасности. И это, конечно, раздражало самого Нильсона, и тот убил его. А потом и Саманту Стюарт. Но зачем, этого Морис понять не мог. Судя по разговорам с Самантой, она и так ничего не знала о делах своего отца. Может, и не говорить про неё сейчас? Ведь как такового убийства и не было, даже покушения, одни телефонные звонки, но и тех след простыл. «И откуда мне тогда знать о покушении», – размышлял Морис. Как бы он отнёсся к заявлениям Саманты, если бы не был в том дне? Всё дело в том проклятом дне, который если и был, так только в памяти Мориса.

Пару дней назад он проснулся посреди ночи и оглядел комнату, посмотрел на Саманту, она даже спала красиво, редко кто так спит. И тогда ему подумалось, что он просто болен, психически болен. Такое случается с людьми его профессии, иногда сносит крышу. Сознание переключивается от всего увиденного. Такое случается с врачами, учёными, почему оно не могло случиться и с ним? В конце концов, видеть столько трупов, каждый раз приезжая на вызов, даже на безобидный инфаркт, всё равно это смерть; и твоей психике всё равно, кого ты видишь – убитого или естественно умершего. Если, конечно, речь не идёт о серьёзном насилии. Может, и он сошёл с ума. Если так, то это даже неплохо, можно уйти на пенсию, получить заключение от психиатра, компенсацию от государства, лечиться, отдохнуть. Морис в ту ночь даже обрадовался такой мысли, как вдруг вспомнил о заколке, прозрачной заколке с прядью волос. Подойдя к столу, он открыл нижний ящик и нащупал пакет. Прозрачная заколка так и лежала в нём, ожидая своей экспертизы.

«Нет, всё это было», – думал Морис, смотря на спидометр, проезжая сквозь заросли. Он опять вспомнил Саманту, её светлые волнистые волосы. «Не стоит впутывать её в это, – решил он, – будем давить на другую мозоль, на несчастных актрис, их шантаж и убийство Кларка Стюарта». Если вина Стефана Нильсона будет доказана, он сядет, и никто больше не потревожит Саманту.

Через четверть часа заросли по правую сторону начали укорачиваться и заметно редеть, открывая высокий забор из серого кирпича со шпильями на верхушке. «Хорошо отгородился», – подумал Морис. Бенджамину казалось, что этот забор бесконечен, сколько он уже проехал, а ни двери, ни входа в нём не было. Наконец что-то повернулось на одном из шпилей. Повернулось и посмотрело на Мориса красным огоньком. Он остановил «Форд». Это была камера, она смотрела на него своим глазом, через лобовое стекло. «Значит, скоро и вход», – подумал Морис. Он поднял руку, как бы здороваясь с тем, кто был по ту сторону наблюдательного зрачка, и поехал дальше. Примерно через пятьдесят метров детектив увидел высокие металлические двери с резными витиеватыми узорами, стремящимися вверх к таким же острым шпильям. Морис припарковал машину и вышел из неё.

Как-то раз он присутствовал при ограблении банка, и тогда на него было нацелено два ствола. В такие моменты, когда дуло смотрит на тебя, кажется, что время бесконечно, а неприятное чувство нарастающей тошноты напоминает тебе о твоей беспомощности и мелкости. Ты ничтожен перед стволом. Этот нацеленный на тебя кусок металла прогнёт каждого, поставит на колени кого угодно – хоть президента, хоть папу римского. И если ещё секунду назад ты был кем-то, человеком с принципами и мыслями, то сейчас ты никто, один страх тошнотворный, унижительный. Вот и сейчас Морис чувствовал примерно то же самое, будто как минимум две пушки были нацелены на него. В такие моменты он не давал страху поработить себя. «Это лишь животный инстинкт перед возможной смертью», – говорил он себе.

Морис позвонил в звонок. Голос в аппарате предложил представиться.

– Детектив Бенджамин Морис, отдел убийств, полиция Бронкса.

Аппарат замолчал, дверь щёлкнула, и постепенно высокие ставни отворились. На входе стояли два амбала с оружием. Именно их и чувствовал Морис нацеленными на себя. Сейчас они были опущены, к полиции всё же относятся с уважением, пока нет прямых обвинений, пока никого не прижали к стенке.

– Пройдёмте, – сказал один из них, заткнув пистолет за пояс и прикрыв его лапами пиджака, – я провожу вас.

Огромная площадь частного участка была огорожена со всех сторон. На территории было два бассейна, разделённых мостиком, по периметру лежаки с нависающими над ними пальмами, чуть дальше от бассейна диванчики с подушечками и зона для барбекю, а также пара небольших домиков, скорее всего для прислуги. Вся атрибутика красивой жизни была собрана здесь. Каким же скромным ему сейчас казался дом Саманты Стюарт, видимо её отец действительно был просто юристом, навряд ли ему доставалась большая доля куша.

– Чем обязан, детектив?

Навстречу Морису вышел приветливый господин в махровом халате.

– Здравствуйте, – пожал его руку Морис. – Вы Стефан Нильсон?

– Он самый, – тряс руку Мориса хозяин особняка. – Мой дом – ваш дом. – Изобразил он приглашающий жест.

– О нет, – улыбнулся Морис, – боюсь, я потеряюсь в таком доме, и на работу выйду только к вечеру.

– Не скромничайте, детектив, любой полицейский достоин хорошей жизни. Но с вашими зарплатами...

– Да, сэр, – зашёл в дом Морис, – из всего этого великолепия на нашу зарплату мы можем скопить если только на эту вазу, – он указал на напольную вазу с барельефом голой женщины.

– Эта ваза стоит около тридцати тысяч, детектив, – ухмыльнулся Нильсон.

– Ну, тогда и на неё мне не скопить, – улыбнулся Морис.

– Присаживайтесь.

Хозяин дома указал ему на диван, похожий на музейную мебель. Узоры на нём были вышиты золотыми нитками, а сам он был словно из какого-то шелковистого бархата. Морис с опаской, но сел.

– Садитесь-садитесь, почувствуйте себя как дома. Виски, содовую? Сигару?

– Нет, ничего не надо, спасибо, сэр.

– Так какими судьбами вы у меня?

– У нас в отделе сейчас что-то вроде ревизии, – Морис не знал как начать и с трудом подбирал слова, – мы закрываем нераскрытые дела, – соврал он. – Знаете, когда дело было заведено, к примеру, несколько лет назад...

– Так...

– ...но так и не было раскрыто, за отсутствием доказательств.

– Угу, – кивал Нильсон.

Морису показалось, что тот напрягся.

– Так вот, – продолжил Морис, – мне предстоит закрыть два дела, одно о самоубийстве, – он пытался говорить спокойно, непринуждённо, не давя на подозреваемого, – а другое – инфаркт.

– А чем я могу вам помочь? Я как-то связан с этими смертями, вы же говорите о летальном исходе?

– Да, конечно, сэр, о летальном.

– И чего вы ждёте от меня?

– Я думаю, вы можете знать этих людей, вы с ними работали.

– Как интересно! – Нильсон как-то криво улыбнулся, положил ногу на ногу и облокотился на спинку кресла. – Ну, и кто они?

– Эмма Клетчер и Кларк Стюарт.

Нильс нахмурил брови и подался вперёд.

– Так, Кларк был моим партнёром, и он действительно скончался от инфаркта или инсульта, я точно не знаю, мы до этого давно не общались. А Эмма Клетчер покончила с собой. Если мне не отшибло память, то она утопилась в ванной.

– Совершенно верно, – кивнул Морис.

– А я тут при чём?

– А почему она покончила с собой, сэр?

– Откуда мне знать, – рассмеялся Стефан, – она была истеричкой, амбициозной, бездарной истеричкой.

– Но вы были её агентом.

– И что? Это моя работа – быть агентом. Я же не педагог театральной студии, чтобы учить её мастерству! Я как мог пристраивал её. К тому же она не одна, у меня этих актрис, – показал он жестом выше головы, – а говорить нужно за всех; знакомства, встречи... Понимаете?

– Понимаю.

– По-вашему, я должен был возиться с ней одной? Откуда мне знать, почему она утопилась.

Морис оглядел холл.

– Здесь много фотографий, – попытался он сбавить накал.

– Да, – как-то тяжело выдохнул Нильсон, – я не последний человек, у меня много знакомых в высоких кругах. Меня все уважают. Вот, – встал он с кресла и подошёл к одной из фотографий на стене, – я с бывшим министром, вот с Китом Хестоном, – указал он на другую, – слышали о нём? Культовый режиссёр, между прочим, он получил премию за лучшую режиссуру в прошлом году.

Морис кивал, рассматривая фото на стенах. Нет, он не знал этого режиссёра, и этого актёра, на которого после указал Нильсон, он тоже не помнил, но не сомневался даже, что они известные люди, просто сам он нечасто смотрел кино, а если и смотрел, то уж точно не запоминал имена режиссёров. А вот министра, того что бывший, он видел по телевизору.

– Вы многого добились, сэр, – сказал Морис, продолжая внимательно, с нарочитым восхищением рассматривать фото.

– Конечно. – Стефан Нильсон подошёл к бару и налил себе виски. – Не составите мне компанию, детектив?

– Нет-нет, я же на службе.
– А я вот выпью, – сказал Стефан и зараз осушил бокал.
– А все агенты так богато живут?
– Это не основной мой заработок, – замялся Стефан.
– Да?
– Да, я раньше владел одним казино в Вегасе, потом продал его, купил дом.

Ни о каком казино Морис раньше не слышал, надо будет пробить по налоговой, думал он.

– А могла быть какая-то иная причина, по которой Эмма Клетчер свела счёты с жизнью?

– Не знаю никаких причин.
– Я был у неё в доме.
– Я даже не знаю, где она живёт.
– И разговаривал с её тёткой. Она мне разрешила осмотреть вещи Эммы, и я наткнулся на её записи, – соврал Морис, – знаете, девичьи записи, что-то вроде дневника. Она там писала, что её шантажирует агент.

– Она работала не только у меня. Мало ли кто её шантажировал!
– Там была речь о каких-то видеозаписях интимного характера.
– Я не знаю, о чём вы говорите, детектив.
– Какой образ жизни вела мисс Клетчер?
– Свободный, я бы даже сказал разгульный. Эти актрисы, они на всё соглашаются, понимаете? Да, я не отрицаю, я могу свести их с нужными состоятельными людьми, это шоу-бизнес, это абсолютно естественные вещи...

– Я понимаю.
– Но решение вступать с ними в связь или нет они принимают сами! Я не склоняю их ни к чему. Порой они сами ходят за мной с просьбой свести их с кем-то. И я свожу. Это взаимовыгодный обмен, все согласны, все взрослые люди.

– А где происходят эти встречи?
– Да, иногда и у меня, отрицать я не буду. Но это обычные вечеринки. После которых они могут остаться в моём домике для гостей. Не на улицу же мне их выгонять. Они же серьёзные люди, детектив.

– Конечно, не на улицу.

– Но я вас уверяю, если что-то и было, то только по обоюдному согласию двух взрослых людей.

– Значит, вы ни при чём... – попытался сбавить градус Морис.

– Конечно, детектив, при всём моём уважении к вам, вы говорите абсолютно абсурдные вещи, извините.

– Мы обязаны рассматривать все версии, сэр.

– Да-да, я понимаю, это ваша обязанность. Вы – слуга закона.

– Именно.

– И я уважаю закон.

– Я знаю, на вас ни одного штрафа.

– Во-о-т, – протянул Нильсон, – я законопослушный человек.

– Я знаю, – Морис выдержал паузу, – а что вы скажете о смерти Кларка Стюарта? Вам что-нибудь известно?

– Инфаркт или инсульт, я не помню... А что такое, детектив? По-вашему, его тоже я убил?

– Этого я не говорил.

– Но вы же пришли ко мне с этим вопросом.

– Только потому, что вы работали вместе.

– Мы были хорошими друзьями.

– Но он перестал работать с вами, сэр, а через пару лет скончался.

– А я тут при чём? – подскочил Стефан. – Мы абсолютно мирно расстались.

– Так почему он решил уйти от вас?

– Почему именно от меня? Человек решил отдохнуть, отойти от дел, я не лезу к людям с вопросами.

– Он был вашим личным юристом, а с юристами, как и с бухгалтерами, просто так не расстаются.

– Я знаю, к чему вы клоните, детектив. У меня не было никакой второй кассы или каких-либо подпольных дел. Мне совершенно нечего было бояться и уж тем более убивать Кларка. Это абсурд!

– Актрисы много платили вам за продвижение, сэр?

– Много? Всё относительно. Они могли пойти к любому агенту, но выбирали меня, они знали, что я могу сделать для них.

– А у вас были какие-то нерабочие отношения с ними?

– У меня? Нет. Мне это зачем? Благо у меня есть возможность ухаживать за другими женщинами, другого положения. А эти актрисы... – Он увидел недоверчивый взгляд детектива. – Ну хорошо,

может, было пару раз, и то по первости. А так меня тошнит от их истерик! С ними одни проблемы. Как оказалось, даже после их смерти.

– Вы понимали, что вы играли на их желании...

– Чего вы хотите, детектив? Воззвать к моей совести? Я кто, по-вашему, мать Тереза? С чего я должен им бесплатно помогать? Они мне деньги, я им кастинги, связи, знакомства. А как они потом налаживали их, эти знакомства, не моё дело.

– Не ваше, мистер Нильсон? Но разве это не похоже на, простите, бордель?

– Весь шоу-бизнес – бордель, детектив.

– Я не знал.

– Вот теперь знайте. А что касалось Кларка...

– Вы не были на его похоронах? Не помогли с организацией? – осторожно спросил Морис.

– Я? Нет, к сожалению, не был. О том, что он умер, я узнал совершенно случайно, через месяц.

– Понятно, сэр.

– Что-то ещё?

– Нет, сэр, всё, что мне нужно, я узнал.

24 глава

– Я прошу вас дать показания. В этом нет ничего предосудительного. – Морис пытался говорить спокойно и доверительно. – Вы поможете посадить мерзавца.

– На которого у вас ничего нет? – Мэри Гринвич с третьего раза закурила сигарету, затянулась и медленно выпустила фруктовый дым в уставшее лицо детектива.

– Мы не имеем права врывать в дом с обыском без весомых причин. Нужен ордер, вы понимаете? Для этого нужны показания. Тогда мы сможем изъять и видеозаписи, и весь компромат, что есть у него и на вас, в том числе. Лично я отдам вам записи с вами, если такие будут найдены. Вы будете жить спокойно. – Морис смотрел на тонкие дрожащие пальцы, что нервно подносили сигаретку к губам, казалось, они просвечивали на солнце.

– Я не намерена вам помогать, я вообще не понимаю, почему вы уже в третий раз являетесь ко мне. Кто вам дал право? Я сказала больше, чем могла сказать.

– Вы же больше не зависите от него.

– Я завишу от своего прошлого, от своей карьеры, от любви зрителей. Никто не знает, через что мне пришлось пройти, никто не любит грязи, кроме вас и журналистов.

– Я тоже не люблю, – сказал Морис, он стоял на пороге дома актрисы, она то и дело потирала нос.

– Не любите, а лезете, копаетесь в дерьме...

– Мы хотим восстановить справедливость.

– Справедливость, – рассмеялась она, – справедливость – это когда тебе дают роль за твой талант на сцене, а не в постели. Справедливость – это когда ты подростком ходишь в колледж, а не в клубы, когда ты сидишь на лекциях, а не на коленях взрослых похотливых ублюдков.

– Быть может, вы спасёте чью-то жизнь. Стефан Нильсон подозревается в убийстве и покушении.

– О! Я и не сомневалась, что так и будет. Не удивлюсь, если он кого-то замочил. Ну так расследуйте своё убийство или покушение, что там у вас, и оставьте меня в покое.

Мэри Гринвич захлопнула дверь и скрылась в доме.

Всю дорогу до участка Морис думал, где бы найти свидетелей. Он запомнил министра, что был на фото со Стефаном. Как же его звали? Лет десять назад он часто мелькал по телевизору. Впрочем, не составит никакого труда найти его. С другой стороны, связываться с политиком – это же самые скандальные и ненадёжные люди. Никого нет хуже человека, состоящего в какой-либо партии, такие люди всегда вызывали настороженность.

Был у него в колледже один знакомый, вроде бы его звали Кевин. Так вот, этот самый знакомый мог занять абсолютно любую позицию, если в том была его выгода. И боролся он за неё до конца. Сначала он был на стороне зелёных, потому что на их стороне была местная активистка, студентка выпускного курса, Мишель Паркер. Она привязывала себя к деревьям, выкрикивала лозунги в защиту природы и оскорбления в адрес тех, кто этой защиты не разделял. Она обливала зелёной краской «мясоедов», один раз под огонь попала белая «Тойота» одного из деканов, но на так называемом открытом слушании, которое проходило в самом колледже, Кевин смог защитить её. Декану же потом пришлось извиняться и за себя, и за своих коллег, кто так же, как он, носил ланч в пластиковых боксах, обрекая планету на неизбежное вымирание. Когда же Мишель покинула университет, Кевин стал бегать за другой девчонкой, которая как раз защищала бизнес-план по разработке и продаже новых моделей пластиковых контейнеров с особенной крышкой для регулировки температур. Неудивительно, что он пошёл в политику. У него был особый талант приспособленца.

Морис считал, что человек выбирает одну позицию на этапе формирования своих взглядов, лет так в двадцать – двадцать пять, и больше не изменяет ей.

До участка оставалось менее пятнадцати километров, когда кто-то подрезал его. Морис подумал, что это случайность, он был совершенно неконфликтным человеком, и машина его была совершенно не первой свежести, чтобы устраивать разборки из-за незначительных столкновений. Но только он перестроился для следующего поворота, как его подрезали ещё раз, а после стали прижимать к обочине. Морис отпустил педаль газа и остановил машину. Не прошло и пары секунд,

как двери его «Форда» открылись и к нему подсели двое неизвестных мужчин в чёрных куртках и таких же чёрных очках, один спереди, другой сзади.

Через сиденье он почувствовал ствол, нацеленный в спину. Второй, тот, что уселся рядом, сделал радио потише.

– Здравствуйте, детектив, – сказал он. Морис увидел бородатого человека мексиканской внешности с мятным запахом из постоянно жующего рта.

– Не рыпайся, – предупредили сзади.

Морис и не собирался рыпаться, он знал, что это бессмысленно.

– Что вы хотите? – спросил он.

– Ну уж точно не обокрасть тебя, – заржал бородатый тип, оглядывая бедный салон, – так и не заработали ничего, да, детектив?

Морис молчал.

– Трудная у вас работа, – продолжал говоривший, – и было бы за что умирать. Жаль убивать вас, детектив. Правда, Пабло?

– Да мне всё равно, – сказал, видимо, Пабло.

– А мне ж-а-ль, – протянул первый. – Но вы не оставляете нам выбора. Вы залезли не в ту нору, мистер Морис. Вы связались не с тем человеком. Оставьте Эмму Клетчер в покое. Не дело тревожить покойников.

– Вы люди Нильсона, – вымолвил Морис, – значит, он и в правду убил...

– Нет, мистер Нильсон хороший человек, он никого не убивал, и мы никого не убьём. Мы вообще никого не убиваем. Мы просто разговариваем.

– Вы угрожаете представителю закона.

– Мы? Пабло, убери пушку. – Пабло убрал. – Мы не угрожаем, мы разговариваем. Мы любим разговаривать с людьми. Пабло, скажи.

– Угу, – сказал Пабло.

– Не вмешивайтесь, мистер Морис, вы всё равно ничего не докажете.

– Если не докажу, почему же вы угрожаете мне?

– Мы не угрожаем, мы заботимся о вас. Экономим ваше время.

– Очень признателен, – сказал Морис.

– Вот и отлично. Пошли, Пабло, – сказал бородач, и оба вышли из машины.

Около пяти минут Бенджамин сидел неподвижно. Хотя он и был полицейским уже пятнадцатый год, но такое было впервые. Ему всё же хотелось умереть в своей постели, от старости или хотя бы от болезни, но не в своей машине от рук мексиканцев. Всё, что сейчас произошло, было больше похоже на блеф, пустое запугивание. Он выдохнул, завёл авто и поехал на работу.

Люминесцентная трубка мигала на потолке, создавая зудящий шум. Заработала, перестала шуметь.

– Надо позвать электрика, – сказала Глория.

– Он только по понедельникам, – напомнил Ронни, – сокращение ставки.

– На всём экономят.

Морис сидел в своём кресле и не мог придумать ничего, что сдвинуло бы это дело с мёртвой точки.

Глория сидела напротив, попивая кофе, который несла капитану.

– Значит, эта стерва отказала тебе? – прихлёбывала она, уставившись на Мориса своими слипшимися ресницами.

– И как ты мог поехать к этому сутенёру без меня? Я что, мешаю тебе, нет, ты скажи, Бенджи, я мешаю тебе?

Он не мог сказать, что мешает, он не хотел обидеть её.

– Это кружка капитана? – спросил Ронни. – Ну, и как наши дела?

– Он был у этого сутенёра, агентшкки, я рассказывала тебе, и даже меня не позвал.

– Как будто меня он позвал, наш Бенджи теперь сам по себе, – обиженно сказал Ронни, – а мы тут от скукидохнем.

– Надеюсь, вы никому больше не рассказывали?

– Мы? Никому...

– Я пойду отнесу кофе капитану, – сказала Глория и, отхлебнув ещё глоток, пошла относить.

– Ну, и что ты намерен делать? – спросил Ронни.

– Не знаю. Нужно, чтобы хоть одна призналась, хоть одна из них.

– Да, цепная реакция.

– Что?

– Цепная реакция, – повторил Ронни, – признается одна, признаются и другие. И тогда у тебя будет не одна жертва, а несколько. Не одно показание, а несколько схожих показаний. И общественный

резонанс. Скорее всего, они пойдут сразу в прессу. Ты тогда точно засадишь его.

– Я знаю только одну, и она не хочет давать показания.

– Конечно, не хочет. – Вернулась Глория и под села ближе к Морису. – Потому что она стерва.

– А зачем нам настоящий свидетель? – сказал Ронни.

– Ты о чём?

– Можно же поймать на живца.

Глория с Морисом непонимающе уставились на напарника.

– Вот, смотри, – придвинулся он к столу. – Глория, принеси мне кофе.

– Ага, сейчас, побежала. Говори давай, на какого живца?

– Ты находишь любую актрису и просишь её сыграть роль этой самой жертвы. Нильсон, наверное, уже и не помнит, сколько девчонок прошло через него. И необязательно ей быть известной, она может быть совсем незаметной. Ей главное – заявить о нём. Что он её использовал...

– Точно, – сказала Глория, – использовал и кинул на деньги. Поломанная жизнь, слёзы, сопли, трагедия. Она никем не стала... ни актрисой, ни счастливой женщиной.

– Верно-верно...

– Бред какой, – покосился Морис, – не пройдёт и недели, как нас раскусят.

– А нам и не нужно больше недели, – говорил Ронни. – Другие, настоящие жертвы, начнут давать показания, они восстанут против него.

– И где мне искать такую актрису?

– Можно и не актрису, – сказал Ронни.

– Хорошо, и где мне искать такую не актрису? Её ведь надо ввести в курс дела, а мы не имеем права разглашать детали дела посторонним людям. Она же разболтает всё.

– Ты прав, – почесал затылок Ронни, – нужен свой человек. О! – подпрыгнул он на стуле.

– Что?

– Возьми Глорию!

– Кого?

– Меня?

– Её?
– А почему нет?
– Она не сможет.
– Почему это я не смогу?
– Да, почему это она не сможет?
– Всё я смогу!
– Всё она сможет.
– Даже не думайте.
– В школе я играла в театральной студии.
– Ты видишь, Бенджи, она играла в студии...
– Нигде она не играла!
– А могла бы сыграть, и сыграю! – ткнула она в Мориса своим длинным ногтем. – И ты дашь мне эту роль!

– О господи!
– Не молись, не поможет, – сказала Глория и поправила причёску. Она выдержала театральную паузу, заморгала, закатила глаза и вернула их на место.

– Когда мне было шестнадцать, – начала она, – мама привела меня в театральное агентство, – на глазах Глории появились слёзы, они наполнились слезами, одна даже выкатилась.

– О нет...
– Да, Бенджи, да, – хлопал по столу Ронни, не скрывая удовольствия.

– Я была молоденькой девочкой, только окончившей школу, и не знала, какой ад меня ждёт.

– Ну всё, хватит, это не обсуждается!
Все замолчали. Морис смотрел в монитор, Ронни смотрел на Глорию, он всегда знал, что она не в себе, но чтобы настолько... А ведь и правда похожа, думал он, грызя колпачок от шариковой ручки. Глория смотрела в большой зал с огромной высокой сцены, освещённой софитами, массой мелких огоньков, рассыпанных как сверкающий бисер по лестницам, по круглому подиуму, на котором и стояла она с золотой статуэткой. Она смотрела в зал и видела тысячи глаз, восхищённых ею, тысячи людей аплодировали ей и завидовали. «Глория Фернандо, – объявили ведущие, – Глория...»

– Глория, – услышала она капитана, что с кружкой кофе стоял перед ней, – почему на моей кружке губная помада? – спросил он. Две

его брови соединились в одну, они всегда так делали, когда он сердился.

– Это твоя помада, Глория, ты пила из неё? Из моей кружки!

Глория обернулась. Капитан застыл, и замолчал, и пожалел, что подошёл. Он давно уже зарёкся не подходить к женщинам без острой на то нужды, ничего хорошего из этого не выходило.

По румяным, напудренным щекам Глории текли слёзы, тушь размазалась, а помада вышла за границы дозволенного.

– Э-э, – сказал капитан, – э-э-э, – не находил он слов, – собственно, может, это и не помада вовсе, может, мне показалось.

Он стёр пальцем малиновый след.

– И вообще, – перешёл он на Мориса, – что там с делом профессора? Он пропал или нет?

– Мы были в университете, потом у его жены. И она заявила, что муж прислал ей письмо с просьбой не беспокоиться за него. Он отправился в горы.

– Зачем?

– Подумать.

– Подумать?

– Ну, учёные думают, капитан, – сказал Морис и осёкся. Это могло прозвучать как оскорбление.

– Так и знал, – сказал капитан, – учёные – те ещё психи. Вот был у меня один знакомый ботаник... – капитан замолчал. Он подумал, что не стоило посвящать персонал в свою частную жизнь, вообще, границы и субординация – это лучшее, что могло породить цивилизованное общество.

– Значит, дело мы закрываем? – спросил он.

– Выходит так, – ответил Морис.

Капитан ещё помялся на месте, возле потёкшей физиономии Глории, крякнул в кулак и ушёл.

– Да что с тобой Глория, ты даже капитана напугала.

– Да, – протянул Ронни, – ты единственная, кого он боится.

– Я могла бы стать актрисой, – всхлипывала она.

– Все мы кем-то да могли стать. Но стали тем, кто есть. И что теперь?

– Разрешите мне, Бенджи, я хочу быть актрисой.

– Даже не думай, Глория, – встал он из-за стола, – этого не будет.

25 глава

«Нью-Йорк Таймс».

Известного киноагента

обвиняют в сексуальных домогательствах

На днях в редакцию газеты «Нью-Йорк таймс» обратилась женщина, пожелавшая остаться анонимом. По словам потерпевшей, пятнадцать лет назад, будучи несовершеннолетней, она подверглась сексуальному домогательству со стороны известного агента по подбору актёров, а ныне кинопродюсера Стефана Нильсона. Потерпевшая говорит, что была совсем юна, чтобы оценить степень опасности, которой подверг её Нильсон. Долгие годы женщина молчала о случившемся, её актёрская карьера так и не пошла в гору, а остановилась на любительских пьесах неизвестных режиссёров.

«Тогда я была совсем юна, чтобы понять весь ужас положения, в котором я оказалась. Будучи шестнадцатилетней девочкой, я думала, что делаю всё правильно. Я думала, все так делают. И самое страшное, что все эти годы я уверяла себя, что сама этого хотела». «Жертвы насилия зачастую сами убеждают себя в собственном согласии на сексуальную связь, – объясняет психолог Рита Уилсон. – Это естественная защитная реакция на чудовищные вещи, которые происходят с ними. Они не могут признаться себе в совершённом над ними насилии».

По прошествии пятнадцати лет потерпевшая решилась рассказать всю правду, чтобы и другие женщины не стыдились своего прошлого.

«Любое насилие должно быть наказано, – говорит она, – а каждый насильник должен называться таковым независимо от своего статуса и положения в обществе. Я знаю, что мой случай не единичный. Я знаю, что многие актрисы, если не все, кто вышел из «Актёрского агентства Стефана Нильсона», также были подвергнуты сексуальным домогательствам».

Пострадавшая также заявила, что в доме Стефана Нильсона проходили настоящие оргии с участием известных и богатых личностей.

«Они пользовались молодыми актрисами как трофеями, как игрушками. Среди тех людей были известные бизнесмены и даже министры».

Редакция газеты не может озвучить имена людей, о которых говорит потерпевшая. Мы начинаем собственное расследование и призываем всех жертв Стефана Нильсона найти в себе мужество заявить о случившемся.

– Не могу поверить, что вы уговорили меня на это.

Морис отложил вчерашнюю газету и отпил кофе. В кафе, что недавно открылось около участка, было немногочисленно. Он звякнул фарфорово-белой кружкой по тонкому блюдцу, Глория вздрогнула и тоже оторвалась от газеты.

– Не понимаю, почему ты ворчишь, когда всю грязную работу я взяла на себя.

– Ты не представляешь, какие последствия могут повлечь твои заявления. Они ложные, ты это понимаешь?

– Эти заявления были сделаны в интересах следствия. Помнишь, как ловили маньяка в парке?

Морис помнил, это было действительно резонансное дело. В одном из лесопарков участились нападения на молодых женщин, их обворовывали, иногда избивали. Считалось, что это дело рук одного человека, больно схожи были приметы нападавшего, все как одна. Прошло три месяца, а полицейские никак не могли подкараулить преступника. Как только они сидели в засаде, так он никак не проявлял себя. Тогда было решено переодеть полицейских в женскую одежду и отправить их прогуливаться по ночному парку. Женщин, служащих в полиции, руководство не хотело подвергать такому риску. Так, двое мужчин, одетых в женские юбки, колготки и каблуки, расхаживали по парку в полдесятого вечера. На их счастье, преступник напал на них. Они скрутили его и привезли в участок. Полиции тогда пришлось пойти на крайние меры.

– Ложных обвинений тогда не было, Глория.

– А наши обвинения не ложные, – возмутилась она. – Он же домогался их! – сказала она так громко, что бармен пролил порцию виски.

– Говори тише, Глория, – Морис показал парню за стойкой полицейский значок. Что заметно того успокоило.

– А если никто не сознается? Мы будем голословны. Он может и в суд на тебя подать.

– Так я же аноним, – удивилась Глория.

– В редакции не спросили твои данные?

– Спросили.

– Вот, значит, не аноним. Он подаст в суд на газету, они переведут стрелки на тебя. На нас, – уточнил Морис, не желая отказываться от своей ответственности.

– Бенджи, – Глория отодвинула газету в сторону и взяла его за руку, – никто не подаст в суд. Этот козёл затаится и не захочет высываться. Он же знает, что виноват.

Вернувшись с обеда в отдел, Морис с Глорией встретили Ронни.

– Отличное интервью, Глория.

– Не знаю, – изобразила она обиженную, – Бенджи всё равно недоволен.

– А он никогда не бывает доволен, – ухмыльнулся Ронни, – а, Бенджи, что тебе не так?

– Ничем хорошим это не закончится.

Дверь в кабинет капитана открылась. Капитан вышел в зал и встал перед всеми возле доски с картами местности. Он всегда вставал на это место, когда собирался сделать какое-то объявление.

– Итак, – сказал он, – сегодня мне поступил звонок из центрального департамента полиции Нью-Йорка. Человек по имени Стефан Нильсон обратился к ним с заявлением о клевете. По его словам, его неоправданно оклеветали, обвиняя в сексуальном насилии пятнадцатилетней давности. Это обвинение напечатало крупнейшее нью-йоркское издание, на первой же полосе, и распространило многотысячным тиражом.

Капитан прервался, почесал висок ручкой, огляделся по сторонам и продолжил:

– Для меня непонятно, почему жители Бронкса вдруг стали обращаться в центральный департамент, они не знают о нашем отделе? Пора заказать рекламные баннеры с социальной рекламой нашей полиции?

Морис знал, почему Нильсон обратился в центральный департамент, а не в их отдел. Тот знал, что Морис работал здесь, он хотел избежать встречи с тем, кому угрожал.

– Ну, кто возьмёт это дело? – спросил капитан.

– Мы возьмём, – ответил Ронни, – мы с Морисом.

– Отлично, зайдите ко мне.

Капитан был явно не в духе. Не то чтобы когда-то он был в хорошем его расположении, но сейчас он дышал так часто и прерывисто, что, казалось, мог извергнуться в любую секунду. Грузное, большое тело капитана село на подвижное кожаное кресло, которое сразу перестало быть подвижным, так как колёсики его уже не ездил по полу, а впечатались в него. Когда Глория заказывала кресло в кабинет начальника, то должна была указать максимальный вес, но Глорию не интересовали такие мелочи, и пришло то, что пришло.

У капитана был устало-помятый вид. Он напоминал подушку, которую не встряхнули после сна, на его затылке блестел мелкий пот, как и на лбу, как и под большим пористым носом. Он то и дело доставал из кармана смятый серый платок, протирает им испарину. Но надолго этого не хватало, она опять появлялась, он опять шмыгал носом, протирает и кряхтел. Эти ритуалы могли продолжаться несколько минут, прежде чем он сказал бы что-то. Говорить сидя ему всегда было сложнее, сидя он задыхался, но говорил.

– Итак, – начал он, когда Морис и Ронни сели напротив, – что мы знаем? А ничего. Мы, как всегда, ничего не знаем, а если и знаем, то самые последние. А почему?

Он замолчал, как будто ждал ответа, как будто на это можно было что-то сказать.

– Потому что так работает наш отдел, – ответил капитан. – Не удивлюсь, если этот человек, – он посмотрел факс, присланный из центра, – Стефан Нильсон, не удивлюсь, если он звонил в нашу полицию, но разве сюда можно дозвониться? Непонятно, что происходит с телефонной линией. Непонятно, что происходит с операторами и Глорией. Кто-то скажет мне, что происходит? – закашлялся он. – Никто не хочет работать, все пропадают целыми днями неизвестно где, а заявляются под вечер... Скажите спасибо, что нам дали это дело. А то никаких дел в последние полгода нет. Такими темпами и отдел можно закрывать. А мне ещё два года до пенсии.

Он закашлялся, отсморкался и продолжил:

– Так, что вам предстоит. Первое: найти этого анонима, или анонимку, это же женщина, да? – взглянул он ещё раз на факс, – да, женщина. Вы найдёте мне эту женщину. Узнаете, кто она, была ли она связана с этим Николасом.

– Нильсоном, сэр.

– Вот, – он тряс пальцем перед Морисом, – была ли она с ним связана. Может, её подослали, чтобы шантажировать. Любое насилие ещё надо доказать. А то сначала все счастливы и довольны, потом вспоминают, что их изнасиловали. И откуда она взялась, интересно, эта недоактриса, через пятнадцать-то лет?

Капитан достал из-под стола вчерашнюю газету и шлёпнул её перед лицом Ронни.

– Вот, я вам газетку достал. Посмотрите, что она пишет, ещё психолога приплели. Журналиги, что сказать. Не удивлюсь, если она их человек, сейчас ради сенсации они всё что угодно понаписать могут. Как вы считаете, она их человек?

– Она, – начал Морис, – она...

Ронни зажмурился.

– Что? – привстал капитан, он редко когда привставал, это был явно нехороший знак. – Что происходит? Вы что-то знаете?

– Она, – не решался выговорить Морис, – она наш человек, капитан.

– Что? – закричал он так сильно, что даже Глория услышала это «что».

– Это Глория, сэр.

– Глория? – Капитан смотрел на Мориса не моргая. – Какая Глория? Наша Глория? Что он говорит, Ронни?

– Так и есть, капитан, – твёрдо ответил Ронни, – это Глория. Наша Глория. Она участвует в секретной операции, под прикрытием.

– Под чем? – завопил капитан и шмякнулся в кресло. – Нет, я не выйду на пенсию, – схватился он за сердце, – я не доживу.

– Глория, принеси воды, – крикнул Ронни.

– Не-е-т, – закричал капитан, – я видеть её не хочу, она меня до смерти доведёт!

Глория вошла в кабинет и поставила стакан с водой перед вымокшим от возмущения капитаном.

Все трое молча ждали, пока тот осушит стакан, протрётся от проступившего пота и протянет привычное:

– Та-а-к, идиоты! И кто мне ответит, что здесь происходит?

– Позвольте мне, капитан, – начала Глория.

– Ты, – замахал он на неё, – ты, женщина, лучше молчи!

– У нас есть свидетель, капитан, – сказал Морис, – и не просто свидетель, а жертва насилия Стефана Нильсона. Её в действительности изнасиловал этот самый Стефан, пятнадцать лет назад.

– И не только её, – встрял Ронни, – он всех склонял к этому, всех, кто вышел из его агентства.

– Одну даже до самоубийства довёл, – не выдержала Глория.

– А всех других шантажировал, грозясь распространить интимную информацию, фото, видеозаписи с потерпевшими, сэр.

– А Глория здесь при чём?! При чём здесь она?! – завопил капитан. – Это тебя насиловали?

– Нет, сэр.

– Может, шантажировали?

– Нет, сэр.

– Значит, ты никак не связана с этим Николсоном?!

– Нильсоном, капитан, – исправила его Глория.

– Я сейчас её убью! – потянулся он через стол.

– Не волнуйтесь, капитан, – попытался успокоить его Морис.

– Чья, – задыхался капитан, – чья это идея? Твоя, Морис?

– Это моя идея, – сказал Ронни.

– Это наша идея, капитан. Послушайте, мы надеемся, что после заявления Глории, анонимного заявления, сэр, и другие пострадавшие сделают то же самое, они признаются...

– В чём? В том, что их изнасиловали? – капитан уже сорвал последние остатки и без того хриплого голоса и кричал осипшим шёпотом. – Да кто в этом признается? Через пятнадцать-то лет!

– Мы думаем...

– Вы не можете думать, чтобы думать, нужны мозги, – стукнул он кулаком по столу, – а у вас их нет! Вы безмозглые, все трое. Вы запятнаете своё имя, да к чёрту вас, вы запятнаете моё имя. Вы мои сотрудники, без моего ведома... да кто вам разрешил? Разве я отдал приказ?

– Нет, сэр.

– Разве вы меня предупредили? Поставили в известность? У нас пока не частное детективное агентство! Хотя такими темпами, я думаю, недолго осталось. Мы работаем на государство. Вы дискредитировали меня. Что будет, когда он, этот Нильсон, узнает, кто был заявителем? Даже не актриса, не пострадавшая, а служащий полиции! Это же лжесвидетельство! За это и срок можно получить. Зря я купил себе лодку. Я уже понял, где встречу пенсию, – он встал из-за стола и начал расхаживать по кабинету, – да, на нарах. Точно, там и умру, среди тех, кого посадил.

– Но позвольте, капитан, – перебил Морис.

– Ты уволен! И ты уволен! И ты уволена! Вы все уволены! Рапорт, значок, заявление мне на стол и вон из моего кабинета!

26 глава

– Твою же мать! – Чарли Беккер лежал в кровати. – Твою же мать! – и смотрел в потолок. – Это сон, сон, – бил он себя по щекам. – Этого не может быть, – надкусил он губу, перевернулся и уткнулся в подушку.

Он мычал в нее так же громко, как Джордано мычал в носок в багажнике «Мерседеса» С класса, того «Мерседеса», что Чарли оставил вчера на парковке возле здания аэропорта, того «Мерседеса», что сейчас стоял за окнами дома, напротив дома Саманты Стюарт, которую он убил вчера.

– Проснись, – кричал он в подушку, – проснись, – кричал он себе. – Проснись, проснись, проснись! – бил он по подушке кулаком.

Чарли сбросил одеяло, он весь горел, всё в нём горело, каждая жилка, каждая клетка его напряжённого тела. Никогда ещё он не был так напряжён. Он встал с постели, простыня пропиталась его потом, будто он обмочился, как тогда, в девять лет. Он обмочился в постели, когда на ферму нагрянули воры, убили отца и что-то делали с матерью, а потом они ушли, перестреляв всех свиней. Мать прибежала, поправляя халат, прикрывая грудь, подошла, улыбаясь, к Чарли. «Всё хорошо, – сказала она, – всё хорошо, я поменяю постель». На кухне лежал мёртвый отец, а мать меняла мокрое бельё, потом помыла пол и прибрала весь дом. Он любил свою мать.

Чарли Беккер встал с мокрой постели и начал расхаживать по комнате. Пистолет лежал на тумбе. Чарли открыл шкаф, комбинезон висел в шкафу. Он сорвал его с вешалки и бросил на пол.

– Я же не заснул, не заснул в самолёте! Или заснул? – попытался он вспомнить. – Я не долетел до Сиэтла, до двадцать седьмого августа...

Сейчас его совсем не волновал пистолет на тумбе, как и комбинезон на полу, как и Саманта Стюарт в доме напротив, в спальне своего дома расчёсывающая волосы сверху вниз, сверху вниз. Его волновал лишь он сам, лишь он сам был для себя и Самантой Стюарт, и узколицым Джордано, и любым другим важным заказом. Нет, он был важнее любого другого заказа, он был важнее Сиэтла и Вегаса, он был важнее любых грязных денег, которые он так и не сможет потратить.

На кой чёрт нужны деньги во сне? Или где он там был. Он не знал, где он был, он ходил по комнате, вцепившись в волосы мокрыми пальцами, он ходил по комнате, смотря в потолок, он вдыхал, и воздух не пропускали лёгкие, грудь сдавливала лёгкие, это был нервный спазм.

Чарли подпёр стену и тихо сполз по ней.

«Мне не нужны эти деньги, – думал Чарли, – мне не нужен этот заказ, мне не нужна Саманта Стюарт, мне нужен завтрашний день. А сегодня проклятый день, точно проклятый, как и эта Саманта Стюарт, как и эти проклятые деньги».

– Бог оставил меня, – плакал Чарли, – Бог сегодня оставил меня, в этом дне, в этой жизни, в этом проклятом доме, чтобы каждое утро я смотрел из окна в окно спальни Саманты Стюарт. Смотрел, как она расчёсывает волосы, как запахивает халат, а потом шёл убивать её. Каждый день я должен убивать её, каждый день, и так всю жизнь. Я не хочу убивать, – плакал Чарли, – я так больше не могу.

Чарли вытер лицо, шею и пошёл в душ. Холодные струи слабого душа быстро стекали по красной спине. Он подставил горячую голову, он мыл горячую голову, готовясь пойти к нему.

– Я приду к тебе, – бормотал он сквозь струи, – я приду к тебе, и тыпустишь меня.

Он выключил душ и взял полотенце, мелкие петли которого жадно вцеплялись в капли, осушая дрожащее тело, наполняясь его влагой. Голый Чарли Беккер вышел из ванной комнаты, надел бельё и новый костюм.

К дому Саманты приехал Джордано, когда Чарли вышел на улицу. Он знал, куда ему нужно, там принимают всех.

Церковь Святого Франциска находилась в десяти минутах езды, но Чарли решил идти пешком. «Пешком будет лучше, – думал Чарли, проходя мимо дорогих особняков, небольших продуктовых магазинов и частных школ, – пешком я вроде как иду к Богу, а не еду к нему».

Невысокое белое здание виднелось из-за тесно посаженных крон. Они переплетались ветками, породнились листьями, так что уже и непонятно было, где чьё. Службы сегодня не было, день был рабочий, о службе Господу принято помнить в нерабочие дни, после основной своей службы. Сначала босс, потом Бог, и так каждую неделю. Чарли остановился возле входа в церковь. Чарли никогда и не ступал за порог

дома Божьего, но всегда считал себя сыном Божиим, просто очень занятым сыном. Сыном, которому было стыдно перед Отцом за работу, которую он выбрал, но на то он и Отец, чтобы принять каждое своё дитя. «Ведь все мы по подобию его», – думал Чарли, держась за ручку массивной двери. Недолго поговорив с собой, он всё же открыл её. Рассеянные лучи, будто в размытом фокусе или растушёванные кистью на тёмном льняном холсте, проходили через высокие окна витражных стёкол, на них Иисус раскрывал объятия, пропуская свет сквозь себя, через себя, на каждого, кто придёт к нему. И даже на Чарли. Чарли увидел свет. Он увидел высокую люстру со свечками, низкие скамьи и кафедру, и больше не увидел никого.

– Никого нет сегодня, – услышал он за спиной и обернулся.

– Никого?

– Только ты, сын мой, – сказал человек в чёрной сутане.

– Только я, – ответил Чарли.

Человек в чёрной рясе смотрел на Чарли. Чарли почудилось, будто тот уже знает его, всё о нём, словно и не надо ничего объяснять.

Как-то мать сказала Чарли, что в каждом живёт добро, и в доме Божьем добро каждого видно сразу. «Тело твоё здесь прозрачно, а душа обнажена перед Господом, перед ликом Сына Его, её видно насквозь светом Божиим, что исходит с небес в стены каждой из церквей», – так говорила мать, так думал и Чарли.

– Бог всегда слышит нас, – сказал священник. Он не перебивал мысли пришедшего, он позволял каждому говорить с собой.

– Всегда?

– Конечно, сын мой.

– Даже, – Чарли замялся, – даже когда мы делаем зло?

Святой отец замолчал, казалось, и Бог замолчал, ещё громче замолчал, чем тогда, когда мать рыдала над телом отца.

– Зло, сын мой? – переспросил священник.

– Зло, – повторил Чарли.

– Когда мы делаем зло, божественный свет покидает нас, но Бог всё видит. Когда мы понимаем, что совершили зло, мы встречаем Господа, который смотрит на нас. Отойдя от зла, мы впускаем божественный свет.

– Я не могу перестать, мне так плохо, – трясся Чарли.

– Нужно молиться, сын мой.

– Молиться?

– Только в молитве спасение, – отец взял Чарли за руки, – повторяй за мной: Отче наш, сущий на небесах... – начал святой отец.

– Отче наш, – шептал Чарли.

– Да святится имя твоё...

– Да святится имя твоё...

– Да придёт царствие твоё; да будет воля твоя и на земле, как на небе; и прости нам грехи наши, ибо и мы прощаем всякому должнику нашему; и не введи нас в искушение, но избавь нас от лукавого.

– Избавь от лукавого, – закончил Чарли.

– Повторяй молитву перед сном.

– Перед сном? – от одной мысли о возможном сне Чарли затрясся ещё сильнее. – И всё? Только молитва?

– Нет, сын мой, молитва лишь помощь тебе, помощь в свершении добрых дел.

– Добрых дел?

– Да, сын мой.

– Не делать зла это тоже добро?

– Конечно, сын мой, ты хочешь поговорить об этом?

– Я? Нет, не хочу.

Чарли выпустил руки из рук священника и попятился назад, спиной к дверям церкви.

– Нет, не сегодня, – сказал он, пошатываясь.

– Может, завтра? Ты можешь прийти в любой день, двери церкви всегда открыты для тебя, сын мой.

– Завтра? – Чарли истерично захохотал. – Завтра? Нет, – перешёл он на нервный шёпот, – нет, завтра мне нужно быть в Сиэтле.

– Успокойся, сын мой, – святой отец перекрестил его. – У тебя жар?

– Жар? – Чарли потрогал лоб. – Да, у меня жар, – его голос не переставал издавать тихий смех, – да, у меня жар, – смеялся голос Чарли.

Он начал рыться в карманах брюк, в карманах каждого брюк он носил деньги. Он достал несколько сотен и положил на скамью.

– Вот, – сказал он, вытирая лоб, – вот это пожертвование.

– Спаси тебя Бог, сын мой, – сказал святой отец.

– Спасибо, отец, – кланялся Чарли, – спасибо, – открыл он спиной тяжёлую дверь.

– Молись, сын мой, молись, и Бог услышит тебя.

– Отче наш, – стал повторять Чарли, выйдя из церкви, – да святится имя твоё, – переходил он через дорогу, – да придёт царствие твоё, – шёл он по улице к дому, – да будет воля твоя и на земле, как на небе, и прости нам грехи наши, ибо и мы прощаем всякому должнику нашему; и не введи нас в искушение, но избавь нас от лукавого... Избавь нас от лукавого, избавь, – повторял Чарли.

Он не убьёт Саманту Стюарт, он вернёт деньги за этот заказ и скажет, что всё пошло не по плану, что его засекли. Пусть её убьёт кто-нибудь другой. Только не он, только не он...

27 глава

На следующий день после увольнения Морис пришёл забрать свои вещи. Всё было как он и думал, одни сочувствующие взгляды, искривлённые натужные улыбки.

Вещей не так много: пара блокнотов, ручки, ещё что-то по мелочи. Глория вчера, выходя от капитана, сказала, что откроет своё агентство, детективное, и возьмёт их с Ронни. Это прозвучало как угроза, настолько решительной она была. Ронни ещё не разобрал свой стол, он так и стоял нетронутый, с кучей бумаг, отчётов, вчерашним надкусанным пончиком и недопитой колой. Наверное, он всю ночь пил в баре. Морис поморщился, как представил, с каким похмельем тот сейчас встаёт. Наверное, он под душем, приходит в себя.

В отдел спустились лаборанты. Увидели Мориса. После того случая с заколкой они так и думали, что он уйдёт. Каждый, у кого поехала крыша, рано или поздно уходит. Один из них поднял руку, другой кивнул, мол, всё будет хорошо, мы так, конечно, не думаем, но ради тебя соврём. Морис тоже поднял руку, как бы прощаясь со всеми. Взял коробку с ненужным хламом и направился к выходу.

– Морис, – окликнул его кто-то из операторов, – тебя к телефону, переключаю вызов на твой.

Морис вернулся к столу, ожидая дрожания трубки. Она задрожала, он взял.

– Детектив Бенджамин Морис слушает.

– Алло, – раздалось на том конце, – детектив? Это вы приезжали ко мне?

Морис не понял, кто это, он пытался собрать свои мысли и вспомнить, к кому он и когда приезжал.

– Это мадам Ланье, – голос в трубке дрожал и чуть не сорвался на плач.

– Мадам Ланье, – вспомнил Морис, – Инес Ланье? Что случилось? Как ваш муж?

– Мне нужно поговорить с вами, детектив, боюсь, вы рассердитесь на меня, но... – она не могла говорить, – человек, который любит... я верила в него, понимаете?

Морис ничего не понимал.

– Вы в безопасности, мадам? Где вы находитесь?

– Да, со мной всё хорошо, я дома.

– Я приеду к вам.

Он повесил трубку.

Закинув коробку на заднее сиденье «Форда», он вдарил по газам. Если на этой колыхаге вообще можно было «вдарить». Он нажал, а она уж пошла как пошла, плюясь выхлопными газами, трясясь всем металлическим телом. Как-то Морис вызывал домой сантехника. Тот пришёл в жилете с большими карманами, в каждом из них что-то звенело, что-то металлическое и клацающее, а когда он спускался по лестнице, то звенел уже сам, весь, целиком. Так и его «Форд» звенел, перестукивая всеми составляющими. Морис привык к этому звуку, будь у него тихая машина, неизвестно ещё, о чём бы он в ней думал. Ему порой казалось, что все депрессивные люди вылезают из таких тихих, дорогих машин. В таких машинах не нужно прислушиваться к амортизаторам, колёсам и двигателю, в таких машинах, тихих и удобных, люди прислушиваются к себе, а ничем хорошим это не заканчивается.

Мориса встревожил звонок миссис Ланье. Неужели что-то случилось с её мужем? Но если бы его нашли, скажем, мёртвым, то об этом бы уже сообщили. Может, ей кто-то звонил? Морис вспомнил, что его отстранили. Но что ему будет? Не уволят же его повторно.

Миссис Ланье встретила Мориса у дверей своего дома, она так и стояла на пороге, ожидая его. Её длинное платье колыхало ветром, она укутывалась в вязаную шерстяную кофту, приглаживая спутанные волосы. Морис не знал, сколько ей пришлось так ждать, и оттого ему стало неловко.

– Не волнуйтесь, – сказала мадам, когда он поравнялся с ней, – я вышла только подышать.

Голос миссис Ланье был заметно спокойнее, чем час назад в телефонной трубке. Кажется, она сдерживала себя, своё волнение и какой-то испуг.

– Мне очень неловко, – сказала она, – вы приезжаете уже второй раз, – она посмотрела на машину Мориса, – и даже не на служебной машине.

– Ничего, мадам. Ваш муж как-то обозначил себя? Есть какие-то новости, он не писал вам больше?

– Пройдёмте в дом, – сказала она и открыла дверь.

В доме с тех пор ничего не изменилось. Всё тот же уют, те же диваны, на один из которых Морис и сел. Миссис Ланье села напротив, их разделял небольшой журнальный столик, купленный, наверное, лет тридцать назад. Всё здесь было несовременное, обои в цветочек уже выгорели, оставляя лишь местами яркость рисунка. В углу стоял торшер с бахромой, чуть подальше – письменный стол. Быть может, за ним и работал учёный.

– Так он не писал вам больше? – переспросил Морис, когда уже понял, что можно начать разговор.

Мадам улыбнулась и как-то наклонила голову, она смотрела на свои руки, перебирала пальцами, теребила платье, в котором была.

– Он не писал мне больше, – она замолчала и посмотрела в окно, – он вообще не писал мне, детектив.

Морис ничего не понял. Она заметила его растерянность.

Она встала и подошла к окну, ей было стыдно сидеть напротив этого честного детектива, она ещё тогда поняла, что честного, она сразу понимала людей. Только поэтому и позвонила ему. Местные полицейские ей совсем не понравились. Они приехали тогда к ней будто на работу, опросили и уехали. Конечно, это и была их работа, никакого сочувствия она тогда не увидела. А этот господин в плаще был столь учтив и тактичен. Она всё ещё смотрела в окно, на желтеющие листья ветвистых дубов, на приземистые домики и редких прохожих.

– Как-то муж сказал мне, – начала она, – Инес, если я исчезну, значит, у меня получилось. Когда он исчез, я разволновалась, подняла панику. Вы бы тоже подняли панику, если бы у вас исчезла жена. Правда, господин Морис?

Морис подумал, что был бы рад, если бы она тогда исчезла, но не сказал этого, а лишь утвердительно покачал головой. Вообще, когда тебе изливают душу, лучше всегда утвердительно качать головой. Вот так, как бы говоря, я понимаю вас, я сочувствую вам, я такой же, как вы.

– Так вот, он исчез, и в одно утро я подумала, что у него получилось.

– Что получилось, мадам?

– О, вам не понять. Я подумала, может быть, у него получилось исчезнуть в этом промежутке времени и появиться в другом, понимаете?

Морис не понимал.

– Это не так сложно, как кажется, – продолжала она, – и физика к этому готова, все к этому готовы, это лишь вопрос времени.

– Вы говорите о путешествии во времени? – не веря себе, переспросил Морис.

– Да, вы понимаете, это не фантастика, и муж много говорил со мной об этом.

Бедная миссис Ланье! За всю свою многолетнюю практику Морис видел немало вот таких людей, потерявших мужей, детей, близких. Каждый из них после нахлынувшего отчаяния начинал успокаивать себя чем-то. Кто-то говорил, что муж любил путешествовать и, скорее всего, ушёл в экспедицию, не предупредив. Кто-то решал, что сын давно хотел уйти от жены, и вот, наверное, ушёл, но пока не решился познакомить семью с новой избранницей. Все пытались найти логическое объяснение, и многим удавалось, даже Морис принимал их фантазии за один из возможных вариантов. Быть может, так и было, чей-то муж ушёл в экспедицию и не сказал об этом, другой завёл вторую семью и тоже промолчал. Но чтобы путешествие во времени... Наверное, эта мадам совсем плоха. Но у каждого своё сумасшествие. И Морис не мог мешать тому, он не переубеждал никого. Их фантазии вроде самоизлечения, психологической терапии, которую они придумали себе сами, это нормально, это даже хорошо. Мозг не в силах вынести правду этой реальности и потому придумывает себе другую, вторую, реальность, в которую так старательно верит.

– А то письмо я написала сама, – сказала она.

– Сами?

– Да, детектив. Я думала, он вернётся или подаст знак. Может, пришлёт письмо...

– Из другого времени?

– Вы думаете, это невозможно?

– Я такого не говорил, мадам. Я плохо разбираюсь в физике.

– Но он так и не подал знак, быть может, он действительно пропал, быть может, это никак не связано с его практикой. Если

случилось несчастье...

– Ни у нас, ни у вашей полиции нет никаких следов, мадам, – попытался успокоить её Морис, – если бы случилось что-то страшное, убийство или похищение, мы бы уже узнали об этом. Может, он и правда куда-то уехал, не предупредив вас? Я слышал историю, как один учёный ушёл в лес, построил там себе хижину и так и жил, пока через три года на него случайно не наткнулись спасатели, они даже спасали не его. Но совсем случайно поймали радиосигнал... Надо сказать, что он не захотел возвращаться.

– Я понимаю, о чём вы говорите, детектив.

– Не хочу сказать, что он ушёл от вас...

– Он был верным мужем и очень любил свою кафедру, университет, он читал лекции, занимался теорией времени... Ему нечего делать в лесу. Он человек цивилизации, современной цивилизации, мистер Морис.

– Я понимаю. Расскажите подробнее, чем занимался ваш муж.

– Всю свою жизнь он занимался изучением теорий Эйнштейна. Здесь неподалёку дом учёного.

– Да, мне говорили.

– Эйнштейн как-то сказал, что разделение между прошлым, настоящим и будущим – всего лишь иллюзия. Учёный говорил, что физика определяет время как то, что измеряется часами. По сути, это человеческая выдумка, на самом деле его нет.

– Нет, мадам?

– Нет, – она повернулась к Морису, – прошлое, настоящее и будущее находятся в одном пространстве. Но Эйнштейн не знал, он не мог доказать, как они взаимодействуют друг с другом. До сегодняшнего времени считалось, что только прошлое может изменить настоящее, а не наоборот.

– Вроде бы эффект бабочки, – что-то припоминал Морис.

– Да, – улыбнулась Инес, – но мой муж доказал и обратное.

– Что именно, мадам?

– Он доказал, что и настоящее может изменить прошлое.

Морис не смог скрыть улыбки.

– Я понимаю, это звучит неправдоподобно. Но вы только подумайте, как бы всё обернулось, если бы, находясь в настоящем, мы могли исправить ужасы прошлого.

– Но разве тем самым мы не изменим настоящее?

– Нет, мы изменим одну из вариаций нашего прошлого. Настоящее останется таким же, изменится лишь прошлое. Неужели вам не хотелось что-то изменить?

Морис вспомнил себя в машине, ему было пятнадцать, рядом сидел отец.

– Сейчас даже психологии это по силам, не говоря уже о физике.

– Психологии это по силам?

– Конечно, я вам как психолог говорю.

– Вы психолог, миссис Ланье?

– Да, и представьте, на меня моя же психология не действует, – улыбнулась она, – никак не могу себя успокоить.

– Хорошо, если всё так, как вы говорите, но прошлое у нас в голове.

– Всё, что у вас в голове, детектив, можно перезаписать.

Он смотрел на неё непонимающе.

– Что вас тревожит? – спросила она.

– Много лет назад я совершил ужасное. Не специально, так получилось, – он вспомнил, что приехал совсем по другому делу, – простите, мне нужно побольше узнать о вашем муже.

– Подождите, детектив, – она взяла его за руку, – расскажите мне всё.

28 глава

Только с отъездом Конни я понял, что у меня нет друзей. Совсем нет, ни одного. У Конни было много знакомых, но они не общались со мной. Только сейчас я понял, что он делал мне одолжение, жалел, что ли. При любом случае он говорил: «Кто, если не я». Наверное, то же он говорил и обо мне, когда его спрашивали, если спрашивали. Могли и не спросить. Мало кто замечал меня, я как-то поздоровался с учительницей физики, она учила нас два года назад, потом дали новую. Она тоже поздоровалась, а после спросила: «Я вас знаю?» Я сказал, что учился у неё, и делал лучшие лабораторные, она долго прищурилась, всматривалась, ковыряла старую память, потом улыбнулась и сказала «Да». А я понял, что нет, что она ничего не вспомнила, но тоже сказал «да» и закивал. Меня никто не замечал. Конни как-то сказал, что мне надо в разведчики, он как раз читал тогда про них, и сказал, что я бы отлично подошёл на роль, что в этом деле выгодно быть незапоминающимся. Чтобы тебя ни за что не вспомнили и черты не описали, даже под пытками. «Ни у кого нет такого лица, как у тебя, – говорил Конни, – у тебя лицо, как у всех, но ни у кого такого нет».

Все мои одноклассники жили какой-то своей взрослой жизнью, и только я жил непонятно какой. Непонятно, в каком я находился возрасте. Нет, я понимал, что завтра мне должно стукнуть пятнадцать, но никак не мог ощутить себя в этом. Старшая школа напоминала ярмарку тщеславия, каждый пытался в чём-то да выделиться. Ребята проводили закрытые вечеринки, вступали во всевозможные клубы. Клуб по защите тигров или белых медведей, клуб для любителей моды, техники, авто. В них вступали через знакомых, в общем, я никуда не вступал.

В старшей школе мало кого забирали родители. Каждый день кто-то да сдавал на права, а на следующий день приезжал на новом авто, или старом авто, их с лёгкостью можно было купить на полицейском аукционе за бесценок. Свой автомобиль стал для ребят символом взрослой жизни. Парни на спортивных карах днём подвозили девчонок до школы, а вечерами собирались за городом на гонки. Я после школы ехал домой. На всё том же школьном автобусе. На котором добиралось

ещё несколько таких же ребят, как и я. Мне тогда казалось, что даже водитель смотрел на нас с сочувствием и подбадривал с каким-то наигранным весельем – ну давай, парень, до завтра/не скучай/хорошего дня... и всё в этом духе.

Я не просил отца купить мне машину, я вообще редко о чём просил. Я знал, что мне подарят завтра, примерно догадывался. Я думал, это будет какая-нибудь медицинская энциклопедия или очередной инструмент. Весь год я хотел поговорить с отцом, но не знал, как начать. За ужином была брюссельская капуста, батат и мясо на пару. Мать впала в новую заикленность – она не отходила от плиты, постоянно готовила, а потом убиралась. Да, она постоянно что-то протирала, а потом расстраивалась от отсутствия пыльных поверхностей. Как-то раз она пошла к нашим соседям с полным ведром тряпок и моющих средств. «Я слышала, у вас грязно, – сказала она, – разрешите мне убрать». Больше эти соседи с нами не здоровались, а мама так и не поняла почему.

Отец говорил, что организм человека иногда сам знает, как излечиться, если он подхватит занозу, то со временем сам вытолкнет её. Может, и психика могла самоизлечиваться, я не знал. Но мне кажется, она пыталась, не мама, а её психика, сама по себе, она пыталась избавиться от стресса, успокоить себя. Мы не мешали ей. На столе я заметил коржи. На подоконнике свежие фрукты. «Это на завтра», – сказала мама. Я сообщил отцу, что мне нужно с ним поговорить. Отец сказал то же самое. Мы пошли в мою комнату.

– Понимаешь, сын, – начал отец, садясь на кровать, – присядь, так будет лучше.

Я присел. Вот это «так будет лучше» совсем меня не успокоило, а скорее напрягло, когда говорят «так будет лучше», как правило, лучше уже не будет. Но я ждал отца. Слушал, как он молчал. Он тогда долго молчал. «Неужели они собрались разводиться?» – подумал я. Он не мог так поступить с матерью, я не знаю, почему так подумал, может быть, от страха, что вся забота о ней теперь ляжет на меня.

– Ты же не собираешься бросить маму? – спросил я.

Отец округлил глаза.

– С чего ты взял? Конечно, не собираюсь.

– А о чём ещё можно серьёзно говорить? – удивился я.

Тема разводов невольно засела в мою голову. В нашем классе трое отцов ушли из семей, а в параллельном из семьи ушла мать. Тогда же, проходя мимо учительской, я случайно подслушал разговор. Две учительницы математики и один учитель химии спорили о правах женщин и мужчин. Имеет ли право мать уходить из семьи, и что это за мать в таком случае – так рассуждал один женский голос. Вторая учительница говорила о равных правах и о том, что ребёнок считается общим и, если уж отцам свойственно взваливать всё на женские плечи, почему бы и женщине, хоть одной женщине, не взвалить всё на мужские. Учитель химии только раз предложил всем чаю, а всё остальное время молчал. Правильно, я бы на его месте тоже молчал. Рассуждать о праве женщины в присутствии женщины можно только в выгодном для них ключе, а тут каждая занимала противоположную позицию, и не приведи господи встать на чью-либо сторону.

Я не знаю, почему думал об этом тогда, может, потому, что отец до сих пор молчал. Его острые скулы были неподвижны, губы поджаты, глаза читали невидимый текст, будто перебирая слова.

– Так о чём ты хотел поговорить? – спросил я.

– О сексе, – отрезал он.

Я поморщился.

– Ничего в этом такого нет, – сказал отец, – ты уже взрослый, тебе завтра пятнадцать. Я не хочу каких-либо проблем.

– И я не хочу, – сказал я.

– Ты знаешь, что нужно думать о защите.

Я кивал.

– Если тебе не хватает карманных денег, – он достал смятые купюры из кармана брюк и положил их передо мной, – думай о защите, – ещё раз повторил он и строго посмотрел на меня.

Я вздохнул. Я и близко не был к тому, от чего мне предстояло защищаться, совсем не был, ни на шаг. Прошло шесть лет после того разговора, когда мне пришлось последовать его совету. Тогда вокруг меня было много советчиков, это был колледж, третий курс, и я был единственный, кто слушал, как надо. Все другие защищались уже по нескольку лет.

– Я не об этом хотел поговорить, – начал я.

– А о чём? – удивился отец.

– Я не хочу быть врачом, я не смогу, – я говорил это шёпотом, уставившись в пол.

Отец тоже посмотрел на пол.

– Надо уже сменить этот ковёр, – сказал он.

– Я не смогу как ты.

– Хорошо, – сказал он и вздохнул. Он сложил руки домиком и уткнулся в них подбородком. Поджав губы, отец смотрел куда-то в окно.

– И кем ты хочешь стать? – спросил он после долгого молчания.

– Наверное, полицейским.

Он посмотрел на меня.

– Ты думаешь, это легче?

– Тогда, в больнице, отцу Конни было легче, чем тебе.

– Это не так. Раймонд переживал не меньше моего.

– Но её жизнь зависела от тебя, – я осёкся и сразу же пожалел, что так сказал. Я не обвинял его в смерти Лесли, а сказал так, будто обвинил.

– Не всё зависит от нас, Бенджи, не всё и не всегда.

Отец встал с кровати и поправил штаны.

– Завтра важный день, – сказал он, – ложись спать.

Он небрежно провёл рукой по моим волосам и потрепал по затылку.

29 глава

Через мутные стёкла прямоугольных фар на меня смотрели жёлтые огни. «Пежо» 1975 года выпуска тёмно-вишнёвого цвета стоял возле нашего гаража.

– Эта машина премиум-класса, – сказал отец, – её выпустили в том же году, – он улыбнулся и обнял меня, – в котором выпустили тебя.

Это была не просто машина, отец выбирал её для меня, неизвестно сколько он ещё держал её на стоянке, чтобы вот так под утро пригнать к дому. Четырёхдверный седан, почти трёхлитровый двигатель, сто сорок пять лошадиных сил. Я не верил, что это мне, да и кто бы поверил. На ней даже следов покраски не было. Я обходил машину со всех сторон: хромированные бампер, молдинги, зеркала, ручки блестели так, что в них можно было смотреться как в зеркало. Мне казалось, я опьянел, голова чуть кружилась, в глазах затуманилось.

– Дверь-то открой, – сказал отец, – сядь, примерься. Как тебе?

Как мне? Как могло быть мне... Мне было тогда так хорошо. Я, помню, посмотрел на него и не увидел даже.

– Ну ты даёшь, – сказал отец. – Ну ничего, – подошёл он ко мне, – когда тебе было четыре года, мы с мамой подарили тебе лошадь-качалку, ты вот точно так же ревел.

Нет, я ревел не так же, тогда я испугался этой лошади, а сейчас... хотя, может, он и прав, да, отец был прав, сейчас я тоже испугался, только чего-то другого, не машины, а того, что она несла, – взросления, уважения ко мне как ко взрослому... Я и представить не мог, как на меня посмотрят одноклассники, я боялся этого взгляда. Но больше всего я боялся отца, который почему-то верил в меня, он не купил мне тогда развалюху, а мог. Он верил, что я научусь и не попорчу краски, и от его веры становилось ещё страшнее.

– Садись-садись, прокатимся, – сказал отец.

Он уже сидел в машине. Я открыл тяжёлую дверь, она с лёгкостью поддалась, сел на кожаные скрипучие кресла, это была настоящая кожа, шоколадно-коричневого цвета. Как она пахла! Мы никогда не жили богато, и я не знаю, почему отец решил начать с меня. Он сдал назад и выехал со двора. Я совсем не умел водить, как и

любой подросток, я интересовался машинами, и даже мысленно сдавал на права, листал справочник дорожных правил, но до практики так и не дошло. Как легко она шла, совершенно бесшумно. Отец включил радио, я осматривал панель. Я тогда решил, что если уж ездить, то на дорогих машинах, в них и чувствуешь себя по-другому, в них и ты другой. Мы дали круг по кварталу и вернулись домой.

Каждое утро, перед школой, и каждый вечер перед сном я приходил в гараж, чтобы посидеть в ней. Один раз я даже заснул в машине и проснулся только от тупого стука по стеклу.

– Я тебя по всему дому ищу, – сказал отец, – вылезай из машины и бегом к себе в комнату.

Целый месяц я учил теорию и сдал наконец на ученические права. С этого дня я имел право садиться за руль. Каждый вечер я ждал отца с работы в надежде, что он покатается со мной, и каждый вечер он приходил таким уставшим, что еле доходил до кровати. Второй хирург был в отпуске, и отец отработывал за двоих. Мать сказала, что очень рано мне купили машину, что таким маленьким мальчиком, как я, за руль садиться не положено. На что отец возразил, мол, пятнадцать – вполне себе нормальный возраст. А мать удивилась: при чём здесь пятнадцать, когда нашему мальчику только... Она замолчала и начала складывать что-то в уме. Мы переглянулись с отцом и ничего не сказали. Все эти годы мать жила как в тумане, она могла и не заметить этого времени, если не следить за временем, как же его тогда считать. Нет, маме не стало лучше, все те дни, что она была почти с нами, она вроде как делала вид, очень странно, как человек в таком состоянии может делать вид, но она и правда старалась.

– Как пятнадцать? – вполне искренне удивилась она.

– Ну, ты сама посмотри на него. Усы уже растут. Напомни мне купить тебе бритву, сынок...

– Напомню, – сказал я.

– А где ж я была? – удивилась мама.

– В своей комнате.

Мама замолчала, и отец замолчал, ему стало неудобно от своей грубости. Он медленно доедал готовую курицу, купленную в супермаркете, и закусывал её резиновым рисом.

Весь вечер так и просидели, жуя.

Утром отец стащил с меня одеяло.

– Вставай, – сказал он, – хватит дрыхнуть, поехали.

Я слетел с кровати. На ходу надел брюки и свитер, впрыгнул в старые кеды и уже мчался во двор. Отец сидел на пассажирском сиденье. Я остолбенел.

– Садись-садись, – рассмеялся он.

Я сел, закрыл дверь, поправил окна, отодвинул-придвинул сиденье.

– Давай же, трогай, – торопил отец.

Спустил ручник, завёл машину, отпустил педаль тормоза, нажал газ. Она тронулась. Поехала сама. У меня вспотели ладони, и, кажется, разболелся живот, я чувствовал, как не хватает воздуха.

– Ну чего ты вцепился в руль, – разжимал мои руки отец, – расслабь хватку и сам расслабься.

Легко было сказать – расслабься, вся спина тогда взмокла, руки скользили по рулю.

– Прибавь газу, сын.

Я прибавил.

– Если ты сел за руль, страх нужно оставлять за дверью, – говорил отец. – Это как войти в операционную. Ты не имеешь права на страх, есть только инструмент, – он запнулся, – есть только машина и ты. Ты должен чувствовать её механику, прислушиваться к мотору, стать её продолжением. Ты она и есть, понимаешь?

Я не понимал.

Мне казалось, она слишком большая, я будто кораблём управлял. Не видел ни носа, ни кормы.

Во дворах были припаркованы машины.

– Ты так не почувствуешь скорости, – сказал отец, – выезжай на дорогу.

Я не мог сказать тогда, что мне страшно.

– Всем страшно, – сказал отец, – ты же хочешь быть полицейским, им ещё страшней.

На трассе почти не было машин, очень редко когда проезжала парочка. Это была объездная дорога, такая петля, на которую сворачивали те, кому нужно было обойти пробку, но пробок сегодня не было, и дорога была пуста. Может, подсобило утро, редко кто ездит субботним утром, в это время все спят. Справа шелестело кукурузное поле, почти сухое, местами пожелтевшее. В детстве мы боялись

потеряться в нём, оно было выше нас, из-под листьев не было видно и солнца. А сейчас я увидел его, оно поднималось над полем, освещая макушки кукурузных побегов. Лучи белого солнца ходили поверху, по краю стеблей. Солнце играло, вело к повороту, лучи его уже не прикрывались полем, а светили прямо в глаза. Я чуть свернул от них на встречную полосу. «Вернись на свою», – сказал отец. Меня слепило. «Вернись на полосу», – повторил он, я крикнул, что слепит, что здесь никого нет, пустая дорога, совсем пустая, ни одной машины, никогда не было. Я жмурился, всё слезилось, силуэт грузовика, он вышел так резко, крик отца, он вывернул руль, он взял весь удар на себя. Дальше я ничего не помнил.

– Вы можете не рассказывать дальше, Бенджамин.

– Мне нужно, – сказал Морис.

Он с минуту молчал, а после продолжил.

Я очнулся в больнице от головной боли и подступающей тошноты. Возле постели стояла мать. Маленькая, низкая, я ничего не понимал. Она была на коленях. Она молилась.

Я что-то промычал. И она посмотрела на меня, но не как обычно, а как раньше, как пять лет назад. В её взгляде было столько боли, но это был её взгляд, осознанный, понимающий. Она проснулась. Как просыпаются от боли. Мать увидела, что и я проснулся, и обняла меня и стала целовать, вскочила, побежала звать доктора. А я ждал отца.

Морис посмотрел на миссис Ланье. Она сидела напротив и внимательно слушала, так внимательно и сочувственно, как никто ещё не слушал его.

– Я пришёл к отцу через десять дней. Он был похоронен на нашем кладбище, на окраине города, там хоронили всех, – он тяжело вздохнул. – Я убил своего отца, мадам.

– Нет, это не так.

– Так, я убил его. Мне нужно было ехать по своей полосе.

– Вы только сели за руль.

– Мне нужно было слушать его.

– Вы не виноваты.

– Он выкрутил руль и подставил себя.

– Он поступил как любой отец, он спас своего сына.

– Если бы не я, если бы вернуть всё назад.

Морис обхватил руками мокрую голову. Миссис Ланье приблизилась к нему.

– Закройте глаза, детектив.

Она говорила так тихо и монотонно, будто гипнотизируя.

Морис опять проваливался в прошлое, опять был в том дне.

– Давайте вернёмся в тот день, – говорила она. – Вы видите солнце, Бенджамин. Вы едете по дороге, справа кукурузное поле, солнце играет по листьям, оно где-то за ним, и чем ближе вы к солнцу, тем дальше оно от вас, вы не догоните его, оно не ослепит вас. Вы едете по своей полосе, Бенджамин...

Солнце опять слепило Мориса, руки опять взмокли от пота, обхватив кожаную оплётку руля. Рядом сидел отец.

– Вы едете по своей полосе, – продолжала миссис Ланье. – По какой полосе вы едете, Бенджамин?

– По своей, – сквозь забытьё ответил Морис.

– Вы едете по своей полосе, и солнце не слепит глаза. Оно ушло за кукурузное поле, за высокие листья, оно не мешает вам. Вам не мешает солнце, Бенджамин?

– Нет, не мешает.

– На дороге никого нет, вы едете по своей полосе, вы делаете всё правильно, Бенджамин. Это грузовик вышел на вашу полосу. Вы видите, как он едет по вашей полосе. Вы видите грузовик?

– Вижу.

– Водитель грузовика вышел на вашу полосу. Вы ни в чём не виноваты. В чём вы виноваты, Бенджамин?

– Ни в чём, – ответил Морис.

– На счёт три вы откроете глаза.

30 глава

Окружная тюрьма. Штат Орегон

- Моё мнение вы знаете...
- Все знают ваше мнение.
- Я считаю это недопустимым.
- Вы консерватор, мистер Льюис, для вас всё недопустимо.
- Я психотерапевт.
- Мистер Ли тоже психотерапевт...
- Прошу прощения, я психиатр.
- Прошу прощения, мистер Ли.
- Ничего страшного. И в том, чего вы опасаетесь, мистер Льюис, тоже ничего страшного нет.
- Я так не считаю, мистер Ли.
- Вы думаете, нам следует приостановить эксперимент?
- Я думаю, нужно больше времени.
- Пяти лет вам недостаточно?
- Больше времени с испытуемым.
- Он вполне адекватен.
- Я так не думаю, мистер Тёрк.
- Мы знаем, что вы думаете, у нас приказ.
- Мы знаем, генерал, всё идёт по плану.
- У нас всё-таки независимая комиссия...
- Вы верите в независимость, мистер Льюис?
- Консерваторы во что только не верят.
- Я психотерапевт.
- Нас большинство.
- У человека есть права.
- Мы разве идём против его прав? Генерал, мы идём против прав осуждённого?
- Никак нет, господа. Любой гражданин нашей страны имеет право участвовать в любых медицинских экспериментах, по собственному желанию.
- Я бы поспорил, эксперимент не совсем медицинский.
- Сути это не меняет.

- Это меняет всё.
- Берегите нервы, мистер Льюис.
- Но что-то может пойти не так.
- Доктор, может, вы что-нибудь скажете, вы всё-таки физик.
- Всё должно пройти хорошо.
- Видите, Льюис, господин Ланье говорит, что всё должно пройти хорошо.
- Конечно, говорит, это же его эксперимент.
- Он работал над ним пять лет. Мы все над ним работали.
- Я думаю, мы все озабочены одной целью.
- Конечно, генерал.
- В конце концов, он смертник.
- Это не умаляет его прав.
- Конечно, не умаляет.
- Успокойтесь, господа, всё должно пройти хорошо.
- Спасибо, мистер Ланье.
- Так, тихо, он идёт.

Джейкоб жмурился от света. Эта комната, в которую его доставляли три раза в неделю последние два месяца, находилась в единственном корпусе, не предназначенном для заключённых. Окна здесь не ограждались решётками, они были большими, почти до самого потолка, и потому легко пропускали лучи бесконечно белого солнца. Они, тёплые и прозрачные, в какой-то дымчатой поволоке, легко скользили по стенам, по полу, по лицам присутствующих. Здесь было несколько лиц. Они сидели за длинным столом, двое из них были в белых халатах на голубые рубашки, один в военной форме с массой орденов, ещё двое в нелепых свитерах, такие носят ботаники, один из них точно был таким, это учёный, кажется физик. Он почти ничего не спрашивал, только причмокивал ластик карандаша, второй был поживее, он всегда косился на лысого в очках.

Каждый день, когда приходил Джейкоб, они задавали всё те же вопросы, давали одни и те же тесты, кивали, переглядывались, причмокивали. «Отлично, – говорили они, – вы очень умны и выносливы, мистер Джейкоб. Ну что ж, ну что ж, его здоровье отменно, хоть в космос посылай. Я всё же против», – говорил лысый, но против него были все остальные, поэтому он быстро замолкал.

– Как ваши дела, мистер Джейкоб? – начал тот, что по центру, кажется, он был главным в комиссии.

– Всё хорошо.

– Как вы спали?

– Нормально.

Джейкоб не спал нормально, он уже несколько лет как нормально не спал, но об этом незачем было знать этим, напротив.

Он всё ещё стоял у дверей.

– Присаживайтесь, – сказал второй в халате, что сидел по правую руку от первого.

Джейкоб присел на специально приготовленный для него стул, что стоял напротив стола.

– Сегодня мы снимем с вас наручники.

Лысый в очках побледнел и как-то напрягся.

– Вы же не причините нам вреда? – улыбаясь, переспросил всё тот же по центру.

Джейкоб покачал головой. Охранник получил зрительный сигнал от генерала и расстегнул браслеты. Джейкоб потёр запястья.

Лысый в очках заёрзал на стуле, генерал с презрением посмотрел на него. Тот посмотрел на генерала и, испугавшись, ещё больше уткнул свой нос в бумаги.

– Перед вами стоит очень серьёзная задача, мистер Джейкоб, – размеренно и по-доброму говорил руководитель комиссии.

– Я понимаю. Я что-то вроде кролика.

– Нет, вы не правы.

– Зачем же так?

– Вы же участвуете в правительственном эксперименте.

– В испытании, генерал, он участвует в правительственном испытании.

– Ну извините, – покосился на врача генерал.

– Вы подписали согласие, мистер Джейкоб. Мы работали над этим много лет.

– Конечно, я согласен.

– Отлично-отлично. Как ваше состояние после уколов?

– Всё хорошо.

– При проведении испытания мы можем наблюдать сильнейшие перепады давления, данные препараты подготовят ваш организм, –

сказал доктор.

– Это отличные препараты, – подтвердил физик.

– Во время задания вы должны будете быть и в сознании, и вне его.

– Вы понимаете, Джейкоб?

– Я понимаю.

– Вы должны будете рассказывать нам всё, что видите.

– Вы же не испытаете дискомфорта от того, что вам предстоит сделать?

– От небольшого пореза?

– Да, от пореза, Джейкоб. Нужно сделать так, чтобы он остался значительно глубоким.

– Так, чтобы получился шрам.

– Я понял. Вы говорили мне то же самое во вторник.

– Мы колем вам сильные препараты, Джейкоб, – сказал физик.

– Сильные, но безвредные, – уточнил врач.

– Именно, и нам нужно знать, не сказываются ли они негативным образом на вашей памяти? Вы ничего не забыли? – спросил тот, что по центру.

– Нет, я всё помню, всё, что мне нужно будет сделать.

– Отлично. С сегодняшнего дня вы будете переведены из своей камеры в отдельную, более благоустроенную комнату.

– Что-то наподобие гостиничного номера.

– Доктор Ли прав, вы почувствуете себя как в хорошей гостинице.

– Там будет кабельное и маленький холодильник. Можете брать всё что хотите.

Джейкоб кивнул.

– И не будет никаких соседей. Вы будете совершенно один.

– А окна?

– Что, простите?

– Какие там окна?

– Большие и без решёток.

– Но они не открываются.

– Да, они не открываются. Будет работать кондиционер.

– Я понимаю.

– Мы доверяем вам, Джейкоб, но всё же вы осуждены по серьёзной статье.

– Да, я всё понимаю.

Голоса в этой высокой и просторной комнате вдруг превратились в один глубокий и далёкий бас. Он отдавал какими-то помехами, какими-то повторами, его будто перематывали, после затормаживали, как затормаживали раньше песни на кассете, нажав на дверцу в плеере. Потом их будто зажевало, все голоса, как ту самую плёнку, коричневую, тягучую, и они были такими же тягучими. У Джейкоба потемнело в глазах, а свет, бьющий в лицо, будто кричал ему – вот он я, на свободе, вон как там на свободе, а ты здесь, ты подопытный. Ничего, у них много опыта, они знают, что делают, они знают, что должен делать я. Он перестал говорить со светом и опять услышал людей, эти самые лица, они сидели напротив и глазели на него. Все они будто стали чем-то единым, говорящим, смотрящим, живым механизмом.

– Вы должны побыть одни, Джейкоб.

– Вам нужно будет сконцентрироваться на том времени, в которое вы хотите попасть.

– Чем ярче будет картинка, тем лучше. Вы уже выбрали самое яркое воспоминание, Джейкоб?

– Чем ярче, тем лучше. Вы должны вспомнить тот день, который помните как вчера.

– Нам нужно полное погружение, – кивал физик.

– Вы должны попытаться возвратиться в то время. Ещё раз и ещё раз.

– Во время самого задания права на ошибку уже не будет.

– Да, к сожалению. Только одна попытка.

– Я всё понимаю.

Джейкоб всё понимал, у него не осталось никаких вопросов, он знал, что он сделает, он сделает то, чего не знают они. Он прошёл два полиграфа, и он тоже ничего не знал, этот чёртов кусок металла с датчиками, подведёнными к его пальцам и вискам. Он научился обходить эти провода, эти сигналы, которые посылали на компьютер: параметры пульса, пота и дыхания. Эта шкала не уходила вверх, она шла ровно, как и положено ей было идти при полном спокойствии подопытного. Джейкоб был спокоен, он был честен перед ними, он сделает всё, что нужно им, а потом всё, что нужно ему.

Каждый день он мучился от кошмаров, они постоянно приходили к нему чёрной массой, перекрывая сознание, разрушая все мысли, запуская только одну мысль: как всё вернуть? Стоило только закрыть глаза, и он оказывался в том дне, один и тот же день, все пять лет, один и тот же день повторялся и повторялся. Бесконечно.

– Джейкоб, вы нас слышите, вы нас слышите?

– Да.

– Отлично. Вы можете идти. С сегодняшнего дня вы будете жить в апартаментах при лаборатории. Вам понравится.

Человек в халате улыбнулся. Они все улыбались, все как один. Джейкоб вышел из комнаты.

– По-моему, всё отлично.

– Я так не думаю.

– Мы знаем, что вы думаете.

– Вы всегда думаете одно и то же.

– Сайрус, а что думаете вы?

Из проходной двери кабинета вышел небритый и чуть обрюзгший Сайрус.

– Я думаю, что можно уже начинать.

– Он просто устал сидеть с ним.

– Я не просто так, как вы выразились, сидел с ним, мистер Льюис. Я проводил исследование. И скажу я вам, стрессоустойчивость у него на высоте.

– Мне кажется, он и лишнего не сболтнёт, – поправил очки мистер Тёрк.

– Не сболтнёт, господа, – согласился доктор Ли.

– Вы, Сайрус, как психолог со стажем, что вообще думаете, есть ли риск? – спросил мистер Ланье.

– Риск есть всегда, но в данном случае он минимальный.

– Мы не должны допустить, чтобы информация проскочила раньше времени. Ещё неизвестно, сколько лет...

– Или десятков лет.

– Именно, или десятков лет пройдёт, пока мы добьёмся постоянных результатов.

– Вы можете возвращаться домой, Сайрус. Два месяца за решёткой – нелёгкое испытание. А этот ваш ход с каждодневными

истериками хорошо вы придумали.

– Если бы не это, господа, как бы я тогда выбирался оттуда. У меня и здесь работы по горло. В кабинете всё паутиной заросло.

– Мы работаем в соседних кабинетах, мистер Сайрус. У вас убираются каждый день.

– Не влезайте, Льюис, вы бы в тюрьме и дня не выдержали.

– Отличная работа, Сайрус.

– Спасибо, господа. Признаться, последняя моя истерика была на грани с настоящим состоянием.

– Мы должны были приставить вас к нему.

– Конечно, – Сайрус достал портсигар, – вы не против?

– Курите-курите.

– Так вот, – он затянулся ароматным дымом и медленно выпустил его, – так вот, вы совершенно правы, господа. Человек он кремень. Пять лет за решёткой, а нервы крепче моих.

– Конечно, не он же сидел в одной комнате с преступником, а вы.

– Отличный опыт, первый в моей практике.

– Ну, если вы довольны...

– Ещё как, мистер Льюис, ещё как.

– Один вопрос не даёт мне покоя, – не унимался доктор, – если он, вот этот ваш испытуемый, попытается как-то исправить ситуацию.

– Это исключено.

– Почему вы так уверены?

– Если он попытается что-то изменить, мы будем вынуждены устранить его.

– Но это негуманно!

– Идите уже работайте, мистер Льюис.

– Но почему человек, господа? Можно было бы и на крысах испытания проводить.

– К сожалению, мистер Льюис, крысы не обладают такой же силой разума, если бы оно было так, мы давно бы уже всё закончили.

– Если мы увидим шрам на его руке, – у мистера Ланье перехватило дыхание, – один шрам.

– Это изменит всё, господа.

– Кто-нибудь может мне объяснить, как это всё работает?

– Конечно, генерал, дело в том, что...

Джейкоб ждал, когда его вывезут в новую гостиницу, если она при лаборатории, то должна быть вполне сносной. В таких номерах можно хоть всю жизнь прожить, они не пахнут тюрьмой и дешёвым джемом. А главное, там не будет Сайруса. Этот тип порядком надоел ему своей тупостью и чрезмерным любопытством. Он был весь чрезмерный, в своих истериках и разговорах, в расспросах и пустых историях. А ещё вот это вот его – «Что ты думаешь по этому поводу?» На кой ему знать, что он думает. Иногда Джейкобу казалось, что он на приёме у психиатра, настолько выпытывающими были его рассказы. И этот взгляд, он постоянно чего-то ждал, будто Джейкоб должен был в чём-то признаться, но тот ещё не знал в чём и бил постоянно наугад. Джейкоб никогда не любил чересчур любопытных людей, от них были одни проблемы. В любое время. Всегда.

– Ну, и что он хотел? – спросил Коул, вернувшись в закускую.

– Кто? – Джейкоб незаметно спрятал чёрную визитку в карман брюк.

Все службы уже разъехались, а посетители разошлись, только уборщица в третий раз промывала то же самое место под столом, куда рухнул этот, с дредами. Кровь впиталась в грязь межплиточных швов и никак не хотела вымываться оттуда. Тогда она вернулась с металлической щёткой для посуды и стала драить их что было сил.

Джейкоб не отрываясь смотрел на пятно.

– Этот тип в крокодиловых ботинках, я видел его через стекло. Кто это, ты знаешь его? Он похож на наркоторговца или сутенёра, – не унимался Коул. – Может, он оружие нелегально продаёт? Кто он, Джейкоб?

Коул всегда был не к месту. Когда Джейкоб поступил на службу, Коул был единственным, у кого не было напарника. Джейкоб сначала обрадовался, а потом понял почему. Он был слишком разговорчив. Однажды при задержании грабителей в ювелирном Коул минут десять рассказывал, какое кольцо его кузен подарил невесте, сколько оно стоило и что это было в два раза дешевле, чем вот здесь.

– Ты же поехал домой, Коул, – сказал Джейкоб, раздражённо протягивая каждое слово, выталкивая их с усилием изо рта.

– Да, но был вызов, – он огляделся по сторонам, – теперь тебе писать объяснительную о применении табельного.

– Разберёмся.
– Так кто это?
– Случайный прохожий.
– Случайный прохожий? Он же вроде визитку тебе дал? Дай посмотреть.
– Нечего смотреть.
– Тебе что, жалко, что ли?
– Нет там ничего интересного, – его нервы напоминали стрелки часов на детонаторе, ещё немного, и они дошли бы до нужной отметки.
– Да кто это? Ты его знаешь?
– Агент по недвижимости, – соврал Джейкоб.
– Чего, – заржал Коул, – какой агент, по какой недвижимости? Тебе если хватит на что, так на трейлер или домик на дереве.
– Он предложил услуги, и всё.
– Ну-ну. Дай мне его визитку, я тоже позвоню.
– Отвали, Коул, – Джейкоб скрипнул металлическими ножками об каменный пол закуской и направился к выходу.
– У напарников не может быть секретов, – бежал за ним Коул, чуть не получив дверью по носу.
Тогда Джейкоб понял, что в настоящем деле не должно быть никаких напарников.

Сайруса уже час как не было. «Опять, наверное, вывели», – подумал Джейкоб. Оно и к лучшему, не нужно ни с кем прощаться и что-то объяснять.

Ещё через полчаса пришли и за ним.

К его удивлению, автомобиль приехал не бронированный, а вполне обычный «Мерседес».

31 глава

За последнюю неделю о домогательствах Стефана Нильсона заявили четыре актрисы и две сотрудницы по подбору актёров. Капитан знал, что это только начало. Как правило, подноготная такого рода если уж начала всплывать, то поднимается со дна ещё очень долго. Кто-то из жертв ещё набирался решимости, но всё это было делом времени. Морис, Ронни и Глория вернулись на службу в тот же день, когда первая женщина (актриса Бродвея и пары-тройки хороших фильмов) подтвердила факт насилия и ещё много других фактов, о которых также сообщали журналисты «Нью-Йорк таймс».

«Теперь, когда о преступлении Стефана Нильсона стало известно всему городу, мне и самой не стыдно признаться в этом, – заявила она, – мне не стыдно сказать всем: да, он преступник, в нём нет и не было ничего человеческого. На сцене могли стоять только те, кто был готов лечь с ним. Многие были на это готовы, и я была в их числе. Да, вы можете осуждать меня, я бы тоже себя осуждала. Никто меня не насиловал физически, но те условия, в которые он ставил актрис, были моральным насилием. Он поставил меня в безвыходное положение, он сначала дарил мечту, потом грозился отнять её, если я не соглашусь на его условия. Со мной он действовал именно так. В 2005-м меня утвердили на роль в сериале «Подростковый бунт», мы отсняли две пилотные серии, после чего он пригласил меня в ресторан, якобы поздравить с удачным стартом. Эти серии ещё не вышли на экран, продюсеры сериала торговались с двумя каналами, которые хотели купить права на показ ситкома. Тогда, в ресторане, за бокалом шампанского, Стефан спросил, понравилось ли мне на площадке. Я сказала, что это именно то, о чём я мечтала, и поблагодарила его. На это он ответил, что хорошие девочки благодарят по-другому, что ему нужно было поговорить не с одним человеком, чтобы меня взяли на эту роль, и вообще претенденток там хоть лопатой гребли. Но впрягся он именно за меня. Так и сказал – «впрягся». Стефан сказал, что всё ещё можно переиграть и отснять заново, что это всего лишь две серии, которые даже не смонтированы, и, если я не хочу вылететь из ситкома, я должна буду отблагодарить его. Он назвал мне номер гостиницы, в

которой остановился, и сказал, что если я не приду, то на эту роль он найдёт более сговорчивую актрису».

Ниже было заявление актрисы Люси Миллер, она появилась на экране в начале двухтысячных, но после перестала сниматься.

«Я говорила всем, что ушла из кино по своему желанию. Тогда я как раз собиралась замуж, мы с моим нынешним мужем были год как помолвлены и уже назначили дату свадьбы. На тот момент за моими плечами было два сериала. Я была независимой актрисой, сама ходила по кастингам, сама рассылала резюме. В один из дней ко мне подошёл Стефан Нильсон, он представился киноагентом и продюсером. Стефан сказал мне, что я талантлива и уже давно должна сниматься в полном метре. Он дал мне свою визитку и пригласил на кастинг. Это большое кино, у него было много спонсоров. Кастинг я прошла хорошо. Мне сняли гостиницу, где я должна была переночевать перед отлётом. Помню, в номере зазвонил телефон – это был Стефан. Он сказал, что находится в номере этажом выше и попросил зайти к нему, чтобы обговорить кое-какие юридические тонкости, связанные с моим договором. Я поднялась наверх. Постучалась. Стефан открыл дверь, он был в халате на голое тело и с бокалом шампанского. Я посмотрела на него и всё поняла. Он спросил, хочу ли я обговорить с ним детали в более интимной обстановке, я сказала, что помолвлена. Он усмехнулся, пообещав, что жених ничего не узнает, а на свадьбу он подарит нам китайский сервиз. Я развернулась и ушла. С тех пор я не получила ни одной стоящей роли, только в малых театрах. Никакого кино».

Помимо газетных статей вышло два телешоу, на которые пришли и другие актрисы. Их истории не сильно отличались от остальных, все они шли по одной и той же схеме – сначала актрисе давали роль, потом грозились её отнять.

Общественность разделилась на два лагеря: одни осуждали женщин, называя их продажными, говоря, что всегда есть выбор, другие актрис жалели, благодаря за мужественность и откровенность.

Морис с Ронни принимали участие в задержании Стефана Нильсона. Теперь он не был столь важен, как в первый день знакомства с Морисом. Теперь его фотографии на стенах не были предметом гордости, они стали уликами в одном из резонансных дел современности. А Мориса то и дело атаковали репортёры, но, поняв,

что ничего внятного от этого неразговорчивого детектива им не добиться, быстро переключились на Ронни с Глорией. Эти двое буквально делили «сцену», камеру и всё, что только можно было поделить от свалившейся на них славы.

– Вы не боялись последствий? А если бы не сработало? – спросил как-то один из репортёров, поймав Глорию на выходе из участка.

– Нет, не боялась. Я знала, что сработает. Я знала, что мои намерения чисты. – Ей вдруг показалось, что она говорит как пастор или монашка какая-то. – Это был наш долг, – взяла она тон более протокольный, – мы слуги закона, полиции, округа Бронкс.

– Но вы разве не секретарь? – посмотрел в свои записи репортёр.

Глория промолчала, ей с трудом удавалось молчать, и уж тем более сглаживать углы. Она бы хотела сгладить этот чуб, что торчал на голове репортёра, или пригладить его нос, такой длинный и раздражающий, впечатать его ему в лицо, наглое и некомпетентное.

– Да, секретарь, – выдержав долгую паузу, ответила Глория, – но это не помешало мне сыграть решающую роль в раскрытии этого резонансного дела.

– Капитан полиции, наверное, гордится вами, – улыбнулся репортёр.

Да, капитан гордился ими, наверное. Можно сказать, он был в недоумении от произошедшего. Он вызвал всех троих в понедельник и сказал, что был неправ, не оценил. Но они, то есть Морис, Ронни и Глория, сами виноваты, если бы сообщили, он бы их поддержал.

Он бы их не поддержал, он и сам понимал это. Все, кто был тогда в кабинете, это понимали, но не сказали ничего, а только начищали свои значки и улыбались друг другу. Глории капитан вынес благодарность и выписал премию.

– Мне нужно поговорить с задержанным, – сказал Морис, зайдя к капитану на второй день после суда.

– Что? Для чего? Дело идёт своим чередом. Сегодня вышло интервью ещё одной актрисы, ты читал? Некая, – капитан прищурил глаза и отдалил от себя газету, – некая Мэри Гринвич, – прочитал он и передал газету Морису.

С первой же полосы на Бенджамина смотрела та самая Мэри, которую он ещё недавно просил о помощи.

Новые подробности в деле Стефана Нильсона

В процессе расследования, проведённого «Нью-Йорк таймс», были выявлены новые подробности по делу Стефана Нильсона. В ходе интервью с бывшими и нынешними сотрудниками киноиндустрии, в том числе с бывшими работниками продюсерской компании Стефана Нильсона, появились новые обвинения в отношении скандального кинопродюсера. В телевизионных кулуарах, за кулисами кинопремий уже давно ходили слухи о неприятном нраве Нильсона и «особенном» отборе его актрис. Все эти предположения находились на уровне слухов, но сейчас находят себе неопровержимые доказательства.

Рассказывает Мэри Гринвич.

«Всё, что заставил меня пережить этот мерзкий тип, не сможет исправить ни один психолог. Сейчас его адвокаты говорят, что никакого насилия не было, что Стефан всё отрицает. Ещё бы он не отрицал. Ни один мерзавец не признается в том, что он мерзавец. Но правда выше всего. Ещё пару недель назад я думала, что справедливости не существует, что мы живём в мире, где зло никогда не будет наказано. Но, смотря экстренный выпуск задержания Стефана Нильсона, я не могла сдержать слёз. Я бы хотела сказать спасибо полицейским, принявшим участие в расследовании этого дела. Они умные и мужественные люди, в благородство которых мы зачастую не верим. Но оно есть. Как и есть справедливость. Я знаю, что Стефан будет обжаловать приговор, он нанял лучших адвокатов, но правду нельзя купить. Если будет нужно, я приду на суд и буду свидетельствовать против него. Думаю, многие придут. Женщины должны быть вместе. Только так мы сможем противостоять насилию».

Морис ещё несколько секунд смотрел на фото Мэри Гринвич и не мог поверить, что она всё же решилась на это.

Он посмотрел на капитана.

– Мне необходимо поговорить со Стефаном Нильсоном.

– Если это необходимо, – развёл руками капитан, – делай что считаешь нужным.

Нильсона поместили в тюрьму при городском суде.

В его доме полиция нашла все доказательства его причастности к массовым оргиям в стенах своего особняка. Видеозаписи, фотографии, комнаты со звукоизоляцией, фото людей в этих комнатах, высокопоставленных людей с девочками, шампанским и сигарами. Вальяжные и довольные, они обнимались с малолетними актрисами, обещая им славу. Теперь известность была обещана им, грязная неприкрытая известность. Дома тех министров и бизнесменов также атаковали репортёры. Их жёны спешно подавали на развод, дети стеснялись ходить в школу, а сами они до конца не верили в происходящее.

Бенджамин шёл по длинному коридору, который то и дело сотрясали звуки звяканья ключей и металлических решёток. Охранник подвёл Мориса к комнате для допросов. Стефан был уже в ней. Морису открыли дверь, спросили, оставить ли охрану, но Бенджамин отказался.

– Как закончите, стучите, – сказал охранник, закрывая дверь.

В центре плохо освещённой комнаты, в которой, кроме стола и двух стульев, не было ничего, сидел Стефан Нильсон. Он не поднял головы, когда Морис зашёл к нему, так и сидел, уткнувшись в стол.

– Стефан Нильсон, – заговорил Морис, отодвинув стул и сев напротив, – мне нужно поговорить с вами.

– Вы ещё не наговорились, детектив? Я вам не всё сказал?

– Сейчас меня не волнует то дело, по которому вас осудили.

Стефан посмотрел на детектива.

– Что ещё вам от меня нужно?

– Меня интересуют причины смерти Кларка Стюарта.

– Вы опять? – отодвинул он стул. – Разве я не сказал вам, что ничего не знаю?

– Вы также говорили, что и девушек не насильовали. Однако это не так. Не правда ли?

– Это другое.

– Вам ничего не стоило соврать мне...

– Хотите и смерть человека на меня повесить? И с чего вы взяли, что это убийство?

– У меня есть все основания так полагать.

– Но у вас нет ни одного основания обвинять меня в этом! На момент смерти Кларка Стюарта я не видел его два года. Два чёртовых года. Если хотите, я уверен, что меня и близко не было с Кларком в день его смерти, и, скорее всего, у меня будет алиби.

– Я не сказал, что вы лично его убили. Его могли отравить и не вашей рукой.

– Я его не убивал.

– Он знал, что вы принуждаете девушек? Он знал, что они продавали своё имущество, чтобы вы не слили компромат на них? Эмма Клетчер продала два дома. Он знал об этом?

– По-вашему, я должен работать бесплатно? Я никого не шантажировал этими снимками, кто хотел, тот уходил. А по поводу домов, мне пришлось и взятки давать, чтобы эту бездарность хоть кто-то пригласил, и сам я не за бесплатно работаю. Я несколько лет её раскручивал, время – деньги, детектив.

– Деньги или...

– Да кому она была нужна, эта Эмма! Не такая уж она была и красивая, чтобы кто-то платил за время, проведённое с ней. Потому и платила наличными. Иначе с ней не работал бы никто.

– У вас были записи с ней?

– Записи были на случай, если кто-то из них захотел бы заявить на меня.

– Понятно.

– Хорошо вы придумали, детектив, прислать своего человека.

– Никто, кроме Кларка Стюарта, не мог сдать вас. Так, Нильсон?

– Я его не убивал, у меня есть адвокаты.

– Надеюсь, они смогут защитить вас в суде.

Морис постучал в окно двери комнаты допроса.

32 глава

Впервые за пять лет Джейкоб спал на широкой кровати. Большая, с округлыми краями и кожаной спинкой почти до самого потолка, непонятно, для чего такая спинка, непонятно, сколько ему предстоит здесь быть. Может, неделю, а может, и пару дней. Матрас теперь не повторял форму койки, как это было в тюрьме, а подстраивался под позы спящего, любые, какие бы тот ни принимал. Сотни небольших пружинок работали всю ночь, до сантиметра повторяя изгибы напряжённого тела. Джейкоб беспокойно спал, перекачивался с боку на бок, съёживался в клубок, застывал в позе младенца, упирался головой в спинку, так что шея его изгибалась, выпирая острый кадык. Рот его был полуоткрыт, дышал он часто и прерывисто, оттого пересыхало в горле, а храп переходил в кашель. Если был бы с ним кто-то в этом номере, то услышал бы низкий грудной стон, который то и дело вырывался из уст смертника. Два месяца назад Джейкоба уверили, что смертный приговор заменят на срок, а срок уменьшат до минимума, что в лучшем случае он может отсидеть ещё лет десять или даже семь, и всё, здравствуй свобода. Конечно, только в том случае, если все эти лет десять или семь он будет участвовать в этой программе. Или в ряде других программ, каких угодно программ, на каких угодно условиях. Таким, как он, всё равно. Таким, как он, дают лишь видимость выбора. Да, собственно, куда он денется, так думали все, и мистер Ли, и генерал, и этот физик Ланье, но Джейкоб думал по-другому. Он верил, что другое может быть, иначе, если его быть не может, зачем тогда это всё? «Зачем это всё», – бормотал он, ворочаясь и скрипя зубами. Он опять был там, в том дне. Как это нелепо получилось, как он мог так оплошать?

Она подкашивалась на небольших каблучках неброских домашних туфель, она бежала к алому пятну за окном, пятно это то шелестело, то застывало на месте, он побежал за ней, он бежал и думал, как нехорошо будет смотреться эта грязь на чистом полу, как некстати вчера прошёл дождь, он подумал, что надо бы помыть потом туфли, как и весь пол. Он бежал по зелёному саду и никак не мог догнать её, казалось, между ними была бесконечность, она всё уходила от него, отдалялась, а он лишь топтался на месте. Но вот расстояние между

ними начало сокращаться, его будто притягивало к ней, и эта тропинка перед ним стала короче. Она оглядывалась, но приближалась к нему, или он приближался к ней... И вот он схватил её. Мягкий халат, шёлковая сорочка, она как рыба выскальзывала у него из рук. Её волосы лезли ему в глаза, он ослабил хватку, она чуть не вырвалась, тогда он схватил её за волосы и выдрал их. Джейкоб вышел из дома совершенно спокойным, после того, как помыл её туфли, после того, как усадил за стол. Ему нужно было лететь в Сиэтл, ему нужно успеть на самолёт. Мост Вашингтона был необычно свободным, только он и ещё пара машин, как может быть так мало машин... Сознание иногда вмешивалось в его сны, как бы спасая, вытаскивая Джейкоба, но он глушил всё сознательное, он проживал этот день снова и снова, пока не просыпался от головной боли, от тягучей головной боли в висках.

Он не знал, чем насолила тому господину эта красивая женщина. Кем была эта женщина, он тоже не знал. Но всё было сделано. Джейкоб вдыхал пыльный запах эстакады, слегка приоткрыв окно, на том берегу шумел город, или это вода билась о приземистую опору моста. Ещё немного, и на всё это он посмотрит свысока, из окна самолёта.

В аэропорту Джейкоб был в 11.30, в двенадцать часов он уже сидел в самолёте, наблюдая за оранжевыми жилетками, отгонявшими трап. Вентилятор закрутился в турбине, где-то там разгорается пламя, вращая огромные лопасти. Самолёт разогнался по полосе, оставляя за собой и жилетки с трапами, и автобусы с вновь прибывшими, и сам аэропорт. Вот он поднял свой нос, сложил шасси и отдался, горящий, воздуху. Топливо внутри полыхает, мало кто знает, как сильно оно горит. Джейкоб откинулся на спинку кресла, в его наушниках звучал Rolling Stones, в голове менялись картинки. Вот они с матерью спускают кровь из убитых свиней, вот он в первый раз убивает преступника, что-то оборвалось тогда внутри, первое убийство у полицейского, каждый его помнит, это как первая смерть на столе хирурга, или первый секс, нет никакого удовольствия, есть только страх и непонимание, как такое произошло. После было легче, после было много убийств. Джейкоб не вёл счёт, он не был маньяком, он не заикливался на процессе, не особо ему был приятен процесс.

Самолёт трясло в воздухе, сильная турбулентность, его тоже трясло и женщину возле. Она как-то странно плакала без слёз, это

было похоже на истерику. «Можно взять вас за руку?» – спросила она. «Можно», – ответил Джейкоб. Он сидел в самолёте и держал за руку незнакомую женщину. «Всё в порядке, – сказал он. – Они знают, что делают». Она не утешалась, Джейкоб больше не утешал. Уже должен был прийти доставщик еды и обнаружить Саманту Стюарт, уже вызвали наряд полиции, они обыщут дом, они решат, что убийца – обычный знакомый, они будут искать среди своих, ничего не выдаст обратного. Джейкоб никогда не оставлял следов, это было недостойно профессионала, он был лучшим из всех. Женщина в кресле перестала трястись, как и все в самолёте, как и сам самолёт. «Уважаемые пассажиры, мы прошли зону турбулентности». Пассажиры захлопали. Джейкоб нет. Женщина посмотрела на него подозрительно.

Джейкобу трудно было радоваться, это совсем не про него. Если бы они умерли, предположим, самолёт вошёл в крен, а потом упал в реку, то ничего бы по сути не изменилось, ничего по сути не изменилось бы, если бы умерла половина нью-йоркцев или французов, даже массовые смерти не играли особой роли. Всё бы по-прежнему шло как идёт. В новостях бы сказали, что пилот до последнего пытался спасти самолёт, что осталось найти чёрный ящик, что откроют мемориал, ящик бы нашли, мемориал не открыли, а пилоты? На смену им пришли бы другие, смерть не значит ничего. Джейкоб знал, что на ней обрывается жизнь, что нет никаких больше жизней, ни прошлых, ни будущих, ни запасных. И если в этой единственной ты на дне, нужно как-то выкарабкиваться... Самолёт опять тряхнуло, но уже не в воздухе. «Добро пожаловать в Сиэтл, господа». Все опять захлопали, женщина справа опять покосилась на Джейкоба. Он будто был виноват в том, что не был так счастлив. «Я рад, что вы сели», – сказал он. Она нахмурилась. Ну и чёрт с этой бабой.

Он вышел из самолёта, солнечный свет ударил в лицо. Джейкоб подумал, что летели они шесть часов, а сейчас он посмотрел на часы... Они стояли, он постучал по стеклу...

Дневной свет ослепил его, он открыл глаза и понял, что вчера не закрыл шторы. Он привык жить без штор, он привык к отсутствию света. В номере пахло какими-то духами, это стеклянная ваза отдавала запах засушенных лепестков, точно так пахла женщина в его сне, эта самая Саманта Стюарт, она также пахла цветами, или это он смешал все сны в один сумасшедший бред.

Он не досмотрел до конца. Каждый раз, когда прерывался сон, он возвращался к нему, он закрывал глаза и видел всё сначала, пока не доходил до конца, до того дня, когда на пороге одной из временных квартир ему не сказали – вы обвиняетесь в убийстве.

Он тогда уже всё сделал, был абсолютно свободен, неделю пожил в Сиэтле, именно там его и застали врасплох. Его отвезли в участок, ему сказали, что его ждёт ФБР, он обвиняется в убийстве Саманты Стюарт. Его нашли по отпечаткам пальцев, он вымыл всё, кроме проклятой заколки, он забыл, как выбросил её в саду, он совершенно не помнил этого. Его отпечатки были в базе, они узнали в нём полицейского. А дальше был суд.

– Вы знаете, в чём вы обвиняетесь, Джейкоб?

Он ничего не отрицал, всё было слишком очевидно. На суде он не взял слова, за него говорил адвокат, не его личный. Адвоката выделил суд. Он пытался доказать, что исполнение убийства по заказу не равноценно обычному убийству, что большая часть вины лежит на заказчике, и надо бы судить его. Его тоже судили, но Джейкоба это не волновало, единственное, кого он обвинял, это самого себя. Если ты делаешь работу, то делай её хорошо. Его отец держал свиней, у него было лучшее мясо, его закупали все магазины, из них делали отличный бекон, потому что отец знал своё дело.

Эти учёные говорили, что стоят на этапе важного открытия, но почему бы не использовать кого-то из своих, это куда надёжнее. Джейкоб сначала не мог понять, а после просёк – они не уверены в исходе. Испытуемый может умереть, эксперименты не должны быть известны общественности, а любой умерший физик или доктор вызовет бурю возмущения и судебных исков. Смерть же Джейкоба не заметит никто. Это будет несчастный случай в тюрьме. Скажут, что он повесился на шнурках, они найдут что сказать.

Каждый день он хотел вернуться туда, каждый день он искал в этой траве проклятую заколку Саманты Стюарт. Каждый день он возвращался к ней в дом, обещая себе не притрагиваться к волосам, каждый раз во сне он сдирал эту заколку и забывал о ней. Ничего не менялось, всё было как прежде.

Он проснулся весь взмокший, съёженный ворох простыней неудобно натирал поясницу. Джейкоб лёг на другую сторону. Место, на котором он лежал, ещё помнило изгибы его тела. Оно почти

полностью повторяло его самого. Будто он испарился с кровати и остался один только след, мокрый, неглубокий и вмятый. После каждого останется вмятина. Эти новые матрасы с памятью совсем не понравились ему. Джейкоб поморщился и попытался подняться. Нужно было закрыть окно, не хватало ещё ослепнуть от света. На улице было много людей, они входили и выходили из здания в белых халатах на свитерах, с бумагами и дипломами в руках. «Это лаборатория», – подумал Джейкоб. Его действительно вывезли из тюрьмы. Он хотел открыть окно и вдохнуть, но не нашупал ручки.

«Окна там не открываются, мистер Джейкоб, – вспомнил он, – вы сидите по серьёзной статье». – «Я понимаю...» Он понимал, он понимал, что это та же тюрьма, хоть и свет, хоть и люди в халатах, а он хуже, чем заключённый, он – подопытный зверь. Ну и пусть, никто не поможет ему. Только он сам.

В дверь постучали. Он ждал, когда войдут. Никто не открывал. Постучали ещё раз. Он и забыл, что в обычной жизни открываешь ты, а не тебя. Джейкоб открыл.

– Ваш завтрак, мистер Джейкоб, – сказала женщина и вкатила тележку с блестящим металлическим блюдом, фарфоровыми чашками и блюдами, с чайником на одну персону.

Джейкоб увидел настоящие приборы, они блестели на свету, в них можно было увидеть себя. Давно он не видел себя в приборах, пластик не отражал ничего. Они и правда доверяли ему. Не так часто он был польщён. На подносе лежало белое полотенце, он сел в мягкое кресло, подкатил к себе завтрак и открыл его. Бифштекс с овощами и зеленью. Он вдохнул запах красного мяса, рот наполнился слюной. Сочное, упругое мясо скользило у него между щёк, он разжёвывал, смаковал. Он давно не чувствовал ни аппетита, ни вкуса, ничего, что окружало его.

33 глава

Морис знал, что никаких доказательств у него нет. Он так и не выяснил, убили ли Кларка Стюарта, или он и вправду умер от инфаркта. Морис также не знал, кто хотел убить Саманту Стюарт. Действительно ли это был Стефан Нильсон или кто-то другой. Но то, что никаких звонков на телефон Саманты больше не поступало, а в дом её никто не проникал, означало, что они спугнули преступника. Или убийца наблюдал за домом Саманты тогда, когда Морис помогал переносить её вещи. В этом случае убийца мог отследить её настоящее местонахождение и попытаться пробраться в квартиру Мориса. Преступник также легко мог вычислить, что квартира принадлежит полицейскому, а значит, стоит ей только вернуться к себе, так покушения не миновать. Как же подступиться к этому делу... Разговорить Нильсона? Морис думал, что он расколется в комнате допроса, но, видимо, тот понял, что у Мориса ничего на него нет. Но зачем этому продюсеру убивать Саманту, если она и понятия не имела о делах своего отца? Надо было ещё раз поговорить с ней.

Морис приехал домой в полдень. Саманта что-то готовила. Что-то серое и непонятное.

– Что это? – спросил Морис, подойдя к тарелке.

– Устрицы.

– В честь чего? – удивился он.

– Разве вы не нашли преступника, детектив? – её глаза сияли, как никогда ранее. Она открыла вино.

– Вы опять ходили в магазин? – спросил Морис, пока наполнялись бокалы.

– Я почувствовала такую лёгкость, – она приложила руку к груди, улыбнулась и выдохнула, – все эти женщины, которые испытали такое, подверглись насилию... – её голос оборвался.

– Не переживайте так, – Морис забрал у Саманты бутылку вина, вложил в её руку бокал и наполнил его до краёв.

Такие женщины, как Саманта, никогда не светили ему. Они были как с другой планеты, для других мужчин. Её светлые пышные волосы весело играли на солнце, а глаза... Он никогда не видел подобных, большие, горящие...

Она закусил губу и улыбнулась.

– Вы любите устрицы, детектив?

– Никогда не пробовал, – засмутился Морис.

Она пошла к холодильнику и достала лимон.

– Их нужно полить лимонным соком, – сказала она, – чтобы лучше раскрылся вкус. Сегодня так жарко...

– Саманта, – начал Морис, – я не хочу портить вам настроение.

– Вы не испортите, – сказала она, разрезая лимон на четвертинки.

– Этот Стефан Нильсон...

– Да.

– У меня нет никаких доказательств, что именно он убил вашего отца и покушался на вас.

– Он был самым близким человеком, с которым общался отец. Вы же сами сказали, что это дело, это агентство, они вели вместе.

– Я сказал, что ваш отец работал на него.

– Да, вы так и сказали, – Саманта поливала устрицы лимонным соком, – здесь и правда жарко.

Она вытерла руки и сняла халат. Тонкая кружевная комбинация прикрывала её тело.

Морис видел, как очерчена была её фигура, как красива была она на свету. Он пытался не замечать, что вся она почти просвечивает. Так и стояла Саманта, прямо напротив солнца.

«Интересно, принято ли говорить женщине, что у неё что-то просвечивает, – думал Морис, – или правилами хорошего тона это запрещено...»

– Я верю, что это он, – сказала Саманта, поднеся бокал Морису, – я так устала бояться, я хочу домой.

– Понимаю, у меня очень тесно.

– Нет, – перебила она, – вы хороший человек, и мне с вами очень хорошо.

Морис что-то почувствовал в своём теле, то, чего не ощущал очень давно. Теперь она уже вся просвечивала, вся светилась, стояла будто голая напротив этого солнца, Морису показалось что она и есть солнце. Саманта стукнула свой бокал о его.

– За победу, – сказала она, – за вашу победу, детектив.

– За победу, – повторил Морис.

Он выпил и проглотил устрицу.

– Ну как? – после минутного ожидания спросила Саманта. – Мне сказали, они самые вкусные.

– Да, – соглашался Морис, не понимая, прошла ли устрица или сейчас ползет обратно.

– Как вам вкус?

– Знаете, – откашлялся Морис, – как-то в детстве я захлебнулся морской водой. А когда вышел на берег, очень долго откашливался. Из меня всё вышло: слёзы, сопли. Так вот, эти вот устрицы как раз такого же вкуса. Вкуса морских соплей.

Саманта рассмеялась. А Морис подумал, что никогда не научится говорить с красивыми женщинами. О чём он сейчас говорил? О соплях? С такой вот женщиной.

– Простите, – покраснелся он, – видимо, я должен был сказать что-то другое. Я так давно не разговаривал с женщинами.

– В вашем участке нет женщин, Бенджамин?

– Почему, есть. Есть Глория...

– Она красивая?

– Кто?

– Глория.

– Нет, – протянул Морис и сразу осёкся. Как-то невежливо было рассуждать о некрасивости женщин. Может, у них есть какая-то негласная женская солидарность...

– Я хотел сказать, – исправился он, – что для меня она не... Она не в моём вкусе. Но для кого-то она, может быть, и красивая.

– А я? – спросила Саманта, допив бокал.

– Что?

– Для вас я красивая?

– Вы для любого мужчины красивая, – сказал Морис и случайно посмотрел на её грудь, отчего ещё больше покраснелся.

– Вы были так равнодушны ко мне, детектив. Я уже подумала, что неинтересна вам, – она опустила одну лямку. – Потом я подумала, что, быть может, – она опустила вторую лямку, так что её комбинация держалась лишь на груди, – быть может, вам неинтересны женщины, женские тела. Вы понимаете? Сейчас такое время, интересы у мужчин разные.

Морис плохо соображал, ему так ударило в голову вино, так тянуло внизу живота, как от волнения перед экзаменами.

– Женские тела? – переспросил он. – Я видел много женских тел.

– Да? – удивилась Саманта.

– Когда привозят трупы, – сказал Морис, – их приходится опознавать, иногда и осматривать.

Саманта разразилась смехом.

– Трупы? – смеялась она. – Я говорила о живых женщинах.

– А-а-а, – протянул Морис, – живых нет, живых у меня было немного, совсем немного.

Саманта перестала смеяться, наклонилась к нему и поцеловала в его пересохший от волнения рот. Что-то шелковистое касалось пальцев Мориса – это комбинация волнами скользила по ним.

Последний раз Морис был с женщиной три года назад. И то с женой. Она казалась холодной и отстранённой. Губы её были жёсткими, тело неповоротливым. Наверное, с любовником она была другой, но Морис другой её не видел. Почему он женился на ней? Морис часто об этом думал. Наверное, потому, что так получилось. Так получилось у многих пар. Они проживали всю жизнь, доходили до переломных моментов, оборачивались на всё прошедшее и прожитое и будто спрашивали кого-то – как же так получилось? Благо у истории Мориса был хороший конец – он развёлся. Этот исход и правда хороший, когда идти больше некуда. Ему не жалко было их общего дома, он готов был оставить ей всё, лишь бы она оставалась где есть. Подальше от него. Он не помнил ни одной близости с ней, просто не мог ничего вспомнить. Говорят, память стирает всё плохое. Зато Морис отчётливо помнил свой первый опыт, это было в той же комнате в общежитии колледжа. Когда Митч сказал, что с него причитается, он и правда закрыл этот счёт. Митч познакомил его с Элисон, милая девочка, она со всеми была милая, но Мориса это тогда не смущало, да и кого оно могло смутить, когда все уже, а ты ещё нет? Он запомнил запах рыжеволосой Элисон на всю свою жизнь, тогда расцвели канзанские вишни, они пахли так же, как пахла Элисон, или она пахла как эти цветки. С тех пор, когда цветёт японская вишня, ему вспоминается запах этой девушки. Первые впечатления – самые яркие. У психологов есть какое-то объяснение, но Морис не помнил какое. Впрочем, он и не против был, чтобы память так пахла. Саманта же пахла морем, с каким-то лимонным привкусом. Всему виной свежие устрицы и этот несчастный лимон.

На столе лежали выжатые жёлтые корочки, два бокала стояли у края, и открытая бутылка по центру. Саманта проглатывала последние устрицы, улыбаясь, закутавшись пледом. Теперь она так не светила. За деревьями уже скрылось солнце, отдав вечер осенней прохладе. Морис покрутил радиатор, Саманта надела халат. Она стала как-то роднее, что-то стало совсем другим. Это что-то витало в воздухе, безымянное, еле заметное.

34 глава

Уже больше минуты Джейкоб пытался закурить. Он сидел в растянутой майке у открытого окна своей, и даже не своей, а взятой в аренду комнатухи и тщетно прокручивал резное колёсико треснутой зажигалки. Но она не давала искры. Джейкоб посмотрел на свет от фонаря, что каждую ночь так нещадно бил ему в окна. Пустая. Как часто он их покупал, пора бы уже бросить курить. Каждый раз он обещал себе бросить, а ещё купить шторы в комнату, его окна прикрывал прозрачный тюль, тот самый, который и висел здесь с момента заселения. «Ну, повесить шторы, покрасить стены – и квартирка будет что надо», – сказал тогда риелтор, и Джейкоб даже согласился с ним. Кто бы не согласился? Сколько лет прошло – шесть, семь? А он так и не покрасил стены, как и не повесил люстру, как и не купил новые шторы, и ещё много всяких «не» бросалось ему в глаза каждый день. Вчера в продуктовом он минут пять стоял около корзины с фруктами, есть такие корзины – фрукты, фрукты и шампанское в центре. Говорят, если взять всё то же самое по отдельности и без этой дурацкой корзины, то выйдет дешевле, но Джейкоб не хотел дешевле, он хотел именно эту корзину, с этими фруктами, он много чего хотел. Как-то Коул сказал ему, что неплохие фрукты продаются на углу возле заправки. Там есть магазинчик, где очень даже низкие цены, а то, что это просрочка, – да какая, мол, разница, да что там будет этому ананасу. «Ничего не будет», – ответил тогда Джейкоб и понял, что никогда не пойдёт в тот магазин. У Коула дочь, может, ей нужны фрукты, а Джейкоб перетерпит, лучше никак, чем так.

Магазины для бедных. Джейкоб скрипнул зубами. Он часто ими скрипел, это было что-то нервное. Стоматолог на общем осмотре сказал, что ни к чему хорошему это не приведёт. Он уже сточил пару пломб. Этот стоматолог ездил на новенькой «Тойоте» и жил в доме у озера. Не про него ли говорил Коул? Джейкоб тогда одёрнул его, он видел зависть в других, и это всегда бесило его, только сейчас он понял, что и сам себя бесил. В нём самом было не меньше зависти, ещё больше злобы, и много, очень много зудящего чувства несправедливости. Оно сверлило его изнутри, иногда не давая дышать, спать, бездействовать. Он не мог ничего не делать, не мог отдыхать.

Когда Джейкоб спокойно лежал на диване и щёлкал пультом от телевизора, какой-то внутренний голос говорил ему: «Вот почему ты ничего не добился, ты лодырь, бездарь, ты перебрал двести три канала, пока другие перебирают двести три бизнес-плана в голове. Что есть в твоей голове, что там, Джейкоб? Там пусто! Пусто, Джейкоб. Поэтому ты живёшь в такой дыре, поэтому?» Он устал слушать этот голос и попросил дополнительную смену. Ещё пару ночных дежурств. Но ему отказали. «Ты хочешь сдохнуть?» – спросил тогда капитан. Джейкоб не знал, хотел ли он сдохнуть, иногда ему казалось, что он уже сдох и попал в ад. Чем ещё можно назвать это всё дерьмо, в котором он плавал каждый день? Он устал от нищеты.

Один умный козёл по телевизору, какой-то финансовый аналитик, или чёрт его разберёт кто, в общем, мужик в дорогом костюме с дорогими запонками, сказал, что порой, чтобы выбраться из денежной ямы, среднестатистическому человеку стоит лишь отказаться от парочки небольших, но ежедневных затрат. Например, от сигарет, кофе на вынос или пива. А если от всего сразу, то можно даже скопить на отпуск. А ничего, что всё это, может быть, и есть чья-то жизнь?

Джейкоб смотрел на свет от фонаря и представил, как вот так же через двадцать лет будет сидеть в этой самой квартирке, платить этому самому арендатору и слушать те же самые советы, как сэкономить на кофе и сигаретах.

Он хотел закурить. Это желание чесалось в нём около часа. Джейкоб выкинул сигарету в окно, он вспомнил, что где-то в кухонном шкафу должны были быть спички. Кухня его была узенькой, почти непроходимой, такой же узенькой, как и сама квартирка. Джейкоб открыл верхний шкаф кухонного гарнитура и начал рыться в нём. Счета, опять счета. Спичек нигде не было. Вдруг что-то чёрное слетело с этой кипы смятых бумаг и упало прямо на столешницу. Джейкоб присмотрелся. Визитка. Та самая, которую дал ему господин в крокодиловых ботинках, та самая, которую пытался выудить у него Коул. От одной мысли, что завтра на работе ему придётся целый день провести в одной патрульной машине с этим идиотом, у Джейкоба свело мышцы на щеках. Щёки заболели так, будто ему только что выдрали зубы.

И так всю жизнь. Эта конура, эта работа, этот идиот рядом с ним. Он забыл, что хотел курить, он смотрел на чёрную визитку и белый

номер.

Ветер поднимал столбы пыли с мелкими крупинками песка, они впивались в лицо, застревали в волосах, слезили глаза. За спиной гудели машины, нервно перекрикивая друг друга, прижимая и подтормаживая. Джейкоб бросил свой седан у обочины. Вчера ночью он сделал один звонок, и в трубке сразу назначили место. Они уже знали, что это он. Голос на том конце провода был спокоен и твёрд, будто так и должно было быть, будто они знали, что так и будет, только Джейкоб не знал.

– Я знал, что ты придёшь, – человек в кожаной куртке стоял напротив.

– Да? С чего бы это? – обернулся Джейкоб.

– Все приходят.

– И много нас?

– Мало, очень мало.

Человек в чёрной куртке и пыльных ботинках из крокодила стучал сигаретой по зеркальной крышке портсигара.

Они стояли на мосту Риз, проезжающие машины за их спинами гудели так громко, что Джейкобу приходилось кричать, чтобы его слышали. А этот тип из бара даже не пытался повысить голос, он говорил так же, как говорил тогда. Низко и размеренно.

– Почему именно здесь? – Джейкоб огляделся по сторонам. Ветер прерывал и его голос тоже, но, казалось, собеседнику не доставляло труда услышать его.

– Здесь удобнее, – сказал он.

– Удобнее что?

– Увидишь.

– Я ещё ни на что не соглашался.

Человек передал ему плотный конверт. Джейкоб открыл его, закрыл и положил во внутренний карман куртки.

– Ну, допустим. Но почему именно я?

– А почему не ты?

– Разве на это не нужны специально обученные люди?

– Разве ты плохо обучен, Джейкоб?

– Я не про то.

– Или боишься убить невинного? В нашем деле таких нет. Мы не государство, Джейкоб, это оно отправляет солдат, заставляя их убивать детей и стариков. Мы таким не занимаемся, Джейкоб, и платим больше, гораздо больше.

– Так чем вы занимаетесь?

– Увидишь. Для начала надо разобраться кое с чем.

– Уже? Но я ещё в органах.

– Я тоже хотел повременить, – он наконец положил сигарету в рот и закурил, прикрывая огонёк от ветра.

– Ну так что? – Джейкоб почувствовал дым дорогих сигарет.

– Оружие при тебе?

– Оно табельное.

– Вернёшь его своему начальству. А пока возьми этот, – он достал из-за пояса другой пистолет и передал его Джейкобу.

– Что это значит?

Незнакомец развернулся и пошёл к эстакаде, туда, где кончалось ограждение моста.

– Я не могу начать вот так сразу, – крикнул Джейкоб, догоняя его.

– Всё ты можешь.

– Мне нужно уволиться.

– Ты уволишься через месяц.

– Когда?

– Когда раскроют убийство.

– Какое убийство?

– Ты скажешь, что устал, и подашь в отставку.

– Но почему не сейчас?

– Я тоже думал, что всё будет сейчас, Джей. Так было бы лучше.

Но планы меняются.

– Какие планы?

– Которые не зависят от нас.

Они прошли до конца ограждений, вышли за мост и стали спускаться под него.

Ноги Джейкоба скользили на крутом спуске, его новый знакомый спускался твёрдо и уверенно.

– Есть обстоятельства, – заговорил он, – ненужные обстоятельства, которые вечно лезут не туда.

Джейкоб ничего не понимал, но в животе его засосало. Редко когда ему приходилось спускаться с незнакомцами под мост.

Этот человек в кожаной куртке шёл впереди, болтая своими длинными руками будто верёвками, у него даже пистолета не было. Он был весь на ладони. Джейкобу ничего не стоило прикончить его и смыться с деньгами. Но он знал, что не сделает этого, и незнакомец тоже это знал, потому и был так спокоен.

– Почему мы не встретились в баре?

– Место неподходящее.

– Неподходящее для чего?

Они спустились под мост и стояли уже на ровной поверхности. Возле медленной рябью проходил небольшой канал. Под ногами скрипела галька.

– Ну так что, Джейкоб, какое у тебя жалованье?

– Около четырёх, – сказал Джейкоб.

– Негусто, совсем негусто.

– Все так получают.

– Все, кто работает с тобой, но не все, кто работает так же, как ты.

Где ты учился стрелять? Не поверю, что в органах.

– В детстве стрелял по тарелочкам.

Незнакомец недоверчиво посмотрел на него. Но понял, что тот не врёт.

– Отец учил. Отстреливаться от грабителей. Пока они не убили его.

– Не люблю тварей, которые лезут на чужую территорию.

– И я не люблю.

– Таких надо мочить сразу, без жалости.

– Мне было девять.

– Но теперь-то тебе двадцать девять, верно?

Джейкоб понял, что про него всё пробили. У таких людей полно знакомых где надо.

– Теперь бы ты их замочил? Этих подонков, что убили твоего отца?

Джейкоб молчал, а этот, в крокодиловых ботинках, всё не останавливался.

– Они пришли на твою территорию, Джейкоб? Есть люди, которые постоянно лезут не туда, – опять повторил он.

Джейкоб не знал, к чему приведёт этот разговор. Может, это он перешёл кому дорогу, даже если так, к чему нужен был этот конверт с деньгами? Ничего не клеилось.

– Бывает, строишь планы, – незнакомец закурил ещё одну, – строишь, а тут вылезает какой-то придурок, думая, что он умнее всех.

Он обернулся к Джейкобу, его сигаретка повисла на губе. Казалось, вот-вот – и она упадёт. И Джейкоб понял, что за эту сигарету он волнуется больше, чем за себя. Убьют его сейчас или нет, кому какое дело.

– А? Что скажешь, Джей? Почему все придурки считают себя умнее других?

– Должен же кто-то так считать, – сказал Джейкоб, совершенно спокойно.

– Тут ты прав, парень, тут ты прав.

Он переступал с ноги на ногу, молча выкуривая сигарету.

– Эй, – крикнул он, куда-то вглубь опоры моста, – выводи его.

Из тени высоких свай моста показалась фигура амбала, высокий, слегка сутулый, он тащил за собой кого-то, приставив тому пистолет к виску. Этот кто-то буквально висел на его руке. Амбал приподнял его за ворот куртки, видно было, как этот второй болтался в воздухе, его ноги не доставали до земли. Он что-то мычал и хлюпал носом. Мычал, мычал... Джейкобу показалось знакомым это мычание. Как и хилая фигура в темноте.

– Есть люди, которые просто бегут за смертью, – сказал незнакомец, указывая на этих двоих.

Они всё ещё были в тени, и Джейкоб никак не мог понять, кто это. Ещё пару шагов, и они вышли на свет.

– Коул, – Джейкоб еле вымолвил имя напарника.

Коул был совсем плох: порванная куртка, обмоченные штаны. Он никогда не отличался храбростью. Трусость, помноженная на любопытство, такие долго не живут.

– Этот болван преследовал тебя, – сказал человек в крокодильях ботинках. – Всю дорогу. Ты не заметил его, Джейкоб?

– Нет, – Джейкоб ненавидел этого придурка, но не настолько, чтобы желать ему смерти.

– Вытащи кляп, – крикнул тот амбалу, – он хочет что-то сказать.

Одним движением кляп был вырван изо рта Коула. Какой-то неприятный треск, похоже вместе с кляпом ему вырвали и пару зубов. Джейкоб поморщился.

– Неприятно, знаю, – сочувственно сказал незнакомец. Он сочувствовал Джейкобу, – но что ж поделать, такая работа, Джей, такая работа. Быть хорошим парнем – значит получать гроши. А хорошие деньги получают плохие парни.

– Пожалуйста, – бормотал Коул, – я ничего не слышал, я ехал не за тобой, это случайность, случайность, друг.

– Знаешь первое правило нашей профессии, Джейкоб? – спросил незнакомец. – У нас не должно быть друзей.

Джейкоб взвёл курок и выстрелил в напарника.

Никогда ранее он не стрелял в того, кто не был преступником. И потому удивился всякому отсутствию чувств, он не вздрогнул, не пожалел о сделанном. Единственное, что он чувствовал, – это раздражение. Кто заставлял этого придурка следовать за ним? Да и сам он чем лучше, не увидел хвоста.

Коул тихо осел на колени, а после упал лицом в гальку. Эти двое подняли его за руки, на изувеченном страхом лице Коула отпечатались следы от камней.

– Зачёт, – сказал незнакомец, – теперь ты в наших рядах. Нужно придумать тебе новое имя. Будешь Чарли Беккер. Как тебе?

– Вполне, – сказал Джейкоб.

– Новые документы будут готовы через месяц. Из участка ты выйдешь уже другим человеком.

Коула сбросили в реку. Пару секунд он ещё держался на поверхности, но вскоре ушёл на дно.

У дочери Коула было самое лучшее выпускное платье, оно стоило несколько сотен, и новый автомобиль, он стоил гораздо дороже. Джейкоб сказал, что это от всего участка. Тело Коула нашли в реке через неделю, убийцу тоже вскоре нашли, странным образом им оказался кто-то другой. Джейкоб был на похоронах, произнёс хорошую речь, а позже подал в отставку. Никто не удерживал его.

С тех самых пор он жил в лучших квартирах. Перед каждым заданием ему снимали новую. Он не думал о деньгах. С тех пор он ни о чём, кроме дела, не думал. Он пил дорогой бренди и ездил на

шикарных машинах, он перешёл на сигары, у него был свой винный погреб. Он смотрел, как его вино делают специально обученные люди, да, у Джейкоба были свои люди, это особое чувство. Ты словно Бог на земле. Он так и ощущал себя – вершителем, карателем, он даже не верил, что когда-то был простым полицейским. Сейчас он смотрел на них с жалостью, они делали ту же работу за гроши. Сидели в засаде, спали на работе, кидались под пули, арестовывали грабителей и наркоманов. Они не вылезали со дна. Всё дерьмо этой жизни они разгребали своими руками. Джейкоб ни о чём не жалел.

– Как вы спали, мистер Джейкоб?

Джейкоб промокнул рот и увидел другой рот, он стоял перед ним и говорил, еле размыкая губы.

Чёртов чревоушатель, подумал Джейкоб, а я чёртова кукла с дырой в спине.

– Как вы спали, мистер Джейкоб? – повторили неподвижные губы.

Этого человека он не видел раньше, он с большим подозрением относился к людям, которых не видел раньше.

– Мне поручено проводить вас в лабораторию.

– Не очень хорошо.

– Что, простите?

– Спал.

– А, вот вы о чём, а я уж было подумал...

«Он уж было подумал, что я сумасшедший, и, наверное, в руках за спиной он сжал электрошокер, или шприц, он не мог прийти без всего».

– Меня зовут Дэвид. Мы с господином Ланье вместе работали над проектом.

Он показал свои руки.

Ничего.

– Причиной плохого сна может быть новое место, стресс, всё что угодно.

– Всё в порядке.

Он так и стоял перед ним, не двигаясь, чего-то ждал. Джейкоб отпил чай.

– Вы готовы?

- Сейчас? – удивился Джейкоб.
- Время не ждёт, а вас ждут все.
- Который сейчас час?

Джейкоб пытался найти хоть какие-то часы, но никаких часов в номере не было. Стены голые, тумбы пустые. Будто ему и не положено было знать, какой сейчас час.

- Полпервого дня, – не раздумывая ответил Дэвид.

Джейкоб понял, что в нём не видят никакой опасности. Может, в нём и правда никакой опасности нет. А если нет, зачем тогда он сидит? Не должны ли сидеть те, кто опасен для общества. Это же наказание, вспомнил Джейкоб. Вспомнил и понял, что так и надо.

- Вы долго спали, Джейкоб...

Джейкоб потёр глаза.

– Значит, уже полдень, я думал, мне завтрак принесли, я думал, ещё утро.

- Вы очень устали.

– Вы знали, когда я встал, – Джейкоб посмотрел по углам номера. И увидел небольшие чёрные точки.

- Мы вынуждены, мы же не можем не...
- Не следить за мной?
- Не знать, что с вами происходит.

Да, конечно, волнует их, что со мной происходит. Та же тюрьма, только в декорациях.

- Вы готовы?

Джейкоб вышел из номера. Перед ним был широкий холл и высокие окна, у окон стояли высокие зелёные растения, их листья так блестели на солнце, будто их смазали маслом, светлые стены, и только одна дверь, напротив. Джейкоб не заметил её вчера. Он вчера мало что замечал, он хотел спать.

Новый доктор открыл перед ним дверь.

- Пожалуйста, Джейкоб.

С виду неприметная деревянная дверь имела полуметровую толщину, такие обычно делают в бункерах, с массой замков, скрытых и не очень. Такая вот дверь могла стоять как две машины. Только сейчас Джейкоб стал понимать всю серьёзность ситуации.

Это была не лаборатория, это был другой мир. И он занимал весь этаж. Джейкоб пытался захватить взглядом всё, что было можно, жаль,

что у людей нет панорамного зрения, тогда бы не пришлось вертеть головой. Иногда это очень не к месту, как, например, сейчас. Сейчас было совсем некстати оглядываться по сторонам. Хотя очень хотелось. За пять лет в четырёх стенах Джейкоб разучился рассматривать мир, прислушиваться к нему, и сейчас этот мир будто ударил ему по глазам, ярким светом, тихим гулом, множеством непонятных железных и стеклянных деталей, крупных и мелких предметов, разных геометрических фигур, всевозможных физических состояний. Эти формы перекачивались, испарялись, появлялись, вспыхивали, растворялись, мерцали и исчезали опять. Казалось, выйдя из своей четырёхстенной пещеры, он оказался на космическом корабле или как минимум в будущем. Умом он понимал, что как минимум в будущем оказываются все, кто вышел из тюрьмы, все, кто увидел мир по прошествии нескольких лет, что это, как не перемещение? Проведи ты пять лет в коме или на необитаемом острове, и почувствуешь то же самое.

Джейкоб поначалу не верил, что у этих чокнутых что-то получится, скорее наоборот, он верил, что у них ничего не получится. Потом же, когда встречи с ним назначались всё чаще, а разговоры становились всё дольше, он подумал, что не стали бы они с ним возиться просто так, и скептицизм подвергся сомнению, а сомнение сменилось надеждой. Теперь же он окончательно уверовал в то, что всё, о чём ему говорили до этого, действительно возможно. А возможно было следующее...

– Вам предстоит вернуться в один из дней, Джейкоб, – заговорил с ним доктор Ланье. Он был всегда учтив, всегда выдерживал небольшие паузы, полагая, что Джейкобу будет что уточнить, но Джейкобу не хотелось ничего уточнять, и Ланье продолжал:

– В один из дней, который вы лучше всего помните. Вы должны вспомнить всё, и чем чётче, тем лучше, до мельчайших подробностей. Нам неинтересно, какой это день, быть может, это что-то интимное, мы оставляем за вами право выбора и право не озвучивать его нам. Вам лишь нужно оставить след.

– Я понял.

– Лучше если это будет где-нибудь на плече, например вот здесь, – дотронулся профессор до руки испытуемого, – конечно, обстоятельства, в которые вы попадёте, могут диктовать другие

условия, тогда вы можете оставить порез на ноге, или на запястье, но только без риска для жизни.

– Хорошо.

Они хотели, чтобы Джейкоб оставил след на себе, рана должна быть достаточно глубокой, чтобы образовать шрам. Шрам из прошлого появится и в настоящем, то есть сейчас, на этом самом месте, где в данный момент не было ничего.

– Важно, чтобы в том моменте, в котором вы окажетесь, – продолжал Ланье, – вам было чем его оставить. Вам нужно иметь рядом нож или осколок стекла, что угодно. Мы не можем обеспечить вас этим из настоящего.

– Я понимаю.

– Этот поступок не должен изменить и вашего прошлого. Если это произойдёт в детстве, то может навести панику.

– Нет, это будет не в детстве.

– Если это произойдёт при ком-то, то паники тоже не избежать.

– Я буду один.

– Если вы вынуждены будете обратиться за помощью, будут замешаны третьи лица.

– Я справлюсь без чьей-либо помощи, никто не будет знать об этом, кроме меня.

– Отлично.

– Главное, чтобы никто не видел вас.

– Не волнуйтесь.

– Очень хорошо, что вы всё понимаете.

Джейкоб и правда всё понимал. Он понимал, что после завершения эксперимента его не выпустят на свободу. На свободе он никому не нужен. Да и не стали бы они с ним столько возиться, чтобы просто взять и выпустить. Он будет подопытной крысой ещё несколько лет, из года в год он будет участвовать в подобных экспериментах, подобно зверюшке в клетке. А потом они просто усыпят его, или он сам умрёт. Нагрузки, которые будет испытывать его организм, подобны тем, что испытывают астронавты при приземлении, он не протянет так долго, не больше десятка лет. А после он не должен будет знать, что знает, и его умертвят или лишат всякой памяти. Этим докторишкам нетрудно лишить кого-то памяти, наверное, это самое лёгкое для них. Его лишат памяти, рассудка и тоже закроют в какой-нибудь лечебнице

для душевнобольных. «Лучше уж сдохнуть», – думал Джейкоб, ему нечего было терять. Кроме одного лишь шанса. У него был единственный шанс, и он не мог его упустить. Он вновь попадёт в тот день, в день убийства Саманты Стюарт, он исправит всё.

– Вы меня слышите, Джейкоб?

Услышал он наконец голос Ланье.

– Да, я слышу.

– Отлично. Следуйте, пожалуйста, за мной.

Джейкоб следовал.

Он проходил мимо столов и стульев, мимо учёных и военных, здесь было много людей, и все смотрели на него. Они пытались скрыть своё волнение, но он всё чувствовал.

Его подвели к отдельной ширме и открыли её. Перед ним стояло большое кресло, кожаное, с высокой спинкой, от него отходили провода, множество разных датчиков и проводов.

– Прошу вас, Джейкоб.

Джейкоб сел в высокое кресло.

– Располагайтесь как вам удобно, можете откинуться, положите голову, вот так...

Ему показали как, он положил. Из-за спины появился другой человек, тоже в белом халате. Похоже, это был мистер Тёрк.

– Не волнуйтесь, Джейкоб, – снял он колпачок с иглы, – всё под контролем, – всадил он иглу в вену, – это поможет вам расслабить тело и сконцентрировать сознание.

Что-то тёплое проходило по венам Джейкоба, растворяясь в теле, подчиняя его.

– Закройте глаза, – услышал он, – представьте себя в том дне...

Джейкоб находился в состоянии сна. Сна, которым извне управляли эти, что стояли над ним. Он чувствовал, как к нему подключаются датчики, он хорошо их слышал, но всё ещё был в темноте.

– Вы должны увидеть тот день, Джейкоб, вернитесь в прошлое, вспомните всё, будто оно было вчера, будто оно происходит сейчас. Каждую деталь, цвет, запах того дня, и себя в этом дне. Почувствуйте себя там.

Чарли Беккер проснулся в доме, напротив дома Саманты
Стюарт...

35 глава

Вся эта шумиха с делом Стефана Нильсона выбила Мориса из колеи. Часто успех сказывается не лучшим образом на ходе дальнейшей работы. Репортёры всё ещё одолевали Глорию, она даже причёску сменила, теперь начёс стал не таким высоким. Всё потому, что под её фотографией в электронном выпуске газеты «Нью-Йорк таймс» кто-то оставил ряд нелестных высказываний о её стиле. Некие идиоты, как их обозвала Глория, сказали, что такие причёски носили в девяностых, другие сказали, что идиоты те, кто выше, потому как такой стиль как раз из восьмидесятых. Они начали спорить и забыли, о чём спорили. Но Глория ничего не упускала, а пошла и переделала себе начёс, и макияж сделала менее кричащим. Капитан, увидев такую Глорию, поинтересовался, не больна ли та, на что получил вполне исчерпывающий ответ и больше ни о чём её не спрашивал. Ронни решил организовать вечеринку, пригласив туда всех, кто был в отделе, всех, кроме капитана, естественно. Ну какой капитан на вечеринке? Всё равно что взять с собой священника в свадебное путешествие.

Морис не хотел вечеринок. Он понимал, что никак не вписывается в них. На прошлой вечеринке, устроенной Ронни, он был «открывалкой». Он открывал всем пиво. На столешницу, возле которой он сидел, поставили сумку-холодильник, и единственный, кто мог до неё дотянуться, был Морис. Так он и передавал всем пиво, ещё и открывая его. Когда пиво закончилось, а Ронни пошёл за новым, Морис незаметно исчез. «Куда ты делся? – спрашивал тогда Ронни. – Было весело. Мы пригласили девчонок, одна из них была стриптизёршей». Морис перекрестился. Он не любил стриптизёрш. Как-то в общаге колледжа одна выплясывала на нём, а он не знал, что нужно делать. «Шлёпни её, шлёпни», – кричали ему, он не мог, у него вспотели руки, тогда он достал платок, вытер руки, сложил платок и прикоснулся к ней. Смех не сдержал никто, даже стриптизёрша, она, кстати, оказалась проституткой, девушка повернулась к нему лицом и поцеловала в губы, чем вызвала всеобщее улюлюканье. До сих пор он вспоминал тот день как страшный сон.

К тому же оставлять Саманту на ночь одну сейчас не лучшее время. Он не знал, повторится ли ещё раз то, что у них было с

Самантой, он ни на что не рассчитывал. Может, она пожалела об этом, может же она пожалеть. По крайней мере, Морис совсем не считал себя тем, в кого можно влюбиться. Но что-то в ней было такое, чему он верил. Или ему хотелось в то верить. После работы он зашёл в продуктовый, Морису совсем не нравилось, что Саманта ходит по магазинам. Наполнив пакет до краёв, он, придерживая его подбородком, вышел из магазина. Загрузив продукты в багажник, Морис тщетно пытался закрыть его, что-то было с замком, он срабатывал только с третьего раза. Раз, два, три. Проверил, закрылось.

– Это вы, детектив Морис? – услышал он за спиной.

– Я, – повернулся Морис, осматривая говорившего. Ничем не примечательный человек стоял напротив него.

– Вам просили передать, – протянули ему конверт. Он был не запечатан. Значит, тот, от кого письмо, доверял этому человеку.

Морис раскрыл конверт и пробежался глазами по написанному. Без подписи. Он хотел спросить, от кого, но человека уже не было. Только переулок, те же невысокие дома, тот же серый асфальт.

Морис ещё раз развернул письмо.

*Уважаемый детектив,
даже самые лучшие полицейские порой допускают ошибки. Мне необходимо встретиться с вами. Я многое смогу пояснить. Жду вас сегодня, в 9 часов, на камнях у красного маяка.*

P. S. Тот, кого вы не знаете.

«А кого я не знаю?» – подумал Морис.

На часах было полдевятого.

О какой ошибке ему пытались сказать? Не так уж и просто признать собственный промах, это равносильно ошибке хирурга на операционном столе; посадить кого-то невинного не лучше, чем убить его. Хотя кто может быть невинен? Если речь о текущем скандале с Нильсоном, то Морис на сто процентов был уверен в его виновности. Все факты налицо, все доказательства в протоколе. В этом деле просто масса свидетелей. Показаний жертв в этот раз хватило бы на три таких дела. У Мориса не было никаких сомнений в правоте этих женщин.

Бенджамин уже подъезжал к маяку, когда небо затянулось серостью. Рядом была Атлантика. Оставив машину у дороги, Морис

пошёл к берегу. Под ржавой изнанкой проездного моста возвышался красный маяк. «Красиво здесь», – подумал он.

– Живописно, не правда ли? – сказал мужской голос. Мужчина в чёрном пальто и солидном костюме стоял на тропе, ведущей к маяку. Он подходил медленно, не торопясь. Руки его были в карманах, шарф закрывал шею до самого подбородка, казалось, он тоже продрог.

– Я люблю это место, – сказал он.

Морис не мог выговорить ни слова, казалось, он разучился говорить. Если в первый раз это было нелепостью, игрой разума, времени, бред, то во второй, вот сейчас... Морис не хотел в это верить. Ещё одного живого покойника он не переживёт.

– Что такое, детектив? – спросил человек. – С вами всё хорошо? Вы будто привидение увидели.

– Это вы? – еле вымолвил Морис.

– Мы знакомы?

– Вы же умерли год назад, – перед глазами Мориса, как сейчас, стояла та фотография, которую он взял у Саманты.

– Умер? – рассмеялся Кларк Стюарт. – Как видите, живее живых. Это Саманта думает, что я умер, как и многие, с кем я не хотел бы общаться. В том числе и Стефан Нильсон. Вы знакомы с этим извращенцем, да, детектив?

– Да, – задыхался Морис, – знаком, – расстегнул он верхнюю пуговицу.

– Он ещё тот мерзавец, – вздохнул Кларк Стюарт, – мерзавец, шантажист, но не убийца. Он не убивал меня.

– Но как вы?

– Как я узнал, что вы хотите приписать ему мою смерть? У нас один адвокат. Он сообщил мне о ваших подозрениях.

– Вы не мертвы?

– Нет.

– А Саманта...

– А Саманта думает, что мёртва. Кстати, как она? Она красива, не правда ли?

– Да, она...

– Она мне очень дорога, всегда была очень дорога. Я хорошо относился к ней, у неё было всё, и мои деньги, и моя любовь. Из молодой девчушки она выросла в красивую женщину.

Морис кивнул.

– Она живёт у вас, детектив? Я знаю, знаю. Вы, наверное, сблизились?

Морис не знал, что ответить...

– Она так хороша в постели, – еле заметная ухмылка проскользнула по лицу Кларка Стюарта.

– Где хороша? – переспросил Морис.

– В постели. Вы ещё не поддались ей? У неё не кожа, а бархат, не правда ли, детектив? И эта грудь...

Мориса затошнило, он подумал, что не расслышал, что не так понял, его руки одеревенели, стали твёрдыми и красными, будто вся кровь притекла к ним. Он кинулся на Кларка Стюарта и повалил его на острую гальку.

– Как вы смеете, – тряс он его, – подонок! – Морис жёстко ударил соперника по лицу.

– Что вы делаете? – задыхался Кларк. Кровь пошла носом, залила и камни, и рубашку.

– Вы совратили родную дочь? – у Мориса разрывалось в голове. Он тряс его как тряпичную куклу. Никогда ранее он не испытывал такой ярости.

– Дочь? Кто вам сказал, что она моя дочь? Саманта? – Кларк харкался кровью. – Это Саманта так сказала? Она моя жена! Слышите? – Он сел на камни и шарфом вытер кровь с лица.

– Она моя жена, – сказал он по слогам.

Морис тяжело дышал. Он встал и, облокотясь на ограждения маяка, посмотрел на Кларка Стюарта.

– Как это – жена?

– Официально! И всегда ей была, с семнадцати лет. Я забрал её у Стефана Нильсона.

Кровь перестала течь.

– Это она хотела меня убить. Год назад она подговорила дворецкого, чтобы тот подсыпал мне яд в виски. Естественно, он предупредил меня. – Кларк сплюнул остатки крови. – Саманта никогда не отличалась большим умом.

– Не может быть... – бормотал Морис.

– У меня есть все доказательства. В том числе признание дворецкого, письменное. Я подстроил для неё свою смерть,

подговорил друзей, они позвонили ей сразу, когда я якобы умер. Она была в шоке, хоть и убила меня, она даже плакала. Просила прощения. Но я был непреклонно мёртв, – он засмеялся, – мои люди забрали меня, якобы кремировали, а дальше вы поняли.

– Но почему, за что?

– Из-за ревности. Саманта буквально сошла с ума, видя в каждой моей клиентке потенциальную любовницу. Она закатывала такие сцены, она ненавидела всех актрис.

– Но вы же отошли от дел.

– Да, между прочим, из-за её истерик. Но она всё равно думала, что я изменяю ей. Она думала, я сплю с каждой из них. Она убила меня за то, чего я даже не делал.

Мориса знобило, с неба мелко накрапывало, потом чаще, чаще, и полило стеной, так что он еле видел Кларка Стюарта.

– Это вы убили её? – крикнул Морис сквозь дождь.

– Что? Как же я убил, если она жива?

Дождь так гремел, что ничего не было слышно. Ветер поднял Гудзон и прибрежную пыль. Морис вспомнил, что никакого убийства не было.

– Вы хотели убить её?

Кларк Стюарт молчал.

– Хотели?

– Хотел, – сказал он, поправляя мокрые волосы, – но что-то пошло не так. Киллер, которого я нанял... Вы не поверите, детектив, он испарился. Он не убил её.

– Покушение сорвалось?

– Да, детектив.

– Но почему вы не наняли другого киллера?

Дождь резко стих, так же резко, как и начался.

Кларк Стюарт выжал свой шарф и ещё раз протёр им лицо.

– Вы не поверите мне, мистер Морис.

Теперь уже Морис во всё бы поверил, даже в воскрешение Христа.

– Когда мой человек поехал на задание, он должен был убить её. Я снял ему домик, напротив. Так вот, он так и не заехал в тот дом, так и не был там, он исчез где-то по дороге, но об этом я узнал на следующий день. В день убийства я сидел дома и пил. Целый год я

вынашивал план мести, план убийства этой стервы, а в тот самый день мне стало жаль её. Саманту должны были убить в десять часов, когда пробило десять, я разрыдался. Я пил и рыдал целый день. А когда я узнал, что она жива... Я понял, что не убью её снова. Я уже убил её тогда, пусть не по-настоящему, но я удовлетворил свою месть. С меня было достаточно.

– Я должен буду посадить её за организацию и покушение на убийство, – еле вымолвил Морис.

Кларк Стюарт ухмыльнулся.

– Значит, вы не втрескались в неё, детектив? Уважаю, – протянул он.

Морис молчал.

– Делайте что хотите, может, вам и правда лучше посадить её. Вдруг мне вздумается ещё раз её убить, – он рассмеялся, подмигнул Морису и ушёл.

36 глава

«Отче наш, да святится имя твоё, да придёт царствие твоё, да будет воля твоя...» – бормотал уставший голос через утренний сон.

Чарли Беккер открыл глаза. Он лежал на той же постели, в том же доме, напротив дома Саманты Стюарт.

Те же стены смотрели на него, тот же день не желал его отпускать.

«Кто-то держит меня, – думал Чарли, – что-то держит меня, возвращая в этот самый день. Но я не убил её, я не убил её вчера».

Он поднялся с кровати и крикнул на весь дом:

– Я не убил её, слышите! Не убил! Это какое-то шоу? Розыгрыш? Кто делает это со мной?

Он опустился на колени и заплакал, он плакал как ребёнок, утирая сопли кулаком.

– Я не убил её! – всхлипывал Чарли. – Я не смогу опять... я не смогу опять её убить.

Он вспомнил, как заходил к ней снова и снова, как она убегала, как он, схватив её за плечи, дёрнул так сильно, что, кажется, у той хрустнуло в рёбрах. Она вырывалась, вырывалась, а он держал её, притянул к себе и выстрелил. Она сразу обмякла, тут же повисла на нём ...

– Я не хочу опять, – кричал он в немые стены, – я не хочу убивать её, – взывал он к господу, через пожелтевший в разводах потолок. – Я не сделал ничего плохого, я не убил её...

– Выпустите меня, – он сидел пристёгнутый к креслу и мотался в нём, полный агонии. Датчики на его голове фиксировали всё, что происходило с телом.

– Давление под двести, – сказал доктор.

– Почему он не приходит в себя? Верните его, профессор.

– Он должен послать нам знак, он должен оставить след.

– Нет никакого шрама, он провалил задание.

– Ещё не конец.

– Пора выводить его, он уже двенадцать часов в таком состоянии.

– Не преувеличивайте, пару раз он спал.

– Он терял сознание, это разные вещи.

- Почему он не следует инструкциям?
- Не волнуйтесь, генерал, всё по плану.
- Хреновый же у вас план.

Чарли метался по полу в истерике, он весь взмок и горел. На тумбе лежал всё тот же пистолет с глушителем, сколько раз он избавлялся от него. Но он находил его снова. Чарли взял пистолет, сгрёб все вещи, собрал чемодан, вышел из дома, сел в машину и уехал. Он ехал к мосту. К утреннему Гудзону. Там, у маяка, не так многолюдно, слишком рано для людей. Он выбросит пистолет в воду, но сначала...

– Отче наш, – бормотал Чарли Беккер.

- Отче наш, – вырвалось из сжатых губ подопытного.
- Что он бормочет там? Вы слышите, профессор?
- Да святится имя Твоё...
- Какое имя ему нужно?
- Он читает молитву, генерал...
- Тьфу, – сплюнул генерал, – вы же сказали, он нормальный!
- Нормальный.

– Религиозных фанатиков не допускают к серьёзным экспериментам.

– В ходе проведённой с ним беседы было выявлено, что он не верит в Бога.

- В его камере даже Библии не было...
- Да какое это сейчас имеет значение!
- Да придёт царствие Твоё...

Все мускулы изнеможённого усталостью Джейкоба резко сжались. Пульсирующее, уставшее лицо покрылось крупными каплями пота.

- Пульс, какой пульс?
- Пульс в норме.
- Но его же трясёт!
- О господи...

Джейкоб вдруг обмяк, тело его ослабло, глаза уже не двигались под закрытыми веками, руки, что ещё секунду назад так яростно вцеплялись в подлокотники, разжали побелевшие пальцы. Все

присутствующие отступили на шаг. Никто не мог проронить и слова. Покой и умиротворение озарили лицо несчастного. Тонкая струйка крови стекала по впалой щеке и медленно капала в небольшую красную лужицу на белоснежном полу. В виске зиял огнестрел.

– Время смерти 17.00.

Table of Contents

[Лора Кейли В петле времени](#)

[1 глава](#)

[2 глава](#)

[3 глава](#)

[4 глава](#)

[5 глава](#)

[6 глава](#)

[7 глава](#)

[8 глава](#)

[9 глава](#)

[10 глава](#)

[11 глава](#)

[12 глава](#)

[13 глава](#)

[14 глава](#)

[15 глава](#)

[16 глава](#)

[17 глава](#)

[18 глава](#)

[19 глава](#)

[20 глава](#)

[21 глава](#)

[22 глава](#)

[23 глава](#)

[24 глава](#)

[25 глава](#)

[26 глава](#)

[27 глава](#)

[28 глава](#)

[29 глава](#)

[30 глава](#)

[31 глава](#)

[32 глава](#)

[33 глава](#)

[34 глава](#)

[35 глава](#)

[36 глава](#)

